

Российская академия наук

**К 150-летию со дня рождения
Владимира Ивановича Вернадского**

БЮЛЛЕТЕНЬ

Комиссии по разработке
научного наследия
академика
В.И. Вернадского

№ 21

НИА - Природа
Москва - 2012

УДК 550.4
ББК 26.30
Б98

*Комиссия по разработке научного наследия
академика В.И. Вернадского
при Президиуме Российской академии наук*

академик Э.М. Галимов (председатель),
к.э.н. В.С. Чесноков (ученый секретарь), к.и.н. В.Ю. Афиани,
д.г.-м.н. В.К. Гаранин, академик А.Д. Гвишиани, д.ф.н. Э.В. Гирусов,
к.г.-м.н. Е.М. Гурвич, академик А.Н. Дмитриевский, д.г.-м.н. А.А. Кадик,
академик Н.С. Касимов, академик Л.Н. Когарко, к.п.н. А.В. Леонтович,
академик Ю.Н. Малышев, д.б.н. Э.Н. Мирзоян, чл.-корр. РАН
Т.И. Моисеенко, к.п.н. А.С. Обухов, академик Д.Ю. Пушаровский,
академик Д.В. Рундквист, д.б.н. А.С. Саввичев, Н.В. Свешникова,
к.э.н. К.А. Степанов, академик В.С. Урусов, академик М.А. Федонкин,
к.г.-м.н. В.В. Черненко, д.г.-м.н. А.А. Ярошевский

Ответственный редактор

д.г.-м.н. В.П. Волков

Составители:

д.г.-м.н. В.П. Волков

к.э.н. В.С. Чесноков

Рецензент

д.ф.н. И.И. Мочалов

**Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия
академика В.И. Вернадского. Вып. 21.** – М.: НИА-Природа.
2012. – 206 с.

Статьи очередного № 21 Бюллетеня Комиссии посвящены оригинальным разработкам идейного наследия В.И. Вернадского. В этот номер включены разработки украинских ученых, статьи сына ученого, переписка Г.В. Вернадского с В.С. Неаполитанской и другие материалы, публикуемые впервые. Для всех интересующихся историей науки.

ISBN 5-02-006271-5

© Президиум РАН, 2012

© НИА-Природа, 2012

А.К. Медведев

ПИСЬМА В.И. ВЕРНАДСКОМУ

1877 – 1881. Харьков, Уфа. Ф. 518. Оп. 3. № 1048

Лл. 1 - 2. Уфа

Дорогой друг!

Тяжело у меня на душе в настоящую минуту; тоска, страшная тоска! Мои надежды на Уфу не оправдались, хотя я и ожидал от нее не слишком много и не невозможного. Впрочем – кто знает – может быть, я найду в среде товарищей, которых куда еще не знаю, добрых юношей, но и эта надежда слаба и сильно поколеблена рассказами некоторых лиц о нашей гимназии; эти рассказы, хотя и не относятся к настоящему состоянию ее, но к недалекому прошлому и были такого сорта, что мне, избалованному сравнительно либеральным Харьковом, приходилось часто говорить: «Свежо предание, а верится с трудом». Привыкать к Уфе мне, я думаю, будет трудно; согласишься сам, что, проживши четырнадцать лет в Харькове – городе университетском, чрезвычайно оживленном, в семье, приехать в Уфу – перемена слишком резкая и, если еще здесь такие порядки в гимназии, какие были года три тому назад, то при моей сильной впечатлительности, теперешняя тоска, может обратиться в совершенное равнодушие ко всему окружающему. Но этого, кажется, не будет. Впрочем, нет худа без добра; при незначительности занятий, как я думаю, мне много будет времени читать и заниматься музыкой.

На пути мне было весело; осмотрев Москву, Нижний; видел Волгу и Каму; ну и так как видел я их после Харькова и Лопани, то ты можешь представить, какое они произвели на меня впечатление. Что касается Москвы, кроме Кремля, то я ожидал от нее больше.

Прощай

Твой друг Ан. Медведев

Адрес: Ханьковская улица, д. Гаазе

Л. 3. Харьков, 26-го апреля 1877.

Милый Володя!

Первым долгом своим считаю осыпать тебя упреками за то, что ты совсем забыл меня. Как тебе не стыдно? Право, когда ты жил в Харькове, ты не казался мне таким легкомысленным. Ну, как же ты поживаешь? Тебе верно скучно по твоей родине, Малороссии. Я переведен в пятый класс без экзамена: вот уже более полутора месяца не хожу в гимназию. Кланяется тебе Адольф Степанович Менжо и Зикеев. У нас в четвертом классе только 15 учеников и теперь четвертый класс считается самым худшим в гимназии. Учителя у нас те же самые. Я все болею, а ты, вероятно, толстеешь. Я теперь рисую довольно порядочно, беру уроки у художника Шрейдера.

Кланяйся твоим родителям, сестрам и нянюшке.

Твой всегдашний, неизменный друг Анатолий Медведев

P.S. Мой адрес: Скрыпницкая улица, дом Демьяненка, № 5.

Пиши мне, пожалуйста!

Лл. 4 – 5. 23 июня 1899-го года, Харьков

Мой друг!

Я тебе отвечаю чрез несколько дней после получения твоего письма. Причина тому та, что я теперь живу на даче, в Карачевке и поэтому могу отвечать тебе только из Харькова. Однако ты мне пиши все-таки по тому же адресу. Наша дача находится как раз над рекой Удами. Рассказывают, что на этом месте еще во времена Крымских набегов по одну сторону реки находился русский лагерь, а по другую расположились татары. Действительно, местность носит на себе отпечаток военного лагеря. Один берег реки возвышенный, весь состоящий из холмов, между которыми попадаются такие, которые, вероятно, служили сторожевыми пунктами. Все это место наз[ывается] Городищем. Ты живешь в местности похожей на Швейцарию, а я в настоящей Малороссии. Действительно, Карачевка – настоящая Малороссия: бесконечные луга, степи, в которых приютились деревеньки, утопающие в зелени, наконец, самое народонаселение, все это напоминает на каждом шагу о Малороссии. Мне очень нравится наша дача. Желаю тебе хорошо провести лето. Кланяйся всем.

Жму крепко руку! Анатолий Медведев.

Лл. 6 - 7.

Милый Володя,

Спешу ответить на твое письмо. Что на Собуровой даче свирепствует тиф, это правда; умер один доктор – не знаю его фамилии, знаю только, что зять Франковского. Османа я не видел, потому что его редко можно встретить на улице; он живет на Екатеринославской ул. в доме Кузина. Как рассказывают, его предадут военному суду, так как в Плевне не нашлось ни одного пленного, ни русского, ни румына; а потом случайно открыли яму, в которой нашли трупы нескольких русских офицеров и солдат. Европа совсем избаловала блистательную Порту: русские, напр., должны соблюдать все правила международного права, а турки смотрят на это сквозь пальцы. Мало того блистательная Порта обращается к державам с просьбами заставить Россию прекратить ее зверства (!?), а между тем находят сотни русских раненых, изувеченных самым бесчеловечным образом. Европа на все смотрит спокойно. Когда я писал эти строки, я сравнил Европу с отцом, который видя глупости любимого сына при свидетелях, всяческими способами старается одобрить его поступки, и делается поэтому смешон. Не знаю как там у Вас в столице, но у нас, в провинции совершаются изумительные вещи. Например, в то время как русские проливают свою кровь за свободу братьев – славян, когда они жертвуя своей жизнью, стараются вырвать их из оков невежества, в это самое время русские дамы заводят знакомства с чалмоносными подданными этой блистательной Порты, ухаживают за ними, стараясь вероятно выказать себя в хорошем свете. Я тебе расскажу один случай, который я слышал от Зикеева. В июне месяце в

одном из летних садов несколько дам проводили с несколькими турецкими офицерами, как видно было, очень весело время за шампанским. Один почтенный старичок, отставной офицер не выдержал, подошел к этим дамам и высказал им всю неосновательность их поведения. Но эти почтенные дамы нисколько не смутились и очень нахально ответили, что, если ему не нравится их поведение, так он, вероятно, знает выход. Бедный старик со слезами на глазах ушел. Заметь, что эти дамы принадлежали к наиболее известным в Харькове. Зикеев был очевидцем этого происшествия. У нас в последнее время много толкуют о прогрессе, о том, что Россия на пути к развитию, а между тем вот подобные случаи еще встречаются. Не думай, что Sequana такой легкомысленный, что мог бы забыть одного из лучших своих друзей. Когда я передал ему поклон от тебя, он очень обрадовался. Что ты до сих пор не напишешь, в которой ты гимназии? Вот еще новость: сегодня происходит собрание Харьковских директоров под председательством нашего, Тихоновича с целью приискания средств по улучшению поведения наших гимназистов. Мне кажется, что, несмотря на всю их изобретательность, попытка их останется пустой; у нас гимназисты не особенно думают о гимназии и ее начальстве. Дело об убийстве Ковальчукова еще не началось.

P.S. Мой адрес тот же. Прощай. Анатолий Медведев.

Харьков 1/16. 1878

Л. 8 - 9. 1878.

Милый Володя,

Я довольно долго не писал тебе; извини меня за лень – единственную причину моего молчания. Зикеев теперь актер и писатель, в комедии «Свадьба Кречинского» играет роль Расплюева, а в журнале «Звонарь», издаваемым Павловским, пишет романы из сербской жизни; но романы его не выдерживают никакой критики; ему все не везет в математике – теорию зубрит слово в слово, а задач совсем не умеет делать. Я в последнее время особенно пристрастился к математике и довольно усердно занимаюсь ею; в нашей учебной литературе не было до сих пор порядочного задачника по геометрии, но теперь появилось руководство для практических упражнений Минина – очень интересный задачник: в нем кроме геометрических есть задачи физические, решаемые с помощью геометрии. В нашем классе никто не любит математики, а классиков много. Менжо уже нет у нас, на место его m-г Goulevaut; вероятно преподавание пойдет теперь лучше. Я видел Османа-пашу: ничего особенного в нем нет; он бывает в собраниях, театрах; для него даже была поставлена драма «Князь Серебрянный». Коллекции мои камней я почти оставил, а собираю коллекции насекомых, но пока еще мало экземпляров. Кланяется тебе Зикеев. Прощай. Анатолий Медведев.

P.S. Как память о тебе, я храню кристаллы, подаренные тобой и твои сочинения, которые Линда отдала мне в четвертом классе: Зима, Весна ... Рождество, Сретенье и Крещение Господне.

Лл. 10 - 11.

Я пишу тебе, друг мой, только что оставленный страшной лихорадкой, которая трепала меня всю эту неделю. Очень тебе благодарен за присланную тобой программу. Этим ты исполнил одну часть моей просьбы. Постарайся же исполнить и другие: разузнать, на чей счет воспитываются ученики и программу преподаваемых в морском училище наук. В печати этого ты, вероятно, не найдешь и тебе придется пораспросить.

Название «общие» классы для меня немного непонятно. Я думал – это значит, что это указывает на преподавание в них наук общеобразовательных и морских. Какие же это морские? Ты обо всем этом, сообщи мне, пожалуйста! Из некоторой части того, что ты пишешь о ваших гимназистах, я заключил, что прежде у вас было не так строго, как в Харькове. Ты говоришь, что *теперь* запрещено штатское платье – у нас *всегда* должно было быть форменное у учеников начиная с 1-го класса. Потом ты пишешь, что на куренье прежде не обращали слишком большого внимания: а у нас и прежде за него исключали; разве ты не помнишь в первом классе Гриневицкого?

Что же касается распоряжений: чтобы как можно чаще спрашивать гимназистов, занимающихся не гимназическими предметами, распоряжение о вашем журнале и о чтении в свободное время древних классиков (ужасно!), то они поставили ниже в моих глазах ваших педагогов. У нас директор Тихонович тоже свирепствует. Например, запретил чтение книг из публичной библиотеки; за него (а не за его мнение) были все учителя, кроме учителей русской словесности и физики. Директор со своими приверженцами победил, причем сказал г-ну Л. - учителю русской словесности, что его защита учеников в этом деле есть распространение между учениками революционных идей; «а моя», говорит «гимназия должна быть лучшей по направлению!» Non multum aberat (лат. - недолго он присутствовал), чтобы этого учителя в государственном преступлении обвинить! Ученики должны довольствоваться чтением из ученической библиотеки – довольно бедной по количеству книг! А книги есть хорошие! Прощай! Анатолий Медведев

P.S. Как твое здоровье? 1878. Окт. 24.

Лл. 12 - 13.

Любезный друг!

Извини меня, что я тебе долго не отвечал: при переходе в следующий класс всегда много хлопот в покупке книг, в делании тетрадей и т.п. Впрочем ты сам – гимназист и мои объяснения и извинения излишни. Ты в своем письме повторяешь просьбу о каких-нибудь исторически интересных рассказах, касающихся Харькова. Ты - петербуржец и меряешь все на свой аршин. В бытность твою в Харькове мы были еще не настолько серьезны, чтобы присматриваться, вообще, к внутренней

жизни Харькова. Это, как оказывается из моих наблюдений город исключительно коммерческий, город вполне подверженный застою в нравственном и научном отношении, в котором нет той кипучей умственной жизни, какая замечается в других городах. Ты скажешь: да ведь Харьков же – центр умственной жизни Малороссии, у Вас же и университет, и гимназии, и реальные училища, и институты: ветеринарный, технологический! Хорошо; но профессора университета, при своих и без того необходимых познаниях, за немногими исключениями, с утра до вечера занимаются не наукой, а собиранием визитных рублей; учителя гимназий или подличают перед директорами, или ничего не делают и ничему не учат учеников, или, наконец, исполняют свои обязанности самым казенным образом, потому только, что знают, если они не будут заниматься, не получают жалования, а есть и денежные эксплуататоры, которые, принимая к себе на частную квартиру мальчика-гимназиста, сдирают с родителей 600 рублей за то, что мальчик перейдет в следующий класс, причем не обращает внимания на его успехи. Вот тебе краткий очерк харьковских педагогов! При таком состоянии научного дела возможны ли у нас какие-нибудь оригинальные занятия по математике, истории и т.п.? Конечно, нет, если принять во внимание поведение учащихся, которые свободное время проводят в различных трактирах и <нрзб>. Значит не вини меня, что я тебе отказываю в твоей просьбе. Мне не к кому обратиться! У Вас вот теперь и кружок энтомологов и журналистов, а у нас ничего подобного не может быть. Я бы попросил прислать мне несколько номеров издаваемого тобой журнала. Пожалуйста! Далее о собирании коллекции – я думаю, что изучение зоологии в таком виде, в каком оно доступно интересу каждого должно ограничиваться знанием семейств, родов и т.п. Я так и занимаюсь. А Мухин и Кузнецов ограничивались накалыванием насекомых на булавки. Эти почтенные естествоиспытатели отстали от меня в IV классе. Зикеев кланяется. Сербские повести потерпели фиаско по неудовлетворительности слога и бедности содержания. Все-таки он еще до сих пор хороший малый; несколько не вырос, также как и я. Прощай. А.М.

Авг. 1878.

Лл. 14 - 15. 1878

Милый Володя!

Извини меня за слишком долгое молчание, если, конечно, ты сердись на меня за то, например, что я небрежно отношусь к переписке, что я тебя забыл и т.п.! Вот причины, оправдывающие меня.

Во-первых, чрезвычайное множество занятий – временем для которых я не мог располагать по собственному произволу. По просьбе нашего учителя французского языка я должен был «просмотреть» издание издаваемой им грамматики – оказалось, что нужно не «просмотреть», а переделать и переписать, что отняло у меня по крайней мере

два часа в сутки, а занимался я этим две недели с лишним; кроме этого я занимался французским и английским языками. Во-вторых, благодаря *чрезмерному* топлению нашего класса и *примерному* устройству печей в нашей гимназии в последнее время я страдал головной болью; и наконец последняя причина, что ты в *последнем своем* письме не отвечал на некоторые вопросы, предложенные мною в *моем последнем* письме, вследствие чего я предполагал, *наши последние* письма посланы в одно время – первое в Харьков, а второе в Петербург!

Благодарю тебя <за> все те сведения, которые ты добыл о Морском училище; больше мне не надо подробностей, тем более что я *еще не совсем* решил избрать себе эту дорогу. Посуди сам – поступив туда, я положительно никакой пользы не принесу – ни науке, ни обществу, ни государству! Совсем другое Университет! Напиши свое мнение о том и другом – я уже тебя раз просил об этом. Действительно, морская служба дает редкий случай совершить кругосветное путешествие!

Московские преподаватели математики: Арбузов, А. и В. Минины и Назаров начинают прославляться: составленные ими сборники задач арифметических и геометрических введены не только почти повсеместно у нас в России, но и во Франции. Изданный ими же недавно алгебраический задачник ожидает тот же успех! Кстати! Я хотел тебя спросить еще об одном ... будь так добр, разузнай, какая задача требуется для поступления в Морское училище – на построения – собственно геометрические, или на вычисление – задачи алгебраической геометрии? Пожалуйста! Это для меня очень важно, потому что первыми у нас никогда не занимались и мне пожалуй придется изучать сначала способы браться за них. Через несколько времени – через месяц или полтора оставляю Харьков и еду в *Уфу*, куда получил назначение мой отец и где, следовательно, я и буду оканчивать шестиклассный курс! Как видишь, *мне* предстоит интересное путешествие: ведь я ничего, кроме Харьковской губернии не видел! Прощай!

Твой всегдашний друг А.М.

P.S.В последнее время я весьма полюбил историю!

Лл. 16 - 17. Карачевка, 1878.

Поздравляю тебя, милый друг, со днем твоего Ангела, хотя ты получишь мое поздравление поздно.

Спешу объяснить причину моего молчания; ты, верно, теперь сердись на меня. Видишь, в чем дело: мы перебирались на другую квартиру; во время перевозки вещей мой портфель, где находились все твои письма засунули куда-то, а я, как на беду, забыл № Вашей квартиры. Я теперь живу на даче – в Карачевке, там же, где и прежде – в прошлом году; занимаюсь естественной историей – собираю коллекцию бабочек, так что их уже у меня около 120 экземпляров. Занимаюсь кроме того астрономией. Ты меня просишь в твоём письме о каком-нибудь истори-

ческом интересном рассказе; право, не могу исполнить твоей просьбы, потому что сам не знаю и не знаком ни с кем, специально занимающимся историей. С июля я начал готовить каникулярные работы, которых у нас задали довольно много; только что, сию минуту, окончил греческую работу. У нас недели уже три дожди, холод, вообще скверная погода. Какая у Вас тема была по русскому языку на экзамене? У нас – Значение Волги для России. Ты, вероятно уже слышал, что в Харьковском округе на окончательном испытании по геометрии, была задана такая задача, что никто в округе не решил ее. Все-таки у нас назначена серебряная медаль Карлсону. Ты его, вероятно, помнишь. Что трудный у Вас был экзамен по математике в пятом классе? У нас геометрическая задача довольно трудная была.

Т.Д. А.М. Адрес: Немецкая улица, собственный дом № 5.

Лл. 18 - 19. 1878.

Что же ты не пишешь мне, милый Володя. Я думаю, что этому не может быть иной причины, кроме болезни. Я теперь чувствую себя совсем хорошо; на даче поправился. Дача, действительно, хорошо. Но отец мой, начиная с 1-го августа, был опасно болен, так что, за это время испытал более 5 родов болезней. Слышал ты, что чиновников уже будут брать в военную службу. Затеваются что-то серьезное. Пожалуй, Австрия исподтишка наскочит. Германия этому не может воспрепятствовать, потому что Франция ее за хвост держит. Я теперь бросил всех авторов, а читаю только Вальтера Скотта. Я очень весело провожу праздники. Кланяется тебе Менгро – он ужасно стал глуп, т.е. не глуп, а рассеян, зол и т.п. Так же мы ничего не знаем по-французски. Шерцель – отличный преподаватель, добрый человек и отлично образованный. В нашем классе 23 человека. Вообще в нашей гимназии против прежнего почти наполовину убавилось учеников. Пиши мне и не забывай о твоём верном друге.

Анатолий Медведев.

P.S. Мой адрес – Скрипницкая улица, дом Демьяненка, № 5.

Лл. 20 - 21.

Получил ли ты мое последнее письмо с карточкой? Вероятно нет, потому что долго уже нет от тебя ответа. Мне принесли твое письмо в тот же день, как ты должен был получить мое; посему, не зная о твоей новой квартире, я написал по старому адресу, прибавив, впрочем, и другой, гимназический. Я с нетерпением жду твоей фотографической карточки; нет, конечно, никакого сомнения, что ты со временем нашего общего пребывания в Харькове очень изменился; тем более мне хочется поскорее посмотреть, так ли ты изменился в лице, как в образе мыслей, в надеждах и направлении. Да, tempora mutantur, et nos mutamus in illis (лат. – времена меняются и мы меняемся с ними); мне так живо помнится наше с тобой житье в Харькове, что невольно задумаешься

при мысли, что чрез два года настанет для тебя университетская жизнь, через 6 – жизнь общественная. Время, когда мы были вместе, это время – беззаботности, без чаяний и серьезности надежд; теперь – время ожиданий, стремлений; университет – усилил по достижению определенных целей, и наконец, дальше – довольства или недовольства собой и жизнью. Кажется, самая счастливая эпоха, это – первая; именно потому, что она – эпоха бессознательной жизни. Но, представь себе, и в нашем возрасте попадают люди, которые живут также бессознательно, как и будучи детьми; по числу их принадлежат, например, почти все мои теперешние товарищи; спросишь у них об их будущих планах, надеждах, они не найдут, что ответить, потому что действительно нечего отвечать; ни благородных порывов, ни увлечений, ни убеждений.

Живут настоящей минутой и не думают о будущем. А в настоящем такая пустота, подчас даже мерзость, что невольно скажешь:

«Печально я гляжу на наше поколение; его грядущее иль пусто, иль темно».

Пьянство и самый цинический разврат, вот все наслаждения, которые слагают их жизнь; вот их жизненная цель; что же это будут за студенты, а потом за деятели? Хорошо, если бы таких было меньшинство, но в том-то и дело, что они составляют большинство и такое большинство, которое заставило все общество составить самое невыгодное о студентах мнение, а в некоторых местах, например, в Харькове взгляд на жизнь как на часть, принадлежащую не обществу, или как на часть руководящую и значущую, совершенно уничтожено самими же студентами. Ужасно становится грустно, когда сами события времени навевают на душу такие мысли.

Пиши, пожалуйста.

Твой искренний друг. Анатолий Медведев.

Уфа. 3 декабря 1879.

Лл. 22 - 23.

Благодарю тебя за твое мнение о морском училище. Я, признаться, другого от тебя не ожидал – от тебя – серьезного, положительного, каким я знал тебя в Харькове, каким ты остался и до сих пор. Благодарю тебя за то, что ты рассеял мои последние мечты о Морском училище – говорю «последние», потому что после ряда убедительных доводов моего отца и после серьезного обдумывания будущности, открывающейся морякам, - я почти был уже за университет, - ты уничтожил это почти. То, что я называл тебе решимостью относительно моей карьеры было лишь увлечение, поддержанное с одной стороны – желанием видеть и жить в Петербурге как можно скорее до окончания гимназического курса (после окончания я наверно буду там), с другой стороны – нелюбовью к гимназии вообще и к древним языкам в особенности.

Ты угадал в своем письме о моем желании быть моряком <нрзб> обманчивого мнения о морской службе – действительно я не знал ее, судя по различным статьям, рассказам и т.п., а не на основании опыта или, по крайней мере, близкого знакомства, я увлекался славой старых русских моряков и не знал теперешних и т.д. и т.д. Теперь я уже твердо решил избрать университет и вследствие твоего сообщения о морском училище, во мне не останется ни малейшего сожаления о предпочтении ему университета.

Итак, мы увидимся с тобой чрез два года, исполненные высоких надежд, с светлым взглядом на будущее – дай Бог только, чтобы изменились теперешние взгляды на молодежь, которая все более и более ожесточается!

Прощай! Если для тебя не неприятно, так напиши мне кое-что из хроники твоей гимназической жизни, я болен и гимназии не посещаю.

Всегда друг – Анатолий Медведев. Харьков 3/20. 1879.

P.S. Я еще останусь в Харькове более месяца.

Лл. 24 - 25.

Дорогой друг!

Ты спрашиваешь о моем окончательном решении насчет поступления в Морское училище. Когда я был в пятом классе, мое здоровье было очень слабо. За каникулы я поправился немного. Решившись поступить в Морское училище, я обратился к доктору. Он сказал, что мне нужно поправиться в отношении развития груди. Нормальное развитие человеческого тела состоит в том, чтобы объем груди составлял половину роста. Мой рост – 150 сантиметров, объем же груди = 70 см, так что до полного развития недостает 5 сантиметров, для приобретения которых доктор посоветовал мне заниматься ручной гимнастикой, что я и исполняю теперь, так что к августу следующего года надеюсь поправиться – ведь еще впереди каникулы, когда я исключительно могу заняться физическим развитием. Придется мне экзаменоваться по французскому яз[ыку] и черчению географических карт, а этого я боюсь. Страхом за французский яз[ык] я обязан г-ну Менбро, а за черчение – г-ну Пропоковичу. Я теперь занимаюсь серьезно французским яз[ыком] и если будет время (ведь мне двойная работа теперь), то я буду заниматься и английским. Есть грамматика нашего учителя древних языков Терция – думаю по ней и начать. Итак, ты переменял свое старое, третье классное намерение – сделаться естествоиспытателем. Tempoа mutantur, et nos mutamur in illis – справедливая поговорка! Кланяется тебе Зикеев. Представь себе – он любит все гимназические предметы одинаково и занимается очень усердно. Было дело Безоброва и Ковальчуковой – ее оправдали, а его присудили к каторге на 11 лет. Но надо тебе сказать – дело велось председателем весьма бестактно; совесть присяжных, оправдавших Ковальчукову очень и очень нечиста, хотя, благодаря председателю,

занимавшемся мелочами и не поставившего твердо одного из главных фактов – посылки телеграммы, другого приговора они вынести не могли. На днях Харьков принимал два знаменитых полка – Имерийский и Кутаисский – бывших под Хорсом, Зевиним и других замечат[ательных] сражениях, числом, как говорят солдаты, до 14. Их угощали обедом – очень хорошим, Харьковский главнокомандующий сказал речь в солдатском духе так что войска очень довольны. Исполни же в следующем письме мою просьбу! Пожалуйства! Ты ее знаешь!

Твой друг Анатолий Медведев.

Лл. 26 - 27.

Дорогой друг,

Ты мне пишешь о какой-то первой роте, о которой я не имею никакого понятия. Что это такое? Чем она отличается от общих классов и что такое общие классы, собственно, как понимать название «общих»? Ты не понял моей просьбы о программе наук: я просил тебя лишь в общих чертах написать, что преподается в Морском училище и что за должность гардемарина, которую получают окончившие курс воспитанники?

Относительно процесса М. Жюжан я думаю, что самым лучшим было бы ее удалить из России, так как отравление Познанского не первое уже ее деяние, и так как у нас только, я думаю, иногда смотрят на воспитание сквозь пальцы. Виновность ее не подлежит никакому сомнению, как совершительнице факта отравления, но обвинять нужно не ее, а родителей Н. Познанского. А жаль, очень жаль, что такой разумный, насколько я узнал из судебного следствия и дневника покойного, юноша погиб жертвой грубого влечения этой Жижан! Какого же мнения были о Н.П.? Вы ведь были товарищами! Вот тебе наши товарищи с третьего класса: Четвериков, Пейкер, Барабанов, Подкатов, Богомолов и Почаевский. Вряд ли ты их помнишь! Печальные времена настали в нашей гимназии. Самые враждебные, натянутые, самые глупые, неестественные отношения учеников к учителям! Самый бестолковый взгляд учителей на дело преподавания! Например, мерилом нравственности учеников у нас теперь – безответность. А что такое безответность? Унижение собственного достоинства. Таково мое мнение о безответности, какая она у нас. Например, ученик не должен рассуждать у нас, если даже он хочет оправдаться пред учителем – что значит ставить ученика в положение бессловесного животного! Я не считаюсь в числе безответных и поплачиваюсь за это. Например, у нас раз был такой разговор с Шерулем. У нас была работа по греческому языку – я написал одно из выражений понятия «богатый», встретившееся незадолго пред тем у Ксенофонта. Шеруль подчеркнул мне мое выражение, как ошибку. Я обращаюсь к нему: «Ричард Иванович, будьте так добры указать ошибку вот здесь!

«Этот оборот не употребляется у классиков!». «Но мы его недавно встретили у Ксенофонта!». «Молчать! Много еще пройдет времени, пока вы будете знать греческий язык так как я! Вы еще ничего не знаете! В другой раз с подобными вопросами ко мне не обращайтесь! Всякий будет меня учить! Я сказал и basta!».

«Я думаю, если Ксенофонт употребляет это выражение, то и я мог его написать!». Затем последовало «молчать» и ушло наставление, что слово учителя для ученика – закон, с подобными вопросами ученик не должен обращаться к учителю и т.п.

Итак, я заключил, что, по мнению наших педагогов, идеал ученика – это Проценко, единственное достоинство которого – полнейшая безответность – этот почти идиот, способный только зубрить без толку латынь! По математике он – единичник, еле-еле перебирается из класса в класс, а классы наши с ним возятся! У нас в Харькове, как называют здесь, мятеж студентов, а по моему представлению мятеж в головах наших начальствующих лиц – в городе несколько сотен казаков между прочим окруживших ветеринарный институт. Все дело в том, что ветеринары побили одного профессора – порядочного скота, как я слышал, и вот теперь кутерьма!

Твой неизменный друг Анатолий Медведев.

P.S. Я занимаюсь ручной гимнастикой, но боюсь, чтобы медицинский осмотр при приеме не окончился скверно.

Лл. 28 - 29. 1879.

Дорогой друг!

Как вижу из твоего письма, вы также несчастны, как и мы, потому что осуждены на зубрежки грамматик и выслушивание «классических» глупостей. Мне кажется, что такого состояния классического образования, при котором оно имеет смысл, мы никогда не достигнем. В самом деле на основании каких исторических результатов, данных классическим образованием, восхваляют его? Эпоха гуманизма не могла дать лучшего хода ни политике – вспомни Коло-ди-Риенци¹, ни морали – доказательством чего служит распушенность эпохи гуманизма – результат рабской подражательности быту римлян времен Цезарей; если же приверженцы его и опираются на то обстоятельство, что классическое образование имело огромное влияние на падение науки схоластиков и движение реформации, то и это не оправдывает его в настоящее время, как потому, что теперь нет схоластиков, так и потому, что благотворное влияние имеет классицизм только в Германии, где он застал совершенно особенные обстоятельства и стремления; в литературе же вообще гуманизм только помешал развитию национальных идей! А результаты в настоящее время? Вспомни хоть о том, что из 40 душ, бывших с нами в первом классе, осталось только *шесть* и что ученик, не заглянув в

¹*Кола ди Риенцо (Cola di Rienzo, 1131 – 1157, итальянский политический деятель.*

книгу, с спокойною совестью идет в гостиницу играть в карты или на бильярд, несмотря даже на строжайшее запрещение – книги не в состоянии его отвлечь; по крайней мере у нас подобные ученики составляют половину или даже 2/3 класса. Да и сами приверженцы классического образования, распростираясь о пользе, приносимой им, противоречат себе. Ведь совершенно естественно ожидать от рассадников, так сказать, классицизма, если не воплощения идеала слагающегося под его влиянием, то по крайней мере намека на него. В действительности же мы не видим в них ничего такого, что оправдывало бы их в нашем мучительстве, да и не можете видеть, слыша от них мнения о той литературе, которою воспитываются будущие деятели, как о не имеющей мыслей! А впрочем что они разумеют под «мыслями»? У нас действительно не было поэтов, задававшихся такими мыслями, как Вергилий или Гораций – кондольеры поэзии!

Прощай и надейся, что девятого класса не будет. Твой А.М.

NB. До получения следующего письма из Уфы не пиши. Я скоро уезжаю.

Лл. 30 - 31. Уфа.

Дорогой друг,

Поздравляю тебя со днем твоего Ангела. Мои сведения по географии России так плохи, что я до сих пор не знаю, что это за Новый Петергоф. Долгое время я находился в нерешимости, куда писать тебе, наконец, порешил: в Новый Петергоф Петербургской губернии. Поводом к нерешительности мне послужило сомнение, город ли это или станция какой-нибудь железной дороги, к решимости – приближение 15-го июля. Ты просишь описать Уфу и порядки «доброе старое времени». Первую просьбу исполню, а за то, что не могу исполнить второй, конечно, рад – их теперь нет, но были весьма недавно. Например, здесь был один учитель Q, которого гимназисты не любили. Побуждаемый этим чувством, один из них оставил знак прикосновения своей руки к его физиономии – *в общественном саду!* Другой пришел к нему на-дом и *побил* его. «Свежо предание, а верится с трудом!». Впрочем, в этом уверяют такие люди, так близко к этому стоящие, что не поверить нельзя.

Я получил недавно письмо из Харькова от товарища. Он, между прочим, пишет, что в третьей Харьковской гимназии – 7 золотых и 2 серебряных медали. Мне это тем более удивительно, что третья гимназия всегда считалась и считалась справедливо самою слабою в отношении серьезности занятий. Как согласить это с 9 медалями? – между тем как первой 1 золотая, 1 серебряная, во второй – 2 золотых и 1 серебряная. Я слышал, что и у Вас во второй г[од] чуть ли не мерками дают медали. Правда? Однако я заговорился. Уфа – весьма оригинальный город для всякого приезжего из более цивилизованной, не башкирской, страны в том отношении, что, проехавши весь город, все думаешь, что находишь-

ся в предместьи. Странное впечатление. Будущности у Уфы никакой. Р[ека] Белая мелеет с каждым годом. Построена она чрезвычайно правильно, улицы пересекаются под прямыми углами, издали представляет хороший вид – построена высоким местом, вся залита садами – по этой причине, может быть, ее не поджигали?! Город – очень мал, как губернский город. Здесь живет муфтий – я его видел, есть мечеть. Вообще не представляет ничего особенного ни в одном отношении, а впрочем, климат хорош. В общем, ее можно охарактеризовать словами одного здешнего знакомого: Уфа – репродукция гнусного творчества сатаны! Она уже мне надоела ...

Карточки я так скоро не пришлю – из Харькова не взял и здесь еще не снимался.

Прощай. Жду карточки. Ан. Медведев. Уфа, 9-го июля 1879.

Лл. 32 - 33. Уфа. 10 октября 1879.

Дорогой друг,

Твое молчание сильно меня удивляет; при незнании наверно твоего адреса (быть может ты перешел на другую квартиру) ты в своих колебаниях, ждешь ли мне твоего письма или писать самому, я решаюсь на последнее. Хотел тебе послать карточку, но, не зная какая судьба ждет мое письмо, откладываю исполнение этого намерения до следующего раза; но повторяю просьбу и желание иметь твою. Будь так добр, исполни это желание с первым же письмом.

Мне живется в Уфе не совсем хорошо; а думаю, что счастливыми могут себя чувствовать здесь только люди какого-ниб[удь] исключительного склада мыслей. Много в Уфе удивительного, истинно уфимского, с каким-то татарско-башкирским колоритом. Например, хоть эта пресловутая борьба партий.

Есть у нас партия директорская (стоящая за директора гимназии) и антидиректорская. Ну, что ж? На первый взгляд ничего; существование партий указывает на существование каких-ниб[удь] живых интересов, движущей силы уфимского общества. Не так-то было. В том-то и дело, что ни та, ни другая партия не знает и не может себе дать отчета, в чем состоит ее цель, какие начала она отстаивает, даже как, по какому поводу она возникла. А между тем борьба жестокая и вся уфимская интеллигенция принимает в ней участие. В чем же выражается эта борьба партий? Действует ли каждая партия в каком-ниб[удь] известном направлении? Распространением известных убеждений? Да, распространении только не убеждений, а сплетен. Вот орудие борьбы, важность которого признают даже преподаватели гимназии и вследствие этого пользуются им при всяком удобном случае. Даже такие, чуждые всяких уфимских интересов, люди, как мой отец и я – те послужили предметом самых кривых толков, нареканий, намеков, слухов ... Вот пример. Из того, что знакомство моего отца ограничивалось почти исключительно

но семейством директора гимназии, с которым они – старые товарищи по университету, педагоги противной партии поспешили объяснить это, и при узости своих взглядов пришли к убеждению, что отец мой – человек опасный, назначение его в Уфу – подозрительно, его нужно остерегаться и т.п. Один из педагогов не поколебался даже в присутствии всех членов педагогического совета высказать обо мне мнение как о шпионе, и советовал своим товарищам быть осторожнее в 7 классе. Это было, кажется, в начале сентября. Конечно, я не мог не презирать этого преподавателя (учитель физики, Лукин) и не старался скрывать этого. «Странными какими-то глазами смотрел на меня Медведев, говорит однажды этот субъект учителю математики Пикачеву. «А вот мы его *упекем*» отвечает этот. – «Да, но ведь с ним ничего не поделаешь, хорошо занимается» ... За правдивость этого я ручаюсь тебе честным словом. Вот какова интеллигенция Уфы, вожаки всех движений и партий, руководители нравственности молодежи, воспитатели, наставники ... Да, я разочарован. Но это еще ничего. Здешний первый ученик 7 класса так подл, что только Уфа может породить таковых ... Впрочем, довольно ... Пиши пожалуйста.

Твой верный друг Анатолий Медведев.

PS. Посылаю тебе карточку, потому что вряд-ли письмо пропадет в Петербурге.

Лл. 34 - 35. Уфа. 13 мая 1880.

Хочу, друг мой, немного продолжить наш спор. Как доказательство уменьшения в наше время погони за наживой, ты приводишь отсутствие всяких стремлений в нашем поколении к деятельности чиновнической. Не знаю, приходилось ли тебе говорить с такими молодыми людьми, которые предпочитают «свободные профессии» «хорошей службе», приходилось ли спрашивать о причинах этого предпочтения? Вероятно, да. Но если и так, все-таки думаю, что ты говорил или с немногими или с такими, которые по каким-ниб[удь] обстоятельствам выделяются из массы. Я же, который наблюдал это явление, могу сказать, довольно подробно, из всех разговоров пришел к тому заключению, что, выбирая чиновную сферу действий, наша молодежь действует таким [образом] не из-за чего другого, как из-за более *легкого* наживания и наука имеет в этом случае очень мало влияния. Я говорю, конечно, о массе и это надо принимать во внимание при всех моих мнениях об этом вопросе. Ты же, напротив, всегда выставляешь такие примеры, которые составляют исключение. Указываешь на Ковалевского, Гальцева ... Все это так, но их так мало, что едва ли они могут стать мерилем массы. Да, наконец, есть у нас теперь Белинские, Грановские, Кудрявцевы, Чебышевы, Савичи, Буняковские, Каченовские и пр. и пр. и пр.? Конечно нет. И, если число выдающихся личностей, может служить оценкой общего направления, то конечно время лет за 20 – 30 до нас будет новее нашего. А социализм,

а наша литература? Где найдем мы молодых Тургеневых, Данилевских, Щедриных? Нет, я постоянно буду утверждать, что после деятелей годов 40-х и 50-х у нас деятелей больше не было, что поколения последнего времени не сделали ровно ничего. Вся ответственность за то, чем гордится настоящее царствование лежит на людях старого времени. Молодежь породила социализм, адвокатуру, презрение к серьезному труду, растление в литературе и пр. молодежь, опять-таки, в массе, и молодежь не всех сословий.

Я так увлекся, что совсем позабыл тебя поздравить с увольнением нашего министра. Что-то скажет новое министерство? Не нам, конечно, придется вкушать плоды его деятельности, но надо радоваться и за будущее. А может быть и мы вступим в университет при новой их организации. Не знаешь ли чего о деятельности Сабурова? Если да, то поделись сведениями и со мной.

Всегда твой друг Анатолий Медведев.

Лл. 36 - 37.

Несмотря на твое настаивание, друг мой, на непременно признании меня автором мнений, сочувствующих старине, я позволю себе защищаться. Ты удивишься, конечно, моему оправданию; но твое удивление достигнет более высокой степени, если я, в видах своего облегчения, положу на тебя часть тех сомнений, которые ты ставишь мне в упрек. В прошлогоднем письме из Нового Петергофа от 24 июля я встречаю намек, который прямо указывает на твое равнодушие к «доброму старому времени». Ты говоришь там: «Как посравнить да посмотреть век нынешний и век минувший» ... то многое окажется далеко не в пользу нынешнего, а, может быть, только со временем будет в пользу. Насколько я помню, отвечая на это письмо, я указывал на несостоятельность приверженности к старине, несостоятельность, ярко обнаруживающуюся во многих исторических явлениях, преимущественно в итальянском гуманизме. Теперь мы, как будто поменялись ролями. Теперь ты обвиняешь меня в предпочтении старого времени нашему. В оправдание могу сказать только одно, а именно, что, выставляя непривлекательные, по моему мнению, стороны нашего общественно быта, я не старался ставить с ними в сравнение порядки времен минувших. По этому поводу я и написал тебе раз письмо, в котором говорил, что недовольство подобное моему, оно свойственно всякому человеку, не чуждому способности и склонности к идеализации. Все дело том, что ты свел спор на почву историческую и ввел сравнения.

Говоря о растлении литературы, я не указывал, откуда веет этим духом, да и нужно ли указывать на Катковых, Краевских, Бильбасовых et tutti quanti (лат.- и всяких других). Философии Михайла Никифоровича я ничуть не сочувствую; полагаю также, что, называя кого-ниб[удь] приверженцем катковских принципов, надо знать его слишком с дурной

стороны. Таким приверженцем, надеешься, являюсь в твоих глазах я? Радуюсь за невозможность установления девятого класса. Слышал ли или читал о проделках одесских гимназистов? Какого ты мнения?

Весь твой Анатолий Медведев. Уфа. 23 июля 1880.

Лл. 38 - 39. Уфа, 19 августа 1880 г.

Радуюсь за тебя, друг мой, по поводу перемены твоего решения, которое должно определить твою будущность. Только меня интересует вопрос, что побудило тебя к такой перемене, тебя, который всегда относился с сочувствием к таким наукам, как история и география. Я пробовал решать этот вопрос и приходил к выводу, что побудительной к этому причиной была, вероятно, мысль о том, как много определяет наука в жизни человека и как важно для этой жизни создавшееся в нем мирозерцание. Действительно, в последнем отношении, естественные науки остаются единственными источниками, откуда томящийся жаждой знания человек может почерпнуть решение занимающих его вопросов, верный взгляд на все стороны своего существования и своих отношений. Таковы естественные науки по своему предмету; что же касается метода, то уже одно перенимание и применение его к исследованию явлений жизни психологической или исторической и те результаты, к которым привело его употребление, доказывают его пригодность. Во всяком случае я радуюсь за тебя, так как я – чрезвычайно усердный поклонник естествознания. Кроме того я, который изберу со временем своею специальностью какую-нибудь отрасль естествознания, надеюсь, буду не так далек от тебя по своим убеждениям и взглядам, как в том случае, если бы ты был адептом какой-ниб[удь] науки гуманной, которая, по моему мнению имеет очень мало права на название науки. Но как бы то ни было, ты потрудись, пожалуйста, высказать свои соображения относительно столь внезапной перемены. Кстати, напиши и о том, какова, приблизительно, будет твоя специальность. Но, кажется, наиболее привлекательную область для преподавания представляет на естественном фак[ультете] химия, в особенности теперь, когда начинается сильное движение в сторону сближения этой науки с физикой и применения к ней математического анализа. Право, в такие моменты развития науки, стоит работать, хотя бы ограничиваясь какой-ниб[удь] такою областью. В самом деле, к каким чудным результатам приведет в последующем разработка вопросов молекулярной механики! Счастливы те, которые хотя отчасти могут участвовать своим посильным трудом в этой благородной работе. Вообще поздравляю тебя. Я ужасно рад. Я едва не увиделся с тобою в этом году: обстоятельства так сложились. Но теперь принужден остаться в Уфе. Итак чрез 10 месяцев мы встретимся в Петербурге повторно: о Казани и Харькове я не думаю. Прощай. Твой Медведев.

Лл. 40 - 45.

Оптимист ли ты по характеру, или окружен счастливой средой, но только мы не сходимся во взглядах на современное состояние молодежи. Ты, главным образом, напирал на то, что прежде было хуже. Не спорю, может быть; хотя и допустить это можно только с оговорками. Но найдешь ли ты в отношениях нашей прошлой интеллектуальной жизни стремление молодого поколения к одной наживе, погоню за деньгами, желание взять их там, где не положено ни труда, ни усилий, наконец, выбор таких специальностей, где можно жить, ничего не давая, то безразличное отношение к науке, которым знаменуется наше время? Пожалуй, да, но не в массе молодежи, а у нас теперь это явление общее, такое общее, что допускает самые незначительные отклонения. Ты, может быть, не поймешь меня; поэтому надо тебе сказать, что такое мое убеждение составилось из двух источников, даже из трех, из собственных наблюдений, наблюдений других и тех деятелей нашего интеллигентного юношества, которые кладут такую негативную тень на весь наш жизненный строй. Вот тебе поводы к выбору карьеры; первый – дух спекуляции, второй – мода. Юридический и медицинский факультеты избираются всеми теми господами, которые в жизни хотят загребать деньги; а другие, именно естественный – теми, которые, будучи обеспечены в материальном отношении, допускают моду даже в увлечении наукой. Приведу доказательство из своих собственных наблюдений. Между моими теперешними товарищами есть такие, которые идут на медицинский и естественный факультеты. Я любопытствовал узнать, чем определился их выбор; одни отвечали, что хотят «пожить», нажить капиталы и т.п., другие ничего [не] отвечали, это – естественники. Хотя я сам очень мало знаком с естественными науками, все-таки захотелось мне <нрзб> их понятия о них; я не мог допустить, чтобы человек с рассудком избирал себе ту или другую науку, которая должна самым могущественным образом отразиться на его последующей жизни, чтобы человек избирал ту или другую науку, не имея о ней никакого понятия. К удивлению моему, это было так. Спекуляция и мода – вот двигатели большинства молодых людей; полнейшее отсутствие каких-нибудь научных стремлений или индифферентность, приношение всего в жертву самым грубым интересам – вот что характеризует наше юношество. Если бы в молодом обществе жили научные влечения, возможно ли было бы существование нашего глупейшего русского социализма, обрывков западных учений распространяемых недоучившимися болванами; возможно ли было бы тогда такое отсутствие теоретического здравого разума, которое руководит нашими социалистами, вера в возможность государственного, исторического переворота путем подкопов и убийств? Наконец, вера в возможность невозможного? ... Нет, наше время – время болезни; может быть, как ты говоришь, это переход к лучшему; впрочем, не может быть, а даже наверно, но если рассматривать его как факт, имеющий

близкое к нам отношение, то вряд ли можно утешиться его проявлениями, которые, не спорю, должны обусловить создание нового, лучшего направления. Впрочем, что касается до меня, то скорбеть о болезни нашего века, я не намерен. Я не поэт, держусь положительного, реального направления, развития математики и историй в лице Бокля и мирозерцание мое – самое спокойное.

Ах, если бы ты знал, как мне хочется в Петербург и как мне надоела уфимская бессодержательная, пустая гимназия. Мое положение здесь весьма незавидное. Мое препровождение времени слагается из двоякого рода занятий – занятий гимнастических и занятий частных. Первые порождаются необходимостью держаться на известной высоте; вторые, те уроки, которые я даю, – моей решимостью обеспечить себя заранее на будущее университетское житье. Для занятий более или менее свободных, времени очень мало, так что все мои упования сводятся к ваканциям.

Благодарю за те сведения, которые ты постарался добыть; если можешь, прибавь к ним чего-нибудь еще. Не знаешь ли как правдоподобны слухи об отставке гр. Толстого? Много об этом говорили, но теперь все замолкло. Не забывай о карточке.

Желаю тебе всего лучшего, твой друг Анатолий Медведев.

PS. Ты, вероятно, читал в газетах о том, что недавно застрелился некто Арзамасцев, мой товарищ. К сожалению, не могу ничего прибавить к выяснению руководимых им причин, которых не знает никто. Был славный малый, хороший товарищ. Уфа. 3 апреля 1880.

Во всем этом сказывается, кажется, что-нибудь одно: или неясность нашего мирозерцания вообще, или же наша недоученность и невыработанность. Мы – или жертва общих условий, или – продукт субъективных обстоятельств.

Но едва ли и в общественном понимании массы вполне ясно живут представления о жизненных целях ... Откуда им выработаться?

В нашем обществе есть действующие массы, обращающиеся иногда в стада, но нет деятелей – личностей. Личность у нас подавляется. Ни для кого (за немногими исключениями и то – людей, не принимающих активного участия в общественном движении), – ни для кого нет у нас свободы действия, свободы вносить в свое поприще свой дух, свою индивидуальность, черты своей личности. Все наши действия, и общественные и административные, и в сфере педагогической – прежде всего чиновники, а потом уже личности и то такие, которые не могут высвиться до олицетворения своей деятельностью какой-либо идеи. Не знаю, каковы отношения общественного прогресса и личности в других обществах, но наше русское с этой стороны меня совсем не удовлетворяет.

Кто виноват? ... Не знаю, но думаю, что обстоятельства, лежащие глубоко в слоях нашего исторического прошлого, и, между прочим, в особенности плоды Петровых реформ ... Из названных тобою стихот-

ворений я мог прочесть только «Белые ночи». В них много одушевления, много смысла, но чрезвычайно странен какой-то романтический дуализм мысли и дела, личной воли и общей необходимости, которая вырывается иногда у поэта слово страстного желания, но затем покоряется в сердце его всепроникающего любовью, жаждущего мира и благоденствия человеческого. Это создаст поэту трагическое положение, но не думаю, чтобы голос его сомнений и страданий был голосом нашего поколения, у которого, кажется больше объективного мирозерцания, чем всепроникающей любви, и в уме которого скорее лучисто начертано слово «масса» и закон, чем «человек» и его воля ...

Таков, по крайней мере мир, смысл современного исторического сознания, насколько я его понимаю ... Пиши поскорее главное вот о чем: как думаешь ты о своем университетском будущем, на какой факультет думаешь идти, что побудило тебя изменить историко-филологический на естественный? Я сам колеблюсь теперь между словесностью и физикой. Твой друг Медведев.

Лл. 46 - 47. Уфа. 16 декабря 1880.

Ты, друг мой, недоумеваешь относительно моего молчания, а я до твоего последнего письма недоумевал относительно твоего. Дело в том, что я получил твое предпоследнее письмо в середине августа, то в котором ты говорил о своем намерении избрать естественный факультет, и отвечал на него. После этого я уже не получал ничего, и если не писал ничего, находя маленькое оправдание своему, собственно беспричинному молчанию в предположении, что ты изменил адрес. Желания, действительно странного в настоящее время, прервать отношения я не имел, что, конечно, понимаешь и знаешь и ты сам, несмотря на то, что мы никогда не переполняли наших писем уверениями в дружбе, напротив, находили это благодушным достоянием «доброе старого времени».

За эти четыре месяца много, вижу я, произошло перемен и в твоей жизни, и в моей. В твоей – с внешней стороны, а у меня – со стороны внутренней. Для меня это время было подчас периодом тяжелой думы, которая камнем ложилась на всю мою организацию, давила меня и душила. И я думаю, что, несмотря на положительное отсутствие преобладания во мне чувствующего элемента, - тоска, чувство какого-то безотчетного недовольства собой и людьми, состояние необъяснимого неудовлетворения и разочарования – все это будет со временем составлять основание, стихии моей нравственной жизни. На это много причин. Во-первых, все увлекающая жажда знания, знания всестороннего, всеобъемлющего, знания, как истины, источника мирозерцания, направляющего элемента всей нашей деятельности – наряду с тяжелым сознанием своего бессилия, своей ограниченности и немощности с одной стороны, пред подавляющим величием самого знания, а с другой

– пред массой противоречий истины – в окружающей нас жизни. В этом мы сошлись с тобой.

Вторая причина заключается в том обстоятельстве, что мы, люди известного общественного положения, формируемся и создаемся не жизнью и ее требованиями, а, как мне кажется, своим собственным желанием, своей волей, некоторого рода отвлеченностью нашего «я» от жизненного течения. Вот почему эгоистическое чувство, капризное, непостоянное – оказывается часто таким сильным двигателем, таким могучим определителем мысли и деятельности, что не в силах бывает бороться с ним. Чувствуешь, что ты направляешь себя по отвлеченной теории своего собственного разума, по случайной, быть может, склонности своего характера, стараешься закрыть в силу этого глаза на действительные нужды и потребности нашей современности – сознаешь, что тебе нужно придти в большее соответствие с окружающим миром и со своей совестью – и при всем том как-то не в силах отстать от принятого пути ...

Лл. 48 - 49. 1880.

Прежде всего, дорогой друг, я должен тебе заметить, что в числе твоих возражений есть одно, возражение на такое мнение, которого я, кажется, не высказывал. Насколько мне помнится, говоря о распространении духа наживы, я не сравнивал настоящее положение и развитие этого явления с тем, которое имело место прежде. Все дело помню из-за того, что я высказал свое мнение, тем самым как бы заставив тебя отнестись к вопросу с исторической точки зрения. Ты отвечал сравнением с прошлым временем и в последнем письме проводишь то же возражение. Далее, что касается приводимых тобою имен, то я должен сознаться, что знаю из них весьма немногие; иные только слышал, а такие, как О. Шапир, Смирнов, Виленкин, Коропин, Соколов, Бережков, Дидятин, Самоквасов [и] пр. не знаю совсем. Правда, я мало читаю современную литературу, но позволяю себе надеяться, что мог бы что-либо знать о названных тобою молодых ученых, литераторах и поэтах, если бы заслуга их пред русским обществом была такова, как заслуга Белинских, Грановских и проч. Что касается Менделеева, которому скоро минет 50 лет, Меншуткина и, пожалуй, Сеченова, то ставить их в рядах молодежи не совсем-то удобно. О высланных талантах не знаю ничего. Не знаю также и той причины, по которой сумма обстоятельств и давлений, поддерживающих развитие и парализующих деятельность молодых талантов, в наше время была бы больше, чем лет 20 – 30 тому назад.

Упомянув об адвокатуре, я говорил о ней не в теоретическом смысле, а об ее обстановке и применении на деле. В теоретическом отношении это одно из самых благородных проявлений той готовности употребить искусство или знания в пользу других, которая составляет один из самых могущественных элементов, связующих общество.

Но согласись, как различны применения адвокатуры к потребностям жизни русской, от той обстановки, которой она успела окружить себя хоть в Англии. Я не вхожу в рассмотрение причин этого развития, но и не думаю, чтобы в наше время правительство обладало такую силу, которая была бы способна подавить свободно и честно развивающееся направление, вызванное к жизни самим же правительством. Что касается социализма, то отказываешься высказываться. Я полагаю, что, действуя, таким образом, ты имеешь весьма веские данные, которые ты мог бы привести в оправдание нового направления и в улику силе ему противодействующей. В этом нет ничего удивительного; ты живешь в Пет[ербурге]. Я сужу по фактам мне известным. И никак не могу сказать слово защиты в пользу тех людей, которые в своей деятельности забывают законы исторические и условия общественные, смотрят на общественные явления с чисто субъективной точки зрения, не хотят видеть в жизни того, что выработано историей, да наконец действуют в пользу того общества, которое не просит их об изменении своего положения и которое в этом случае руководствуется, вероятно, сознанием собственной силы и способности распорядиться самим собою.

У нас пронесся слух о прибавлении (на этом письмо обрывается).

Лл. 50 - 53. 1880.

Дорогой друг,

Не знаю, как понимать одно из твоих выражений, но, кажется, что в последнем обмене писем, в его вялости, ты также виноват, как и я. Между тем, насколько я помню «за долгие продолжительные молчания» я редко, даже, пожалуй, никогда не извиняюсь; ты – всегда. Не это ли дало тебе повод заметить, что причина этого – твой характер: «видно уж у меня характер такой». Право, мне не ловко от твоего извинения, и потому именно, что извиняться мы должны оба, а делаешь это - ты один. Но, впрочем, это пустяки. Одной из мыслей, которые я высказал в письме, ты, кажется, не понял. Я не смотрел на порчу нашего молодого поколения с исторической точки зрения; я говорил, что характер этой порчи таков, что не дает надежды на лучшее ближайшее будущее. Ты отвечаешь сомнением и вопросом, неужели прежде было лучше; конечно нет, но прежде могли предъявляться и другие требования; да, собственно говоря, если б совсем не было людей в различные времена, восстававших против своего века и тех или других проявлений его жизни, то не было бы, пожалуй, и истории. Надеюсь, ты не из тех людей, которые признают историю результатом сверхестественного вмешательства; если так, то она есть дело человечества, которое состоит из громадного числа индивидуумов, из которых каждый действует в известных рамках (вероятно, они определяются его природными дарами), приходит в столкновения с другими индивидуумами и т.д.

Вот из этих-то действий и противодействий и слагается история, это есть именно непрерывная борьба за существование, выражающаяся самым многосторонним образом. Но при всей беспредельности, так сказать, элементов, которые она затрагивает, сумма всех ее проявлений постоянна, сумма эта и есть то стройное течение исторической жизни, которое имеет громадное сродство с законами физическими, и которое, пожалуй, тоже закон, разрешение которого будет принадлежать человечеству в далеком будущем. При таком взгляде нельзя иначе смотреть на те или другие стороны жизни, как на нечто такое, что изменить трудно; следовательно, и голос людей, отстаивающих в известные эпохи те или другие взгляды, понятия, идеи – это одно из выражений борьбы какой-либо частицы общества; если бы не было этих голосов, то не было бы и тех действий, эффекты которых есть история – результат столкновений одного с многими и многих с одним. Такие взгляды на историю сложились у меня недавно и со времени этого сложения я стал как-то беспристрастно относиться ко всем тем мелким деяниям дипломатов, которые носят название политики, перестав относиться к самым деятелям с тем уважением, которое питал к ним прежде пришел к тому убеждению, что выше всех факторов в развитии жизни человечества – это наука. Я прочитываю написанное и мне невольно приходит на ум, как велика та разница, которая проявляется между мною, тобою и всяким юношей нашего времени и питомцем, например, хоть сороковых годов. В самом деле, если читать, например, Белинского, Герцена и т.п., то вряд ли у них было так мало поэтических красок во взглядах на жизнь, как у нас; едва ли их взгляды были пропитаны таким холодным реализмом в каких-ниб[удь] 17 лет! Да, велико то бремя понятий, убеждений и взглядов которые навязывает человеку известной эпохи его время ...

Однако, я заговорился. Со мной это иногда случается. Ты спрашиваешь, пишу ли я стихи? После того, как мы расстались, я еще продолжал «извлекать из души поэтические звуки», пока, наконец, не пришло то время, когда эти звуки надо было не извлекать, а силою *вытаскивать*; Я скоро убедился в отсутствии у меня хоть какого-ниб[удь] дара, сначала жалел и горевал об этом, потом изменился в этом отношении и стал равнодушнее; мною овладели склонности другого рода, именно такие, которые труднее всего было ожидать во мне. Я пристрастился, как пристращаются немногие люди, к математике, физике и тем из естественных наук, которые выходят из сферы перечисления у <нрзб> или усиков у бабочек. Я говорю, что этого трудно было ожидать; действительно, я держусь того мнения, что пристрастие человека к тому или другому предмету обуславливается влечением его организации; математиками люди делаются от одного развития мозга, поэтами от других подобных причин и т.д. С другой стороны, по учению Гальтона, эти склонности являются результатом наследственной передачи. Отец мой – филолог, к математике ни малейших способностей не имеет, я при-

родных дарований к ней также не имею, а между тем люблю ее сильно и, если достиг известного понимания ее духа, так сказать, то остается приписать одному труду. Итак, я иду на математический факультет; какую именно отрасль ее избрать, еще не решил, вернее всего, что астрономии или физике. Впрочем, *tempora mutantur et nos mutamur in illis* – это я говорю всегда, и может быть я должен буду сказать это у дверей университета. Однако, к делу. Имею к тебе одну просьбу. Будь так добр, разузнай в подробностях подразделения математического факультета в П[етербургском] университете, с какого курса эти подразделения разграничиваются, с третьего, также как и на филологическом, или нет, и наконец, если только не затруднит тебя, кто заменил места Савига и Чебышева, которые недавно оставили кафедры.

Последнее – фамилии главных профессоров. Извини за такую грубую просьбу. Всегда твой друг Анатолий Медведев.

Уфа. 15 февраля. 10 часов вечера.

Лл. 54 - 55. Уфа. 15-го августа.

Во всех вопросах, которые мы обсуждали в своих письмах, мы были большей частью согласны в наших суждениях. Например, когда мы обменивались мнениями о классицизме, то как твои, так и мои мнения сводились в конце концов к отрицанию всякого педагогического достоинства за классицизмом, причем оба мы признавали его значение, как науки. Также согласны были наши мнения о Вергилии, Цицероне, Корнелие, Непоте и т.п. Но с некоторыми из мыслей, которые ты высказываешь в последнем письме, я не согласен.

На основании исторических данных, я верю, как в аксиому, что из всех влияний, которые могут замедлять развитие цивилизации, преувеличенное уважение к старине, – одно из самых сильных. Возьми, хоть например, эпоху гуманизма. Она была вызвана духом времени; но, благодаря тому влиянию, которое я указал, дала ряд результатов, совершенно не соответствующих идеям гуманизма; вместе с тем, что было достойно подражания в римской жизни, явилось подражание тому, что в ней было самым отвратительным – явилось подражание римскому материализму и разврату. Судьба Коло-ди-Риенци, история Испании и много других примеров служат подтверждением моему мнению.

Ты отдаешь предпочтение веку Петра I пред нашим временем и это более удивительно слышать от тебя, как историка, чем от кого-либо другого. Сравни необходимость, которая заставляла Петра I придать военный характер распространению просвещения и теперешнее состояние России относительно этого вопроса. Не увлекся ли ты бреднями славянофилов, которые в допетровской России всюду видят проявление самобытности, Западную Европу называют гнилою, а задатки будущего благоденствия Европы видят в России? ...

Однако, довольно об этом. Ты спрашиваешь много ли в Уфе немцев и башкир. Контингент первых составляют, большей частью, уфимские булочники и сосланные на жительство – их очень мало; по статистике 1869 г. их было в Уфе 85 человек обоего пола, теперь значит человек 100, 120 ... Башкир в 1869 г. было 1085, теперь, вероятно, больше тысячи две с половиною. Прощай.

Твой друг Анатолий Медведев.

Л. 56.

Начиная письмо, прежде всего, поздравляю тебя с праздником, а затем упрекаю тебя за долгое не отвечание на последнее мое послание, что породило во мне некоторые странные сомнения по поводу одного случая, который я тебе сейчас и расскажу. И так получил ты мое последнее письмо или нет? Думаю, нет. И вот почему. На днях директор подходит ко мне с такого рода замечанием, что «Какие вы письма в П[етербур] г посылаете, где на нас клеветите? Клеветник!». Действительно, в последнем письме я писал тебе о наших учителях очень много и конечно не мог выставить их в хорошем свете. Но как это узнал директор? Я положительно теряюсь в догадках. Или письмо какими-то судьбами попало в руки директора, или же это одно предположение с его стороны, так как он знал, что я веду переписку с тобой. Оба эти предположения правдоподобны и первое потому, что наши воспитатели, вообще, не заслуживают даже названия благородных людей. Примеров на что очень много, и примеров, которые выставили бы наше начальство в самом неблагоприятном свете. Не хочу их перечислять, а так как я не уверен в получении тобою моего письма, то повторю просьбу свою, в кратких словах написать мне, какие предметы преподаются в морском училище и что такое первая рота, о которой ты говорил?

Я, слава Богу, хорошо поправился, так что теперь уже почти не боюсь медицинского освидетельствования при приемных экзаменах. Доктор говорит, что теперь критический период для меня и именно теперь я должен выбирать себе карьеру – и вот предо мной две дороги: морская служба и математический факультет университета и выбор довольно труден – с одной стороны кафедра профессора математич[еских] наук, с другой стороны кругосветное путешествие – и положительно не знаешь на что решиться. Но все-таки морская служба берет верх, во-первых, от нежелания еще два года долбить классиков, а, во-вторых, и потому, что и там математика играет главную роль, кажется. Вот это ты мне, пожалуйста, напиши. Странно все-таки поступать куда-ниб[удь], не зная чему будешь учиться.

Кроме того, будь так добр, напиши твое мнение о морской службе и как ты думаешь о выборе мне себе карьеры. Пожалуйста. Один из вопросов дня теперь составляет студенческая история. Ты, благодаря телеграмме, вероятно слышал ее в прикрашенном виде. Я же был ее свиде-

телем, и могу тебе сказать, что студенты в этом деле невинны. И казаки до такой степени избили их плетьюми, что несколько десятков их лежат в клиниках. Каково тебе покажется – будущих деятелей бить плетьюми! А?! Наши профессора составили докладную записку министру о введении студенческой *формы* и необходимости для университетов *реформы* и просьбу *об устранении полиции от дел университета*. Прощай. Друг твой искренний Ан. Медведев.

Лл. 57 - 58. 1880.

Месяца полтора тому назад я писал тебе; ответа же я не получил; в этом, кажется, я сам и виноват, потому что, как вспоминаю теперь, перепутал адрес. На этот раз я обращаюсь к тебе с просьбой об одном серьезном и важном для меня деле. Ты заметил, вероятно, будучи еще в Харькове, склонность во мне в большей мере, чем к чему-ниб[удь], к математике. Нелюбовь же моя к древним языкам возрастала с каждым годом. Будучи уже в IV классе я решил составить себе какую-либо математическую карьеру, не лишённую притом интереса и в других отношениях. Этим требованиям моего стремления и вкуса удовлетворяет морская служба, так как в учебных заведениях по морскому ведомству математика во главе преподаваемых предметов. Я узнал, что, поступив в общие классы морского училища 15-ти лет, чрез три года я выйду гардемаринном. Обо всем этом я объявил отцу. Он изъявил согласие, чему не столько помогло желание его – видеть меня моряком, сколько тяжёлые служебные обстоятельства, в которых он находится – получивший университетское образование тем более, я, думаю, что искренним его желанием было бы, чтобы я избрал карьеру себе по душе. И вот мы решили, что я приготовившись за этот год к экзамену, в августе 1879 года поеду в Петербург и буду держать экзамен в общие классы морского училища. Кроме того, что я там буду заниматься усердно и с любовью, это принесет мне пользу и в выигрыше времени. Поступив в морское училище, я чрез три года буду офицером, а затем могу поступить и в морскую Академию, в университете я за это время был бы на первом или на втором курсе. Ты, вероятно, имеешь такие знакомства в Петербурге, что тебе нетрудно будет исполнить мою просьбу, которая состоит, во-первых, в том, чтобы ты выслал мне подробнейшую программу вступительных экзаменов в общие классы морского училища, во-вторых, программу преподаваемых в нем предметов и, наконец, сообщил бы мне о содержании кадетов – на чей счет они воспитываются, на свой или же казенный. Самое важное – первое – программа вступительных экзаменов.

Надеюсь, что ты не откажешь мне в столь важной для меня по последствиям просьбе, причем, конечно, если это будет тебе несколько затруднительно, я не требую от тебя слишком скоро. Прощай. А.М.

PS. Адрес мой тот же – Немецкая ул. д. № 5, собственный.

Лл. 59 - 60. Харьков. 6 августа. 1881 г.

Я в Харькове. Пишу тебе, пользуясь адресом, сообщенном мне Щербаненко. Собственно говоря, следовало бы тебя порядком пожурить за более чем полугодовое молчание и неотвечание на мое последнее письмо, ну да это такая скучная материя, что я оставляю ее в стороне.

Черт возьми, я и забыл, что должно было быть первым словом этого письма! Поздравляю тебя, друг любезный, с избавлением от оков нашей русской псевдо-классической гимназии; поздравляю с аттестатом, удостоверяющим твою официальную зрелость и со вступлением на путь свободного развития. Посидели-таки мы с тобой порядком в этой проклятой толстовской школе. Пора на свободу! Невольно делается грустно в виду массы потраченного непроизводительно времени. Подумай, девять лет! И какие же результаты, приобретенные собственно в гимназии?! Ты, вероятно, читал «Автобиографию» Дж. Ст. Милля. Неправда ли, грустно становится русскому гимназисту пред рисуемой Миллем картиною его воспитания? Да. Сколько выиграло бы наше отечество при лучшей организации воспитания и образования, этого движущего начала культуры! Право, эта задача может составить лучшее украшение в ряду нравственных заслуг нашего общества ...

Лето я провел очень скучно. Сначала Харьков составлял для меня приятный контраст с Уфою, чрез несколько дней он мне надоел и теперь я жду не дождусь, когда поеду в Петербург. Значит, мы скоро увидимся. Ты – естественник? Вероятно. Ну а я в видах опыта хочу поступить на историко-филологич[еский] по отделу истории. При этом мною руководит желание приобрести вместе с самостоя[тельными] занятиями математикой и естественными науками – запас исторического материала, который впоследствии хоть относительно небольшой группы вопросов я мог бы подвергнуть научному анализу, чтобы в ряду многих людей, пытающихся ввести в историю элемент законности и научного духа, связать эти вопросы с основными физиологическими свойствами человеческой природы. Если мне придется убедиться, что в университете я такого материала не приобрету, я поступлю на естественный фак[ультет] с целью остаться при университете, а при невозможности этого думаю продолжать свое образование на поприще медицины (физиологии и психиатрии).

Об этом довольно. Между прочим, Харьков похорошел. С будущего года здесь будет издаваться научный, экономический и общественно-политический журнал «Мир» под редакцией Шимкова. Издатель – здешний книгопродавец Согура.

Видел я Зикеева. Представь себе, он до такой степени ленив, что не написал мне в Уфу ни одного письма. Из него выходит человек, который не отличается особенною отзывчивостью на вопросы более или менее

высшего сорта. Гимназия с ее приготовлением уроков и требованиями слишком поглощает его. Умственной подвижности тоже в нем нет. Да вообще он принадлежит к людям, которых много в русском обществе – к людям, для которых наука не составляет высшего, все подчиняющего начала и не имеет жизненного, все проникающего характера ... Ну да этот вопрос разбирать теперь некстати. Слишком он широк.

Я пробуду в Харькове еще недели две. Пиши пожалуйста о себе побольше, о твоих надеждах и проч.

Адрес: Большая Немецкая, дом К. Медведева, № 5, кв. № 1. твой друг Анатолий Медведев.

Лл. 61 - 62. Харьков. 19 августа. 1881.

Пишу тебе последнее послание. Завтра еду в Петербург.

17 августа моя мать была по делам в банке, видела Чугаева и спрашивала о письме. Он говорил, что писем от тебя со времени приезда из Петербурга он не получал. Но прими во внимание, что сегодня уже 19-е число.

Ты советуешь не идти на историко-филологический факультет по той причине, что там царит схоластика в преподавании. Дело в том, друг мой, что я ишу не метода исторической науки, в настоящее время не признаваемого, а лишь материала, сырого материала, чтобы работать над ним в совершенно особом направлении. Метод же я думаю почерпнуть из изучения некоторых отраслей естествознания и математики. Миросозерцание, которое послужит почвой для моих занятий, во всяком случае, слишком далеко от метафизических верований. Я полагаю, что настало время, когда многие исторические обобщения могут уложиться в форму точных, чисто научных представлений и определений. Достаточно указать на твердо установленную связь и зависимость между теми общественными явлениями, которые называются дифференцированием общества, положением труда, движением народонаселения и прочими сторонами материального и психологического состояния.

В последнее время я проникся между прочим уверенностью, что во главе научной иерархии должна стоять история и что только она и психология может считаться высшей философией природы – именно природы. Об этом когда-нибудь впоследствии. Ты жалуешься на отсутствие систематического знания. Ах, если бы ты знал, как я страдаю этим отсутствием, как я мучусь сознанием его. А вось, четыре года университетских занятий хоть сколько-нибудь пополняют этот тяжелый недостаток.

О болезни твоего отца я узнал от Щербаненка за день до получения твоего письма. Однако, кончаю. Сегодня у меня еще много хлопот. До свидания. Анатолий Медведев.

Фонд 518. Оп. 3. № 1049. [1890?], [1894] - 1896, 1898, 1901 - 1904, 1910. СПб, Одесса. 15 писем на 30 л.

Лл. 1 - 2. Пузырево. 28 июля 1890?

Друг мой,

Прости меня за мое долгое и неуклюжее молчание. Но и говорю только о запоздании ответа на твое письмо, а что касается до более раннего времени, то ты ведь помнишь, что по условию ты должен был писать первый. Впрочем, мы оба так ленивы, что упрекать друг друга в лени как-то даже неловко и комично. Я довольно bestолково провел лето. Ничего не делал для себя, ничего не прочел, но зато сильно поправился здоровьем. Заниматься с воспитанниками приходится по 4 – 5 часов в день, так что остальное время ни за что братья не хотелось. Зато силы и здоровья – теперь пропасть.

Мы вели с отцом довольно длинную переписку об Академии и кончилось дело тем, что он сам стал советовать мне обратно в Академию. Надо тебе сказать, что он был весной в Харькове и виделся со знакомыми своими профессорами-медиками, т.е. людьми даже заинтересованными в поддержании репутации Харьковского университета. Все они решали вопрос о том, что дает в смысле научной подготовки при университете и Академии, - в пользу Академии. Да и неудивительно, потому что большинство их - из нашей Академии. Я со своей стороны виделся перед отъездом с Тархановым, и он убедил меня, что обязательная служба далеко не так страшна, как кажется. Через два года службы я имею *право* прикомандироваться к Академии для писания докторской диссертации, так что 4,5 года сводится только на 2. Итак, решено, что я остаюсь в Академии и беру стипендию.

Я бы, конечно, перестал быть самим собою, если бы за это лето не завел какого-нибудь романа. Роман есть – самый настоящий, серьезный, а главное – замечательно искренний с обеих сторон. Но обо всем этом после.

О женских курсах я узнаю не раньше Петербурга.

Занимающий тебя вопрос я считаю очень трудным, пожалуй, даже слишком смело поставленным. Дело в том, что частичные соединения составляют едва початую в химии область. При таких условиях, конечно, и физические их свойства являются труднодоступными для изучения. Мне кажется, что сперва следовало бы изучать вопросы о соотношении состава и физических свойств на более известных соединениях, каковы атомные, и так как атомные соединения в их химических свойствах подчиняются вполне определенному закону массы (система Менделеева), то весьма вероятно, что подобно магнитным свойствам, и оптические их свойства окажутся в зависимости от этого закона. Правда, Менделеев говорит, что спектральные свойства тел суть свойства частиц, а не атомов; но ведь в частицах свойства атомов суммируются, а не исчезают.

Надеюсь, мой друг, что ты напишешь мне еще из деревни. Я про-
буду здесь до 13 – 14 августа. Поклон всем твоим. Пожимаю твою руку.
Анатолий Медведев.

Николаевск[ая] ж[елезная] дор[ога]. Станция Окуловка. Имение
Петлина Г. Семенову для передачи.

Лл. 3 - 4. Петербург. 23 января.

Дорогой Владимир Иванович,

Я недавно узнал от Шаховского, что ты был в Петербурге, чуть не
два дня и т.д. Счастье твое, что ты теперь далеко от меня! Получил ты
мое письмо или нет – не знаю (впрочем, Ушинский, кажется, говорил,
что ты имеешь обо мне сведения). Мне предстоит скоро ехать в Одессу,
но я нахожусь в крайне затруднительном положении относительно того,
как я выеду из Петербурга. Я нигде до сих пор не мог достать денег,
чтобы сделать себе платье и расплатиться с кое-какими долгами (всех
долгов у меня около 500 рублей). По всей вероятности и дальнейшие
мои попытки не увенчаются успехом. Не найдешь ли ты в Москве
какого-ниб[удь] господина, который бы согласился дать мне под вексе-
ли несколько сот рублей – если угодно под проценты, но и так, чтобы
выплату долга можно было сделать года в два-три. Я был бы тебе очень
обязан, если бы ты подумал об этом – положение мое действительно
довольно тягостно, положительно не знаю, что делать. На случай благо-
приятного исхода дела я бы приехал в Москву. Отвечай по адресу: 1-я
рота Измайл[овского] полка д. 14, кв. 7.

Мой привет Наталье Егоровне. Ан. Медведев.

Лл. 5 - 6. Петербург. 27 ноября.

Дорогой Владимир Иванович,

Очень благодарен тебе за письмо. Через некоторое время напишу
тебе подробнее о себе, а теперь только несколько слов. Мои обстоятель-
ства теперь таковы: 1. Вериго предлагает мне место прозектора физио-
логии в Одессе; этот вопрос будет решен в университете в январе 95 г.
Содержание – 1500 р., и кроме того у меня есть надежда иметь в Одессе
какую-нибудь практику; а почему она мне нужна, эта практика (или во-
обще какой-нибудь заработок) – видно из того, что 2. Если мне удастся
устроиться как-нибудь в материальном отношении, то и женюсь; этот
вопрос принципиально между нами решен, остановка только за день-
гами. 3. О Бурашовской колонии, ее постановке, о людях в тех местах
вообще и о Литвинове в частности (он когда-то был морским врачом в
Кронштадте) слышал много хорошего; но есть ли какая-ниб[удь] буду-
щность у врачей, начинающих там; какие условия жизни там (материаль-
ные); не отзывается ли на здоровье врачей эта деятельность. Последний
вопрос предлагаю потому, что моя нервная система за последнее время
не в хорошем состоянии и требует до известной степени щажений; все,
что пережито, начинает давать себя знать. Впрочем, трудности деятель-

ности выкупаются, пожалуй, и избытком жизнью в деревне?! Во всяком случае, до января я не могу ничего сказать; если ждать нельзя, если место должно быть замещено немедленно, то я должен отказаться. Даже в январе, если в университете Одесском все кончится в мою пользу, то стоит подумать, что предпочесть.

Еще раз благодарю тебя и надеюсь, что ты таки напишешь о себе подробнее, и у нас установится, наконец, правильная переписка. Мой привет Наталье Егоровне. Твой Ан. Медведев.

Адрес: СПб. 1-я рота Измайловского полка. Д. 14, кв. 7.

PS. Вопрос о женитьбе - тайна пока, и ты не должен пока никому об этом говорить.

Лл. 7 - 8. Петербург. 12 апреля.

Дорогой, добрый друг мой,

Глубокое тебе спасибо за твое письмо, хорошее и теплое. Но когда я ждал его, мне казалось, что где-то далеко раздается тихая, грустная и любящая мелодия – и эта мелодия была похоронной песней надо мною. Горько чувствовать и я это чувствую, как жизнь людей и жизнь природы теряют в моих глазах свои яркие краски, восторгавшие меня прежде; как теряется точно часть, интерес и охота к труду над вопросами знания; а тянется к таким вопросам, которых человек, скованный своим физическим строением, не разрешит никогда; не то, чтобы природа не могла дать на них ответа, но человек никогда не услышит их. Я не могу примириться с фактом смерти человека, который любил природу, хотел жить и имел право жить. Войди на минуту при бессознательном состоянии, которое длилось до смерти, она обняла меня и сказала: «Милый мой, неужели я умру? А я так жить хочу» - и сейчас же упала на подушки, потеряв сознание. Скажи мне, разве трагизм этих простых слов, которые быть может, даже наверно, ежедневно произносятся в разных точках земли, можно понять с точки зрения гармонии мира? О, если бы, что-нибудь в природе могло ответить мне на мое страстное желание, чтобы жизнь людей и с ними того существа, которое я так любил, не прекращалась в тот момент, который мы называем смертью – тогда бы я и понес «крест свой». А теперь я решил, что буду жить, пока живется; у меня был момент, когда я готов был убить себя, но я остановился, когда пытался себе представить, какое страшное горе я оставлю за собой. Я буду стараться жить так, как и жил прежде; буду стараться работать, но не жду уже от себя ни энергии, ни усталости, потому что нервная система порядочно расстроена, я говорю не только о самочувствии, появились некоторые симптомы и в двигательной сфере, а изредка и со стороны сердца, но не серьезно. Не пиши об этом никому сюда, разговоры об этом тяжелы и неприятны и бесполезны, а относительно значения подобных заболеваний верно <нрзб – нрзб> (лат.).

Вчера я был у Анны Петровны. Несколько дней тому назад у нее произошла задержка желчи, держалась два дня, но прошло безобидно; от гриппа она оправилась вполне, хотя он и тянулся у нее более двух недель.

Я через несколько дней поеду в Кронштадт, чтобы устроиться с квартирой и приступлю затем к делу.

Передай мой сердечный привет Наталье Егоровне. Крепко жму твою руку.

Ан. Медведев.

PS. Пиши по адресу: Кронштадт. Морской госпиталь. Ординатору такому-то.

Лл. 9 - 14. Кронштадт. 6 сентября.

Дорогой друг мой,

Только что вернулся из Петербурга и нашел твое письмо. Ответную телеграмму я послал на твое имя вчера вечером из Петербурга – в Вернадовку (на станцию жел[езной] дороги), так что ты ее не видел; студенты выпускного курса – кто мог и хотел – разъехались; уехали даже те, кто не очень хотел – недавно выехали на Кавказ последние партии, посланные Военно-медицинским управлением – в нее попал и Ребиндерг; из студентов 5-го курса, желающих ехать не нашел; нашел студента 4 курса, который может выехать из Петербурга 8 сентября; я написал в телеграмме дополнительное условие, чтобы проезд в обе стороны был на счет приглашающих; по моему мнению, это было бы справедливо, так как этому студенту придется по возвращении сделать себе новое платье; наконец, я просил телеграфировать куда поехать этому студенту. Я познакомился с ним только вчера, мне он показался хорошим человеком; несколько тяжело мне было приглашать его (хотя он согласился с радостью) – я знаю, что он старший из трех сыновей одной вдовы – акушерки и составляет кажется надежду матери, содержащей пока семью своим трудом. Ну, во всяком случае, телеграфируй мне, если нужно, когда и куда ехать.

Вчера же я успел побывать у Анны Петровны, с которой мы не виделись все лето. Я нашел ее в лучшем настроении, чем весною, когда она немножко хандрила, и причиной этому, кажется, была маленькая и временная неисправность с твоей стороны в переписке с нею – к этому Анна Петровна очень чувствительна, что я впрочем отлично понимаю; вчера же я застал ее в ровном и хорошем настроении, которое немного портилось только вследствие боли в пальцах на обеих руках, мешающей работать; эти боли бывали у нее и прежде и существуют уже несколько лет, но теперь к этому присоединилось покраснение и повышенная чувствительность кожи; она считает это или склонна считать – за подагру, со слов какого-то врача, выдавшего ее несколько лет тому назад;

я думаю, что это – нервная болезнь, вызванная ревматическим воспалением некоторых нервов на предплечье; кроме того, у нее бывает, по временам – и весною я сам был раз свидетелем этого – почти внезапная потеря голоса, иногда с одышкой – сама Анна Петровна признает это за астму и кажется, боится этих явлений; на самом деле это – временные параличи голосовых связок, совсем не имеющие такого серьезного значения, как астма и сами по себе при отсутствии катарга гортани – безвредные.

Теперь о товарищах. Яцутин – вот уже два месяца – работает в Нижнем Новгороде на холере; Ремезов живет в Крыму и поправляется от своих зимних болезней – тифа и плеврита, порядочно его истощивших. Ушинский в феврале уехал за границу; о нем были сведения из Бадена (из Фрейбурга, где он работал у Циглера), затем он переехал в Страсбург и с тех пор – 4 месяца – я ничего о нем не знаю; о своих работах он писал мне и Ремезову вскользь – одни заглавия – да и сам, кажется, относится к своей заграничной поездке, как к делу, которое должно привести к получению определенного оклада, т.е. кафедры – какой специальности – неизвестно; один из профессоров Академии, хлопотавший о нем, советовал ему перед отъездом делать такие работы и заниматься такими предметами, которые имели бы отношение и к судебной медицине и к общей патологии – с тем, чтобы Ушинский мог занять по возвращении ту кафедру, которая раньше где-нибудь откроется; Ушинский совершенно чистосердечно высказывал мне, что он и последует этому совету, тем более, что Пашутин, к которому он обратился с вопросом, не потеряет ли он в материальном отношении со своим заграничным путешествием, так как он уже успел порядочно устроиться, - Пашутин ответил ему, что так или иначе он его «пристроит». Составляет ли все это чистосердечие плод наивности или чего похуже, не берусь решать; а вот Европа научит его чему-нибудь; пока же Ушинский не составляет исключения в той толпе представителей медицинской науки в России, в руках которой в настоящее время сосредотачивается медицинское образование в Академии и отчасти в университетах, - в толпе циников, которые через 10 – 15 лет приведут медицину в России (научную) к неизбежному разложению; иначе не может кончиться порядок вещей, при котором врачи-акушеры занимают кафедры химии (Садовский в Киеве) или общей патологии (Репрев – в Томске), терапевты делаются экспериментаторами-фармакологами (Бурушинский – в Томске), когда наука рассматривается как средство к получению оклада, и когда из-за этого оклада шарлатанят и обманывают с кафедры будущих врачей, многим из которых наверно никогда уже больше не придется слушать других профессоров и которые с запасом студенческих знаний идут в жизнь. Прости, что я увлекся этим неинтересным вопросом, но составляющем, мне кажется, отражение той общей атмосферы цинизма и дикости, ко-

торой пропитана наша жизнь; было все это и прежде, но прежде все это боялось света и огласки, а теперь громко и открыто торжествует; от того ли это, что мы – рабы? – я это не думаю, хотя много думал об этих вещах; скорее склонен я думать, как это не безотрадно, что мы по природе своей, антропологически, - не очень важная раса, и что мы всегда будем выделять отдельные, хорошие честные, блестящие единицы, но никогда не создадим сносного общего фона жизни.

Теперь о холере. Я видел около 50 больных (мы по очереди дежурили в холерном бараке) и на основании виденного, должны назвать нынешнюю эпидемию очень злою. Дело в том, что желудочно-кишечные расстройства в эту эпидемию (кажется, везде так) стоят собственно на втором плане, а главное – и с этим почти невозможно бороться – это интоксикация организма основаниями, образующимися в кишечнике жизнедеятельностью холерных бацилл; этих оснований много – до сих пор найдены – метил-гуанидин, диметилен-диамин и несколько других, жидких и довольно летучих, еще не охарактеризованных химически; вся картина болезни напоминает отравление некоторыми грибами. Все имеющиеся у нас средства лечения направлены, конечно, не на эти яды, а на то, чтобы поддержать насколько возможно больного с таким расчетом, что он справится с ними (главным образом путем окислений) раньше, чем умрет; иногда это удается, но и тут не все кончено – больной освобождается от холерных ядов, но такой дорогой ценой, что теряет способность самозащиты от своих собственных, и в конце концов может еще погибнуть от самоотравления – так нарушен у него обмен. В общем досадная и печальная картина; но все-таки я думаю, у каждого врача найдутся отдельные случаи, о которых он может сказать, что помог их спасению, и как ни мало таких случаев, все-таки остается некоторое нравственное удовлетворение.

О своих личных делах напишу в следующем письме. Поклонись Наталье Егоровне. Ан. Медведев.

Л. 15. Петербург. 5 апреля.

Дорогой Владимир Иванович,

Прости, что долго не писал. Благодарю тебя за твои добрые дружеские пожелания; я только одного прошу от жизни – здоровья и сил, чтобы быть верным товарищем моей будущей жены - она такой хороший, добрый человек и так заслужила (хотя она еще очень молода) счастье.

В день свадьбы мы едем в Одессу, где я уже утвержден прозектором при кафедре физиологии. Ты говоришь, что у меня все еще впереди. Да, это страшит меня – начинать все с начала в 31 год да еще с таким тяжелым прошлым за плечами, как у меня. Ну, будь что будет ...

Передай мой сердечный привет Наталье Егоровне и, если будет время, напиши слова два в Одессу (университет, физиол[огическая] лабор[атория], прозектору). Твой Ан. Медведев.

Лл. 16 - 17. Одесса. 16 декабря 1896 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Я думаю, мало что может тебя удивить до такой степени, как письмо от меня. Ведь ты наверно уже махнул на меня рукой и сказал себе, что я по части переписки неисправим ... Как видишь; совесть не совсем уже заснула во мне, и я серьезно решил исправиться. Посылаю тебе свою работу, сделанную в Берлине, но впрочем, сначала расскажу тебе, что со мной делалось за полтора года с тех пор как мы не видались. Самое главное событие – это мой малютка, явившийся в феврале этого года. Перед появлением его и непосредственно после его рождения пришлось мне пережить немало тяжелых минут. На шестом месяце беременности жена перенесла тяжелую натуральную оспу (в Одессе была эпидемия) с температурами, доходившими до 41, с серьезными нервными осложнениями и с явлениями, заставлявшими в течение двух недель опасаться выкидыша (бывающего более чем в половине случаев) и даже бояться за ее жизнь. К удивлению всех, видевших этот случай, все кончилось благополучно. Роды наступили в срок и были сами по себе не тяжелы, но присоединилось послеродовое лихорадочное заболевание, тяжелое и для матери и для ребенка, которого она сама кормила. И опять все обошлось благополучно, т.е. сравнительно благополучно, так как питание ребенка и матери было подорвано надолго. Прошлая зима измучила меня порядочно, тем более, что и работы было много (кроме университетской я должен еще заниматься преподаванием в зубоучебной здешней школе). Весной этого же года и доцентирование при здешнем университете и с сентября читаю (необязательный) курс физиологической химии. Начиная с мая четыре месяца прожил в Берлине, работал в лаборатории Захоковского и сделал там работу, которую и посылаю тебе.

Много, очень много надо еще рассказать тебе, но это я сделаю позже в течение переписки, которая должна уже, наконец, получить привычный вид. А пока передает тебе поклон Р. Ал. Прежде и убедительно прошу сообщить мне адрес Анны Петровны. Передай мой привет Наталье Георгиевне.

Твой Ан. Медведев. Адрес. Одесса – университет – физиологическая лаборатория или Надеждинская 3, кв. 3.

Лл. 18 - 19. Одесса. 6 декабря 1898 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Вчера я совершенно случайно узнал о горестной утрате, понесенной тобой и твоими. Позволь мне присоединиться к твоему горю, и мое тяжелое чувство поддается не только дружеским участием, но и тем уважением и любовью, которые я питал к незабвенной Анне Петровне.

Этими чувствами проникнуты воспоминания о последних годах, прожитых в Петербурге, когда между нами установились доверчивые и дружеские отношения. Ее доброта, участливость и чуткость влекли меня делиться с нею и грустью и радостью; ее прямота и необыкновенная деятельность характера вселили во мне чувство глубокого уважения к ней и удивления. С другой стороны, я был счастлив доверием, с которым она относилась ко мне в эти годы, поверяя мне часто свои заботы, тревоги и печали – радость ее в это время заглушалась горечью того, что приходилось ей тогда переживать.

Хороший была она человек, и воспоминания о ней связаны с лучшими чувствами, какие мне когда-либо внушали люди.

Твой Ан. Медведев.

Л. 20. Одесса. 11 сентября 1901 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Будь добр, окажи содействие предьявителю этой записки, студенту Гурбанову в переводе в Московский университет на 4-й к[урс] медиц[инского] фак[ультета]. Все дело в том, что он ожидает приглашение несколько дней; а все права на принятие его в студенты 4-го курса не имеются.

Твой Ан. Медведев.

Лл. 21 - 22. Одесса. 7 февраля.

Дорогой Владимир Иванович,

Дела у меня в общем благополучны, хотя есть основание для некоторых опасений за здоровье жены в будущем. Аборт прошел без всяких осложнений; но с тех пор от времени до времени повторялись кровотечения, причина которых пока не выяснена, но которые могут быть рассматриваемы скорее всего как симптомы одной хронической и очень неприятной женской болезни.

В университете у нас дела обстоят, по-видимому, приблизительно также как и у вас в Москве. В Совете решили было просить Министерство об изменении временных правил в виду того, что в нынешней их редакции они приняты быть не могут, а что касается их введения, то решено было ограничиться исполнением лишь того параграфа, который предоставляет студентам право иметь курсовых старост и собирать курсовые сходки; но до принятия правил никто из членов Совета не будет ни присутствовать на таких сходках, ни влиять на них в том или ином направлении, а разбираться во всем, что их касается, предоставлено Правлению, совершенно независимо от Совета, который при нынешней редакции правил не считает возможным принять на себя какую-нибудь ответственность.

Затем Совет образовал Комиссию, которая займется выработкой прзб изменений временных правил, о чем Совет и будет в свое время просить Министерство.

Лекции и занятия идут у нас правильно и даже усердно посещаются студентами, и я думаю. Что мы благополучно дожили бы до конца семестра, если бы не история в Раде Киевской (2 февраля), которая, когда станет известной, вероятно, вызовет волнения и забастовку.

Привет твоим. Когда же ты пришлешь обещанную 2 года назад фотографию Анны Петровны? Твой Ан. Медведев.

Лл. 23 - 24. Одесса 24 мая 1902 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Вчера я говорил о Кабанове с Подвысоцким. К моей характеристике его как человека (на основании твоего письма) он прибавил, что имеет и хорошую рекомендацию его как врача и ученого от Остроумова, но тем не менее ближайшая (факультетская) клиника внутренних болезней будет вероятно замещена Левашевым (о котором и писал тебе в первом письме). Левашев был приглашен на эту кафедру, переговоры с ним зашли уже очень далеко, да и независимо от этого он, Подвысоцкий считает Левашева по его заслугам самым выдающимся и наиболее желательным кандидатом. Желающих занять факультетскую клинику кроме Левашева было восемь человек.

Что касается второй кафедры терапии (госпитальной, на пятом курсе), то она должна быть замещена через два года, и Подвысоцкий теперь еще не в состоянии заняться этим делом, и начнет им заниматься не раньше как через год; так что никаких обещаний по этому поводу никому дать не может.

Вот, к сожалению, все, что могу тебе сообщить.

Из Одессы уезжаю 30 – 31 мая; задерживают экзамены по разным предметам, где приходится или экзаменовать или ассистировать – одна из самых неприятных функций университетского быта.

Слышал, что Ушинский, может быть, перейдет в Москву, чего я ему от души желаю. Я думаю в декабре или январе побывать в Москве. Может быть, увидимся.

Твой друг Анат. Медведев.

Лл. 25 - 26. Одесса 19 мая [1902].

Дорогой друг Владимир Иванович,

Благодарю тебя очень за карточку – я не ответил тебе сразу на первое письмо потому что когда собирался писать узнал из газет, что ты поехал в Шемаху. Второе письмо твое прочел только что и потому пишу тебе только предварительный ответ.

На основании одного из нынешних циркуляров Ванковского, как ты знаешь, факультет будет отстаивать свои личные составы путем курсов; но к сожалению, у нас была озвучена бумага, разъясняющая, что на медицинский факультет нашего университета эта мера будет распространена только когда она будет вновь сформулирована, т.е. через два года. Следовательно, назначение профессоров на незамещенные

еще кафедры (человек 6) будет производиться на тех же основаниях, на каких оно происходило до сих пор, т.е. главным образом на основании рекомендаций Министерству кандидатов со стороны Подвысоцкого (декана). Значит, о деле Кабанова я должен буду переговорить с ним, что я сделаю завтра или послезавтра. Я знаю, что Подвысоцкому сделано уже несколько заявлений о терапевтических кафедрах (их две – на 4-м курсе – факультетская и на 5-м – госпитальная); знаю также, что на одну из этих кафедр кандидатами является казанский профессор Левашев (один из лучших клиницистов в России и, кажется, хороший человек), которого Подвысоцкий по разным обстоятельствам (между прочим, в виду его очень слабого здоровья, требующего мягкого климата) будет рекомендовать особенно настоятельно. Что касается другой кафедры, то о ней я ничего не знаю. Обо всем этом я переговорю с Подвысоцким, и что из этого выйдет – немедленно напишу – самое позднее – дня через три.

Я сильно утомился за этот год и жажду отдыха. Лето вероятно проведу в Умани (Киевской губернии).

Твой Ан. Медведев.

Лл. 27 - 28. 1903.

Дорогой Владимир Иванович,

Извини, что так долго не отвечал на твое письмо; я просил проф. Лысенкова довести до твоего сведения, что отвечу тебе в конце мая. Относительно Аргутинского я говорил кое с кем в факультете, и он может рассчитывать на поддержку, в случае если факультету будет предоставлено право объявить конкурс или высказать свое мнение о кандидатах пред Министерством. Я думаю, что буду иметь возможность располагать 7 – 8 голосами верными; 3 – 4 случайными (всего на факультете у нас в будущем году будет человек 18 – 19).

На запрос Аргутинского Подвысоцкий пока ничего не ответил, потому что вопрос о кафедре детских болезней официально еще не решен (будто бы!). Мой совет такой: подать *немедля* заявление Министру о желании быть переведенным в Одессу или считаться кандидатом (на случай конкурса) на кафедру детских болезней. Это заявление во всяком случае поступит на заключение нашего факультета. Относительно твоей брошюры я напишу тебе в более удобное время; и некоторым творениями твоими не могу согласиться. В апреле у нас родился второй сынишка. Лето провели в Киевской губернии. Сообщаю тебе адрес на случай если будешь добр написать о себе о своих делах. Мой привет всем твоим.

Твой Ан. Медведев.

Адрес: *Умань* (Киевск[ая] губ[ерния]) – Софиевка. Такому-то. Одесса. 29 мая.

<Нрзб> ему еще не ответил.

Л. 29.

Телеграмма. В Москву университет профессору Вернадскому
Телеграфируй Бюро Пироговского съезда будешь ли в Москве
двенадцатого тринадцатого Медведев
Принята 7.1.1904.

Л. 30. Одесса. 11 декабря 1910.

Дорогой Владимир Иванович,

Очень прошу тебя оказать – как найдешь возможным – содействие
предъявителю этой записки студенту Вестфани – которому, по соображениям
здоровья и материальным, непременно нужно переехать в Москву.

Твой Ан. Медведев.

ПРОФЕССОР А.К. МЕДВЕДЕВ (некролог)

(Врачебное дело, № 10 – 12, 15 июня 1922 г. С. 247)

И без того немногочисленная семья русских физиолого-химиков понесла тяжелую утрату: в Софии (в Болгарии) скончался профессор физиологической химии Новороссийского университета Анатолий Константинович *Медведев*.

А.К. Медведев родился в 1863 г. Пройдя курс естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского Университета, он окончил затем Военно-Медицинскую Академию. Еще студентом Анатолий Константинович стал интересоваться и работать в области физиологической химии. Будучи избран профессором на кафедре физиологической химии в Новороссийский университет, Анатолий Константинович до конца своего пребывания в Одессе не прекращал научной деятельности. Живой, общительный, он с увлечением отдавался любимой науке и умел этим увлечением заражать окружающих. А.К. Медведев был одним из наиболее видных представителей физиологической химии в России. Ему эта наука обязана целым рядом интересных, освещающих разные стороны вопроса, исследований из области окислительных ферментов, напечатанных в ряде томов (1896 – 1904) журналов «Pflüger's Archiv für die gesammte Physiologie» и «Hoppe – Seyler's, Zeitschrift für physiologie Chimie».

И другие отделы физиологической химии ему не были чужды (например, «Об отношении лейкоцитов к поступлению в кровь некоторых веществ», 1893; роль гуанидинов и др.); каждый вопрос он умел осветить и сделать особенно интересным. Его «Лекции по физиологической химии» являются одним из наиболее распространенных руководств для студентов по этому предмету.

А.К. Медведев пользовался огромной популярностью и любовью среди студентов и своих коллег. Всегда приветливый, общительный, он горячо отзывался на все вопросы академической жизни. Преданный

науке, покойный не был чужд общественной деятельности. И как общественный деятель он пользовался в Одессе большой популярностью. В последние годы судьба забросила его в Софию. И там, оторванный от родной лаборатории Одесского университета, которую он поставил на высоту лучших заграничных физиолого-химических лабораторий, в тяжелых материальных условиях, А.К. Медведев, по словам видевших его в Софии, был также бодр духом, общителен и приветлив; и там, на чужбине, он сумел внушить к себе любовь окружающих.

Покойного, как человека, не забудут не только его ученики или ближайшие его товарищи, но и все те, кого хоть на короткий срок сталкивала с ним судьба. Утрата А.К. Медведева, как ученого, особенно тяжела для нас потому, что заменить его пока некем: слишком малочисленна семья русских ученых. Профессор А. В. Палладин.

МЕДВЕДЕВ АНАТОЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

18 (30).11.1863, Курск – 12.12.1921, София

Биохимик, физиолог. Сын инспектора народных училищ Уфимской губернии. В августе 1881 г. поступил в Петербургский университет. На 1-м курсе учился на историко-филологическом факультете (1881 – 1882 гг.), в 1882 – 1884 гг. – на естественном отделении физико-математического факультета, с 3-го курса, в сентябре 1884 г., уволился и перевелся на 2-й курс Военно-медицинской академии (ВМА). Окончил ВМА в ноябре 1888 г. со званием лекаря с отличием и занесением имени на мраморную доску.

С февраля 1889 г. состоял младшим ординатором Кронштадтского морского госпиталя. В 1890 – 1891 гг. участвовал в заграничном плавании в качестве младшего судового врача. Во время этого путешествия собрал коллекцию для Петербургского ботанического сада и установил научные связи с ботаническим садом на о. Тринидад. С сентября 1891 г. по май 1893 г. был прикомандирован к Петербургскому морскому госпиталю – для занятий в ВМА, в лаборатории профессора И.Р. Тарханова. В апреле 1893 г. в ВМА удостоен степени доктора медицины («Об отношении лейкоцитов к поступлению в кровь некоторых веществ»).

С марта 1895 г. переведен в Новороссийский университет в Одессе прозектором при кафедре физиологии. С мая 1896 г. – приват-доцент Новороссийского университета по кафедре физиологии животных. В мае 1901 г. назначен экстраординарным профессором Новороссийского университета по кафедре физиологической химии, а в июле 1902 г. – ординарным профессором по кафедре физиологии.

После октябрьских событий 1917 г. эмигрировал. Работал на медицинском факультете Софийского университета, где стал первым профессором биохимии (с сентября 1920 г.). Автор учебников и учебных пособий по физиологической химии.

Скончался скоропостижно. Научные работы посвящены процессам окисления. Исследовал процессы образования в крови одного из конечных продуктов азотистого обмена – аммиака. Изучал окислительные ферменты, роль лейкоцитов в поступлении в кровь некоторых веществ (1893 г.), значение гуанидинов. Его «Курс лекций по физиологической химии» был одним из самых распространенных руководств.

Сочинения

Записки по физиологической химии. Одесса, Вып. 1 – 2; 1915 г.

Курс лекций по физиологической химии. 5-е изд. Одесса, 1919 г.

Литература

Палладин А.В. Профессор А.К. Медведев (некролог) // Врачебное дело, 1922. № 10 – 12. С. 247.

Васильев К.К. Первый заведующий кафедрой физиологической химии Новороссийского университета в Одессе профессор Анатолий Константинович Медведев (1863 – 1921) // VII Украинский биохимический съезд. Тезисы докладов, Киев, 1997. Ч. 3.

Архивы

РГВИА. Ф. 316. Оп. 64. Д. 1201 (студенческое дело).

РГВИА. Ф. 316. Оп. 40. Д. 915 (о докторской диссертации).

ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1433.

ГАОО. Ф. 45. Оп. 8 (1895). Д. 16. Л. 1-3, 7, 19-20, 64-71 (формулярный список, 1895).

ГАОО. Ф. 45. Оп. 8. (1896). Д. 20. Л. 11-12, 19-22, 58, 59 (приват-доцент, 1896).

ГАОО. Ф. 45. Оп. 8 (1902). Д. 16. Л. 182.

РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 460. Л. 90-100 (формулярный список, 1916).

ГАРФ. Ф. 5776. Оп. 1. Д. 183. Л. 1-2 (о смерти).

В.А. Волков, М.В. Куликова. Российская профессура XVIII – начало XX в.

Химические науки. Биографический словарь. Санкт-Петербург. Изд-во Русского Христианского гуманитарного института. 2004. С. 149 – 150.

Публикация В.С. Чеснокова

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ВЕРНАДСКОГО

*Из письма В.Л. Модзалевского В.И. Вернадскому
Киев, 25. 11. 1903г.*

I

1. *Иоанн Вернацкий*, 1749 – ученик Переяславского семинариума (о нем см. Киевская Старина. 1889 г.; авг.; стр. 477); род. 1729 – 1732, в 1786 г. – священник с. Церквицы (сперва Березинского, а потом Козелецкого у. Чернигов. губ.); 17.VI.1786 г. внесен в 1 ч[асть] родосл[овной] книги Чернигов. губ.; 1786 – живет в Березинском у., имений нет.

ж[ена] Пелагея Леонтьевна Леонтович, дочь диакона.

II

2. *Василий Иванович*, род. 1770 – 1773 г., в службе учеником Москов[ской] Медико-хирургич[еской] академии с 15.VIII.1793 г.; под-лекарь в Ингерманландс[ком] карабинерс[ком] полку – 17.XI. 1796 г.; перев[еден] в Орловск[ий] мушкетерс[кий] полк – 4.VII. 1797; младшим лекарем 1-го класса в Брянск[ом] мушкетерс[ком] полку – 6.XI. 1802; штаб-лекарем – 6.XI. 1804 (?); Главный лекарь Кобринск[ого] военн[ого] госпиталя – 20.IV. 1809; Старший шт[аб] – лекарь 20[-го] егерского п[олка] – 24.III. 1810; перев[еден] в Рижский военный госпиталь – 28.III. 1810; командирован в Ахтырское рекрутское депо (которое впоследствии переименовано в Сумскую резервную бригаду) – 11.X.1810; оставлен при Черниговск[ом] военно-временном госпитале – 22.X. 1812 г.; коллеж[ским] ассесором – 25.VIII. 1813; командиров[ан] во временные гошпитали Волынской губ. и был во Владимире <– Волынском>, а потом в Луцк[ом] военном гошпитале главным лекарем – 17.VI. 1814; главный лекарь Олекского дивизионного гошпитала – 27.I. 1819; надв[орный] советник – 31.XII. 1818; <орден> Св. Анны 3 степ[ени] – 30.VIII. 1820; коллежск[ий] сов[етник] – 26.III. 1826; пенсия по 600 рубл[ей] в год – 8.XI. 1827; знак отличия беспорочной службы за XXV лет – 21.XII. 1829; 1830 – жив. 1799 – участвовал в походе в Австрию, Италию, Швейцарию, Альпах и был в сражениях: при озере Урзельно – 13.IX; 14.IX – у занятия Тейфельбрюнна; 15.IX – у Ольздорфа; 20.IX – под Муктенталем, где оставлен с 1000 человек раненых офицеров и солдат наших и французских, и где взят в плен со всем лазаретом; был в плену по 1800 г.; вернулся в отечество и прибыл в полк – 14.V. 1800; в 1805 – в походе в Австрию (до гор. Браунау); под Аустерлицем (20.XI. 1805), контужен в правую ногу; с 21.XI. 1805 по XII. 1805 – в гор. Кансау при гошпитале для русских раненых и больных; в походе 1807 г. – в корпусном подвижном госпитале; в 1830 г. – ординатор Киевского военного госпиталя.

Жена Екатерина Яковлевна, дворянка

3. *Иван Иванович*, род. 1775 – 78; жив 1788 1
 4. *Никита Иванович*, род. 1767 – 70, жив 1788 1
 - *Марья Ивановна*, род. 1772 – 75, жива 1788.....1

III

5. *Харитон Васильевич*, р. в Луцке, 28. IX. 1814.....2
 6. *Авксентий Васильевич*, р. в Чернигове, 14. II. 1813.....2
 7. *Хрисанф Васильевич*, р. в Луцке, 14. III. 1816.....2
 8. *Иван Васильевич*, р. в Киеве 24. V. 1821 † в
 СПб 27. III. 1884 г.; тайн[ый] сов[етник];.....2

ж[ены]:

- (1) *Мария Ивановна Шигаева*, род. 27. XII. 1831 † 12. X. 1860;
 (2) *Анна Петровна Константинович*, род. 1. XI. 1836 † 7. XI. 1898.

IV

9. *Владимир Иванович*
 Ж[ена] *Наталья Егоровна Старицкая*
 - *Екатерина Ивановна* – за Сергеем Александровичем *Короленко*
 - *Ольга Ивановна* – за Кириллом Алексеевичем *Алексеевым*.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1091. Л. 4 – 4 об. Автограф.

Примечание публикатора В.П. Волкова

При подготовке заключительного тома «Дневников В.И. Вернадского за 1943 – 1944 гг.» для «Библиотеки трудов академика В.И. Вернадского», основанной академиком А.Л. Яншиным в 1990 г., мне для подготовки примечаний потребовалось ознакомиться с письмами В.И. Вернадскому от Вадима Львовича Модзалевского – автора генеалогического справочника «Малороссийский родословник». Это издание не было завершено из-за кончины автора от тифа в 1920 г., но по плану туда должна была войти родословная Вернадских. Владимир Иванович в дневниках дважды подбирал максимально полные сведения о своих предках (см. «Дневники 1921 – 1925 гг.». М.: Наука, 1998. С. 152 – 155 и «Дневники 1926 – 1934 гг.». М.: Наука, 2001. С. 391 – 394) и каждый раз сетовал на то, что не сумел разыскать подробных сведений о своих деде и прадеде. Оказалось, что такие сведения он получил от В.Л. Модзалевского в самом начале своих разысканий – в 1903 г. и естественно забыл об этом впоследствии. В самом деле, обнаружить старое письмо с необходимой информацией в гигантском архиве Владимира Ивановича среди более тысячи его корреспондентов можно было лишь случайно. Эта случайность могла быть реализована лишь в 2011 г., кстати письма В.Л. Модзалевского (Ф. 518. Оп. 3. Д. 1091. Л. 4-4об.) в АРАН до сих пор не привлекали внимания – в «листе использования» единицы хранения фамилия публикатора стала первой.

С. П. Рудая

ИЗ РАННЕЙ ИСТОРИИ УКРАИНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Среди переписки украинских учёных, хранящейся в Архиве РАН, есть письмо зоолога Н. В. Шарлеманя. Этот небольшой по объёму документ отражает события, происходившие в один из важнейших периодов истории Украинской академии наук – во время её становления.

28 марта 1919

*Глубокоуважаемый
Владимир Иванович!*

Передаю на Ваше усмотрение докладную записку о необходимости организации при Укр. Академии Наук Института биологических исследований. Записка эта в самых общих чертах намечает характер проектируемых учреждений. В случае если Академия постановит учредить такой институт при Физико-математическом Отделении или при Комиссии по изучению естественных богатств Украины, то в согласии с киевскими зоологами можно бы было разработать более детальный проект, наметить программу, составить смету и приступить к работам.

*Искренне уважающий Вас
и преданный Шарлемань¹*

Приложенная к письму докладная записка Шарлеманя не сохранилась, но подоплёку её нетрудно восстановить. К моменту её написания в структуре Физико-математического отделения Украинской академии наук (далее – УАН) существовало три учреждения биологического профиля: Комиссия по изучению естественных богатств Украины, возглавляемая академиком В. И. Вернадским, а также Акклиматизационный сад и Комиссия для изучения фауны, руководимые академиком Н. Ф. Кащенко. Значительная часть биологических проблем теоретического характера не входила в круг задач названных учреждений, что и побудило Н. В. Шарлеманя ратовать за организацию широкопрофильного Института биологических исследований. Изучение состава фауны Украины, полагал он, является лишь первым, наиболее элементарным заданием в деле изучения её природы. Современная наука должна идти дальше, она требует исследования не только самого явления, но и взаимоотношений между явлениями, их зависимости от окружающих условий.

Необходимость создания государственных научно-исследовательских институтов, как очагов развития науки, В. И. Вернадский обосновывал начиная с 1916 г., однако условия для их открытия в системе молодой УАН в первые годы её существования ещё не сложились. В течение 1918-1919 гг. в составе Физико-математического отделения

¹АРАН. Фонд 518. Оп. 3. № 1825. Л. 1-1 об.

удалось организовать работу лишь Института технической механики (директор – академик С. П. Тимошенко), а утверждённые академическим Советом Физический и Геодезический институты существовали только на бумаге. Вопрос, поднятый Н. В. Шарлеманем, частично был решён путём создания Биологической секции, основанной в мае 1919 г. под руководством Н. Ф. Кашенко, члены которой начали углублённое изучение биологии разных групп животных.

Определённый интерес представляет личность автора комментируемого письма, Н. В. Шарлеманя, жизнь и творчество которого представлена в монографии украинского историка биологии Е. Н. Хохловой². Николай Васильевич Шарлемань родился в г. Кременчуке на Полтавщине 6 февраля 1887 г. Его предками были выходцы из династического рода Каролингов, эмигрировавшие во время Великой французской революции 1789 г. в Германию, а при Екатерине II переселившиеся в Россию на «вольные земли». В 1907 г., по окончании 1-го Киевского реального училища, Н. В. Шарлемань стал вольнослушателем Сельскохозяйственного отделения Киевского политехнического института. К моменту организации УАН молодой исследователь, избравший предмет своих изысканий изучение фауны Украины, имел уже ряд серьёзных научных наработок. В 1908 г. Киевское общество любителей природы организовало Киевский зоологический сад, и с этого времени до 1915 г. Н. В. Шарлемань состоял его учёным секретарём. В 1911 г. он издал первый каталог Киевского зоопарка, в котором воспроизвёл историю его создания и привёл описание более 200 представленных в нём животных. С 1908 г. он работал также орнитологом на Днепровской биологической станции. Всего до 1918 г. им было опубликовано около 100 научных и научно-популярных статей и заметок, посвящённых фаунистике, фенологии, охране природы.

До 1941 г. научная карьера Н. В. Шарлеманя развивалась вполне успешно. С 1919 г. он занимал должность зоолога и учёного консерватора Зоологического музея УАН, состоял председателем созданной по его инициативе Зоологической секции Украинского научного общества, в 1921 г. вошедшей в состав украинской академии. После открытия Института зоологии АН УССР он стал заведующим отдела фаунистики и систематики, в 1936 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Зоогеография УССР», в отзыве на которую академик Л. С. Берг написал, что подобной работы не имеет ни одна республика ССР. Вскоре ВАК присвоил Н. В. Шарлеманю звание профессора.

Когда началась Великая Отечественная война, профессору Шарлеманю было уже 54 года. Началась эвакуация сотрудников Академии наук УССР на восток, но он и его жена были серьёзно больны, и

²О. М. Хохлова. *М. В. Шарлемань. Життєвий шлях. Наукова спадщина.* – Полтава, 1998. – 159 с.

им пришлось остаться в оккупированном Киеве. Другие сотрудники Института зоологии, которым также не удалось уехать, обратились к нему с просьбой возглавить работу института, и он согласился. На этой должности он спасал от рук гестаповцев лиц еврейской национальности, оказавшихся в окружении красноармейцев. доставал и переправлял партизанам перевязочные средства и медикаменты, всячески старался сохранить имущество института.

Осенью 1913 г. немцы, отступая, стали вывозить из Киева научное имущество и учёных. Н. В. Шарлемань и его жена 40 дней скрывались, чтобы избежать эвакуации, однако их обнаружили, под угрозой расстрела затолкали в вагон и вывезли в Познань. 19 января 1945 г. немцы начали оставлять Польшу, и чета Шарлеманей вместе с группой беженцев была отправлена в Клостер-Цинна, небольшой городок под Берлином. От последующего переезда дальше, на запад, Н. В. Шарлемань всячески уклонялся, надеясь вернуться на родину. В начале 1946 г., после неоднократных письменных просьб, он получил разрешение и вернулся в Киев. Однако теперь он не смог получить работу ни в Институте зоологии, ни в Зоологическом музее. Его открыто называли «предателем родины», запретили ссылаться на его научные труды. Вместе с женой старый больной профессор снимал угол комнаты в маленьком деревянном доме с печным отоплением и протекающей крышей. Умер Н.В. Шарлемань 29 апреля 1970 г.

В течение последнего периода жизни, лишённый возможности заниматься полевыми и экспериментальными исследованиями, учёный обратился к естественно-научному анализу «Слова о полку Игореве». Ещё до войны ряд работ он посвятил расшифровке нерелигиозных фресок Софии Киевской с позиций биолога-фауниста (1938). Исследование «Слова о полку Игореве» долгое время являлось прерогативой литературоведов, и комментарии биолога к этому произведению вызвали живой интерес современников. Д. С. Лихачёв в работе, посвящённой «Слову о полке Игореве», писал: «Любовь к «Слову» в сочетании с отличным знанием южно-русской и украинской природы помогли Н. В. Шарлеманю дать ряд интереснейших объяснений отдельных мест и целых картин природы в «Слове» (1950). Спустя 20 лет российский филолог Л. А. Дмитриев отметил: «В настоящее время ни одно комментированное издание «Слова», ни одно исследование, в котором обращается внимание на реалии памятника, не может обойтись без ссылок на труды Н. В. Шарлеманя» (1971). Таким образом, Николай Васильевич Шарлемань, один из первых зоологов, стоявших у истоков украинской академической науки, несмотря на трагические перипетии своей судьбы, сумел оставить заметный след не только в отечественной биологии, но и в литературоведении.

“НАЙТИ НЕ НУЖНЫМ И МЕНЯ...”

(Об одном конспиративном письме академика В.И. Вернадского)

Опубликованные в 1994 и 1997 годах дневники академика В.И. Вернадского [1] дают историческую канву жизни и деятельности ученого на Украине. Политические условия, в которых приходилось жить и трудиться ученому, были сложны, противоречивы и непредсказуемы. Украина испытывала на себе все перипетии, вызванные революциями и гражданской войной: захват власти большевиками и создание Украинской Народной Республики (УНР); немецкую оккупацию и «деникинщину»; работу национальных правительств и попытку организации государственности.

В общем, Украина представляла собой некий срез всей страны, погруженной в междоусобной войне.

И каждый раз при смене власти на Украине В.И. Вернадскому приходилось отстаивать и защищать свое научное детище – Украинскую Академию наук. Достаточно напомнить два факта в судьбе Академии этого периода, чтобы увидеть реальные ей угрозы. В середине декабря 1918 года власть на Украине перешла к Директории во главе с В.Н. Винниченко [2]. С приходом Директории в Киеве начались аресты, увольнения чиновников с постов, назначенных гетманом П.П. Скоропадским [3], закрытие государственных учреждений, основанных при правительстве гетмана. Новой политической ситуацией воспользовался и бывший президент Украинской Народной Республики М.С. Грушевский [4], пытавшийся в это время реализовать свой давний план создания Академии на базе Украинского научного общества, видя при этом себя ее Президентом. «Из их среды, - писал В.И. Вернадский, - шла против <...> Академии непрерывная борьба во время директории проф. М.С. Грушевским и его сторонниками» [5].

В 20-х числах августа 1919 года в Киев вошли войска Добровольческой армии генерала А.И. Деникина [6]. Его генералы и слышать ничего не хотели о новом научном центре в Киеве.

Опасность грозила не только Академии, но и нависала над её создателем и первым её президентом. Первая реальная угроза для жизни В.И. Вернадского была во время правления Директории. Именно этот период (середина декабря 1918 – конец января 1919) не отражен ученым в его дневниковых записях. Исследователи этого периода обычно отделиваются дежурной фразой «Оставшись в Киеве, Вернадский продолжил активную и научную организационную работу в Украинской академии наук». Так ли это? В дневнике 1935 года В.И. Вернадский вспоминал: «Ещё во время Винниченко мне передавали совет Антоновича [7] уехать, так как мое положение в Киеве опасно» [8]. Уже в первые дни правления Директории Вернадский делает характерную запись: «Третьего дня, когда думал, что, может быть, придётся не ночевать дома...»

[9]. Запомним эту последнюю дневниковую запись. Что же происходило в дни правления Директории?

Было уже отмечено, что руководство Директории пыталось уничтожить всё, что было создано за время правления гетманата. Вот что писала Н.Д. Полонская-Василенко [10] о судьбе ближайшего друга и соратника В.И. Вернадского, основателе Украинской Академии наук Николае Прокофьевиче Василенко [11]: « 14 декабря 1918 г. Киев был занят Директорией. Николай Прокофьевич, отошедший от реальной заботы и занимавший пост Президента Сената [12], был совершенно спокоен. Он был уверен, что личность министров гетманского правительства при Директории будет столь же неприкосновенна, как была при гетмане. В этот вечер он готовился к лекциям у себя дома, и на все уговоры Требинских [13] временно переменить место ночлега, ответил категорическим отказом: «Я должен готовиться к лекциям и мне неудобно ночевать по чужим квартирам», - отвечал он.

Утром 15 декабря он ушел в университет на заседание <совета> факультета [14]. А тем временем к нему на квартиру пришли «черные гайдамаки» - молодые хлопцы и потребовали выдачи его. Прислуга Николая Прокофьевича - Матрёна Семёновна Великохатько пыталась уговорить их, успокоить, хвалить его, как доброго, хорошего человека. Ничего на них не действовало. Хорошо информированные об обычаях Николая Прокофьевича, они отправились на квартиру Требинских и потребовали выдачи Николая Прокофьевича. На заверение Марии Николаевны (Требинской. - *В.Л.*), что его нет, они произвели обыск в доме, шарили под диванами, креслами, открывали шкафы. На её вопрос: «Зачем они его ищут?» - гайдамаки ответили, что хотят его расстрелять. Освободившись от посетителей, Мария Николаевна поспешила в университет, чтобы предупредить Николая Прокофьевича и предостеречь от возвращения домой.

Он шёл уже домой из университета, спокойный и благодушный, когда встретился с взволнованной, напуганной Марией Николаевной. И тогда для него стало ясно, что его положение делается серьезным. И он решил, не заходя домой, отправиться в Александровскую больницу, к старому члену Старой Громады [15] доктору Квятковскому. Но оказалось, что там уже скрывались два гетманских министра. Николай Прокофьевич переночевал там, стал искать новое место жительства. Ему предложил свой кров И.П. Житецкий [16], и он перебрался на Гоголевскую, где пробыл несколько дней, пока его не пригласила к себе семья профессора И.В. Егорова [17], жившая на Нестеровской улице.

Среди огромного круга близких знакомых и друзей Николая Прокофьевича семья Егоровых не числилась. Знакомство с Иваном Васильевичем, профессором химии в университете и Коммерческом институте исключительно были деловыми. В 1918 г. Егоров был ректором университета и с семьей его Николай Прокофьевич не был знаком. Таким

образом, возможность прожить тревожные дни у них представляла, по соображениям конспирации, большое удобство. Занимали Егоровы большую квартиру на 6-м этаже, и только что перенесли семейной горе: была убита шальной пулей их старшая дочь, студентка университета, во время каких-то волнений в университете в октябре 1918. При таких условиях и для Егоровых представляло большое удовольствие поселение у них Николая Прокофьевича, внесшего живую струю в их убитую горем семью. Прожил он у Егоровых около двух месяцев <...>.

Первое время Николай Прокофьевич соблюдал все условия конспиративной жизни: сбрил бороду и усы, не выходил из дома днем, и только глубокой ночью выходил подышать чистым воздухом <...>.

С семьей Егоровых Николай Прокофьевич близко сошелся за это время и на всю жизнь сохранил чувство самой теплой привязанности к Анне Федоровне (жене проф. Егорова. - *В.Л.*) и Ивану Васильевичу <...>.

На конспиративных началах в это время жил и Президент Украинской Академии наук академик В.И. Вернадский, который и посоветовал Николаю Прокофьевичу «спрятаться» на время в семье Егоровых» [18].

Итак, сопоставляя последнюю дневниковую запись (*«третьего дня, когда думал, что, может быть, придется не ночевать дома»*), совет Антоновича *«ухать»* и воспоминания Натальи Дмитриевны Полонской-Василенко, можно догадываться, почему отсутствуют дневниковые записи Вернадского в период правления Директории. Над ученым реально нависла угроза физической расправы. Прямым доказательством этого может служить кампания, развязанная Е.Ю. Перфецким [19] против Вернадского в этот период. В начале января 1919 г. Перфецкий подал в правительство Директории записку об «антиукраинской» деятельности «россиянина» Вернадского, «малоросса» Василенко и близких к ним ученых. Власть среагировала мгновенно, и уже 10 января на заседании правительства был поднят вопрос об удалении из состава Комиссии Национальной библиотеки Украины В.И. Вернадского и ближайших его сподвижников, ставя в обвинение ученому, что он ведёт «русификаторскую политику». На заседании подчеркивалось, что в знак несогласия с такой политикой Вернадского из состава комиссии вышли А.С. Грушевский [20], Е.Ю. Перфецкий и в ближайшее время покинет её ряды академик А.Е. Крымский [21].

Благодаря академику С.А. Ефремову [22], придавшему гласности «политический донос» Перфецкого, может быть, и не состоялась физическая расправа над Вернадским. Хотя он был отстранен от председательства в Комиссии по высшей школе и научных учреждениях Украины [23]. Позже В.И. Вернадский вспоминал: «<...> много удалось избежать благодаря Крымскому, Науменко [24] и другим (имеются ввиду академик Б.А. Кистяковский [25] и, конечно, академик С.А. Ефремов. - *В.Л.*)» [26].

Вскоре политическая ситуация на Украине резко изменилась. 5 февраля 1919 г. В Киев вошли войска Красной армии. Несмотря на лояльное отношение советской власти в целом к Украинской Академии наук, этого никак не скажешь по отношению к её создателям Н.П. Василенко и В.И. Вернадскому.

В газетах этого периода стали появляться заметки, что Академию в Киеве основали кадеты во времена гетмановщины и у её руля находится бывший «кадетский министр», «крупный землевладелец» Вернадский. Сам Владимир Иванович позже вспоминал: «Начали тогда справляться обо мне, как имеющим связь с Кривошеиным(!) [27] и *смешивали* с Бернадским [28]. Одновременно указывали, что Академия наук ведет контрреволюционную деятельность и во главе стоит бывший министр Временного правительства и крупный помещик, а Крымского убеждали, что какой я украинец, и что они не понимают, что он меня защищает...» [29].

За словами последовали действия. В марте 1919 г. были арестованы П.Я. Стебницкий [30], С.А. Ефремов, профессора Г.Г. Де-Метц [31], Л.Е. Чикаленко [32], преподаватель Э.К. Гарф [33]. Киевской ЧК были расстреляны П.Я. Армашевский [34], Т.Д. Флоринский [35]. Погиб при неизвестных обстоятельствах в тюрьме ректор первого украинского художественного учебного заведения А. Мурашко [36].

Одной из знаковых расправ стало убийство Владимира Павловича Науменко. Его имя не раз упоминается на страницах дневников Вернадского. Когда В.И. Вернадский вместе с Н.П. Василенко были товарищами министра народного образования во Временном правительстве, В.П. Науменко заведовал в том же министерстве Отделом высшей школы и организации научных исследований. С тех пор их пути часто пересекались. В ноябре 1918 г. В.П. Науменко сменил Н.П. Василенко на посту министра образования в гетмановском правительстве и способствовал становлению Украинской Академии наук на государственном уровне. 7 июля 1919 г. В.П. Науменко был арестован, а 8 июля – расстрелян [37].

Круг сужался. Оставались на воле ещё несколько деятелей «прошлого» и среди них В.И. Вернадский и Н.П. Василенко. «Я думаю, вспоминал В.И. Вернадский, - что те украинские группы, которые сознательно устранили Науменко как лицо, мешавшее их самостоятельности, легко могли – и ещё легче – *найти ненужным и меня* (выделено нами. – *В.Л.*)» [38].

Косвенным доказательством могут служить распространявшиеся в Киеве слухи об аресте Вернадского. Г.Н. Высоцкий писал В.И. Вернадскому 1 апреля 1919 г.: «Очень рад и тому, что распространившийся вчера слух об аресте Вас, оказался неверным» [39].

В.И. Вернадский принимает решение покинуть Киев. Первоначально он планировал со всей семьей отправиться на Полтавщину, в Шишаки [40]. Но как позже сам признался, «опоздал». «Невольню пытаешься

оценить, - вспоминал по горячим следам Вернадский, - насколько верна мысль о том, что мне грозит опасность от большевиков? Я ушел в Староселье после убийства Науменко. В это время психология была подавленной. Ясно выяснилась роль в этом убийстве украинских националистов – большевиков-боротьбистов и украинских с.- р. Из разговоров с членами этих партий и сведений из чрезвычайки одновременно, которые передавал мне тогда Крымский, это было мне несомненным» [41]. К этому периоду жизни ученый будет возвращаться ни один раз. «Убийство Науменко, - вспоминал Вернадский, - совершенно неожиданное – произвело огромное впечатление. Было лето и я через некоторое время по совету Кушакевича (той же партии, как и Науменко) [42] уехал с ним в Староселье, где провёл на станции значительную часть времени» [43].

Н.П. Василенко, по совету В.И. Вернадского, тоже вынужден был покинуть Киев. Н.Д. Полонская-Василенко вспоминала: «Так время шло до мая 1919 года, когда в Киеве пронеслись тревожные события, одной из жертв которых стал неожиданно, случайно В.П. Науменко. Слишком тесно связаны с Владимиром Павловичем прежней работой при Временном правительстве и в Министерстве народного просвещения при гетмане. Николай Прокофьевич стал волноваться. Под влиянием друзей, и прежде всего, В.И. Вернадского он выехал из Киева в середине июля к тем же Егоровым, у которых была дача на берегу Днепра. Труднее всего было выехать, так как за пристанью был учреждён строгий надзор и паспорта выезжавших пересматривались ЧК. Егоров снабдил Николая Прокофьевича командировкой для разыскания торфа...» [44].

В.И. Вернадский также был снабжен соответствующими документами. Профессор С.Е. Кушакевич ещё в марте 1919 г. инициировал создание при Физико-математическом отделе УАН Комитет по изучению фауны Украины. По соображениям безопасности Сергей Ефимович (состоял в одной партии с убитым Науменко) тоже вынужден покинуть Киев. Оформив документы от названного Комитета, они отправились с Вернадским на биологическую станцию, где директором был тогда Кушакевич.

Об обстоятельствах ухода на биологическую станцию, Вернадский оставил воспоминания: «Наташа (супруга Вернадского. – *В.Л.*) осталась в Киеве, а мы с Ниночкой (дочь Вернадского. – *В.Л.*), с Кушакевичем отправились пешком в Вышгород (резко антибольшевистское село) и оттуда на лодке в Староселье <...>» [45].

В воспоминаниях о В.И. Вернадском Н.Д. Полонская-Василенко писала: «Красный террор 1919 года, жертвой которого стали украинские ученые, а среди них выдающийся политический, общественный и научный деятель В.П. Науменко заставил значительное число ученых Киева покинуть город и искать временный приют где-то вне города. Н.П. Василенко поселился на даче профессора, бывшего ректора университета И.В. Егорова. Дача была на берегу Днепра, недалеко от устья Припяти.

В.И. Вернадский уехал в Староселье, на биологическую научно-исследовательскую станцию на берегу Днепра, возле устья Днестра. В ужасные дни террора Вернадский с восторгом исследовал Старосельские леса, и там ему удалось найти ключ к проблеме живой материи, которой он посвятил всего себя и значительную часть своей жизни <...>. В архиве Н.П. Василенко сохранились два письма из Староселья, раскрывающих процесс его исследования. Этот эпизод из жизни В.И. Вернадского, эти живописно написанные письма, дают представления о его черте характера, как ученого. В письмах этих не было «обывательских» жалоб на современность, опасений расправы, которая грозила, если будет открыт его приют...» [46].

В других воспоминаниях Н.Д. Полонской-Василенко есть и такая запись: «Характерное письмо получено Николаем Прокофьевичем от В.И. Вернадского, попавшего в те же дни на станцию в Староселье» [47].

Письмо действительно «характерное» и любопытное. Во-первых, оно носит явно конспиративный характер. Вернадский обращается к Василенко «Дорогой Иван Петрович» (!). Иван – имя хозяина дачи Ивана Васильевича Егорова, где жил тогда Василенко; «Петрович» – первая буква отчества Василенко – Прокофьевич и, во-вторых, В.И. Вернадский впервые подписывается инициалами «В.В.». Таковы были договоренности и условности.

В то же время письмо Вернадского к Василенко информационно насыщенное. Здесь мы увидим и настроение ученого, и оценку общественно-политической ситуации на Украине и, конечно, получим представление о научных занятиях ученого на биологической станции и дальнейших его научных планах. Впервые публикуемое письмо Вернадского к Василенко можно отнести к той группе документов, которые уже были ранее опубликованы в связи с пребыванием В.И. Вернадского на Старосельской биологической станции [48].

Письмо отложилось в фонде Н.П. Василенко (Центральный государственный архив – музей литературы и искусств Украины – ЦГАМЛИ Украины) и печатается по оригиналу: ЦГАМЛИ Украины. Ф. 542. Оп. 1. Д.20. Л.15 – 16 об. Автограф.

Примечания

1. В.И. Вернадский. Дневники 1917-1921. Октябрь 1917 – январь 1920. К: Наукова думка, 1994 (Составители: М.Ю. Сорокина, С.Н. Киржаев, А.В. Мемелов, В.С. Неаполитанская); январь 1920 – март 1921. К: Наукова думка, 1997 (Составители: С.Н. Киржаев, А.В. Мемелов, В.С. Неаполитанская, М.Ю. Сорокина).

2. Виниченко Владимир Кириллович (1880 – 1951) – писатель, политический деятель Украины. В апреле 1917 избран зам. Председателя Центральной Рады, в июне 1917 – январе 1918 возглавил правительство УНР, в период гетмана – под арестом. В ноябре 1918 - феврале 1919 – глава правительства Директории, затем в эмиграции.

3. Скоропадский Павел Петрович (1873 – 1945) – военный и государственный деятель. В апреле – декабре 1918 возглавил гетманат Украинского государства. С декабря 1918 в эмиграции.

4. Грушевский Михаил Сергеевич (1866–1934) – историк и государственный деятель Украины. В ноябре 1917 возглавил Украинскую Народную Республику. С 1923 – академик Всеукраинской Академии наук, с 1929 – академик АН СССР.

5. Государственный архив г. Киева. Ф.16.Оп.479.Д.216.Л.8

6. Части Добровольческой армии вошли в Киев 17(30) августа 1919 г.

7. Антонович Дмитрий Владимирович (1873 – 1945) – историк искусства. С 10 (23) декабря 1917 до 14 марта 1918 министр военно-морских дел в правительстве Центральной Рады. В правительстве Директории глава дипломатической миссии в Риме. В эмиграции с 1919.

8. Цит. по: В.И. Вернадский. Дневники 1935 – 1941. М.: Наука, 2006. Кн. 1. С.38.

9. Цит. по: В.И. Вернадский. Дневники 1917 – 1921. Октябрь 1917 – январь 1920. С.128.

10. Полонская-Василенко Наталья Дмитриевна (1884 – 1973) – историк, супруга Н.П. Василенко. В эмиграции с 1943.

11. Василенко Николай Прокофьевич (1866 – 1935) – историк-юрист, политический деятель. С 19 августа 1917 – товарищ министра просвещения Временного правительства вместе с В.И. Вернадским. С января 1918 – член Генерального суда при Центральной Раде. В правительстве гетмана (май – октябрь 1918) – министр просвещения и искусств. С 9 августа 1918 Президент Сената. В феврале 1919 – президент Киевского университета, с 1920 – академии УАН, а 18 июля 1920 – президент УАН (до 27 февраля 1922).

12. Государственный Сенат Украины был учрежден в августе 1918, с 19 августа Н.П. Василенко стал Президентом Сената.

13. Близкие друзья семьи Василенко.

14. Киевского университета.

15. Старая Громада (Стара громада) – полуполюгальное общество киевской демократической интеллигенции, возникла в начале 1870-х годов, занималось пропагандой и изданием литературы на украинском языке.

16. Житецкий Игнатий Павлович (1866 - 1929) – украинский ученый, специалист по библиографии и истории литературы.

17. Егоров Иван Васильевич (1869 – 1931) – химик – органик, профессор университета св. Владимира в Киеве.

18. Цит. по: Центральный государственный архив – музей литературы и искусства Украины (г. Киев) – далее ЦГАМЛИ. Ф. 542. Оп.1. Д.46. Л.86 – 90.

19. Перфецкий Евгений Юлианович (1888 – 1947) – историк, славист, профессор университета св. Владимира. С 1920 в эмиграции.

20. Грушевский Александр Сергеевич (1871 – 1942) – историк, литературовед, брат М.С. Грушевского, сотрудник ВУАН, репрессирован.

21. Крымский Агафангел Ефимович (1871 – 1942) – филолог, востоковед, неперменный секретарь УАН (ВУАН) (1918 – 1928). Из состава Комиссии не вышел.

22. Ефремов Сергей Александрович (1876 – 1939) – политический деятель Украины, с осени 1917 – один из лидеров Украинской партии социалистов-федералистов, публицист, литературовед, академик УАН (1919). Репрессирован.

23. См.: Нова Рада. – Київ. – 1919 – 31 (18) січня. - № 22.
24. Науменко Владимир Павлович (1852 – 1919) – филолог, публицист, политический деятель, с декабрю 1917 один из основателей федеративно-демократической партии. Научный сотрудник УАН. Расстрелян Киевской ЧК.
25. Кистяковский Богдан Александрович (1868 – 1920) – юрист, академик УАН. Выступил в защиту В.И. Вернадского. См. Личков Б.Л. К истории создания Академии наук Украины в Киеве (Из воспоминаний). АРАН. Ф.518. Оп.5. Д.94. Л.14-19.
26. В.И. Вернадский. Дневники 1935 – 1938. Кн. 1. С. 38.
27. Кривошеин Александр Васильевич (1857 – 1921) – государственный деятель. Осенью 1918 в Киеве – один из организаторов «Совета государственного объединения России». С 1920 в эмиграции.
28. Бернацкий Михаил Владимирович (1876 – 1945) – экономист, государственный деятель, министр финансов и председатель правительства при главком Вооруженных Сил на юге России (1918 – 1919). С 1920 в эмиграции.
29. В.И. Вернадский. Дневники 1917 – 1921. Январь 1920 - март 1921. С. 24.
30. Стебницкий Петр Январевич (1862 – 1923) – украинский ученый, литератор, государственный деятель. С 19 октября 1918 министр народного просвещения Украины. Руководитель Комиссии биографического словаря Академии.
31. Де-Метц Георгий Георгиевич (1861 – 1942) – физик, сотрудник УАН.
32. Чикаленко Лев Евгеньевич (1888 – 1965) – археолог, политический деятель, сотрудник УАН. С 1920 в эмиграции.
33. Гарф Эрнест Карлович (1880 – 1920) – инженер-технолог, сотрудник УАН.
34. Армашевский Петр Яковлевич (1851 – 1919) – минеролог и геолог. В.И. Вернадским написан некролог памяти Армашевского.
35. Флоринский Тимофей Дмитриевич (1854 – 1919) - филолог, историк, славист, академик РАН.
36. См.: Гольденвейзер А.А. Из киевских воспоминаний //Русский архив. – М. – 1991. – Т. 6. – С. 251 – 254.
37. Одна из киевских газет чуть позже поместила рассказ очевидца расправы над В.П. Науменко: «Владимир Павлович Науменко был приведен в ЧК на Екатерининскую улицу, в камеру №2, глубокой ночью. Спокойно, ровно, своим низким грудным голосом, он рассказывал нам, заключенным в этой камере, о том, как его арестовали. Первые наши вопросы были о «воле», о том, что делается «там», за решеткой, за колючей проволокой, протянутой у входа в нашу тюрьму.
- Начинался день. Были потребованы все чехи, которые находились в камере (11 человек) и отправлены на работу. Позднее, вечером, мы узнали, что чехи были отправлены для рытья могил на Лукьяновском кладбище.
- Около часу дня Владимир Павлович был вызван на допрос. Такой скорый вызов не предвещал ничего хорошего, так как обычно в первый день ареста допрашивали тех, судьба которых была предрешена. Вернувшись с допроса, Владимир Павлович сказал, что следователь произвел на него приятное впечатление своей учтивостью и что, хотя допрос продолжался довольно долго, больше часа, но вопросы предлагались общего характера и, по-видимому, дело кончится

пустяком. Спрашивали: «Почему Владимир Павлович принял пост министра народного просвещения?» На это Владимир Павлович отвечал: «Когда формировался гетманский кабинет, то в его программе не было упоминаний о федерации Украины с Россией, и я на этом основании отклонил пост министра, который мне предлагали. Когда, в конце пребывания гетмана у власти, ко мне приехал Гербель (Сергей Николаевич, министр продовольствия гетманского правительства. – В.Л.) и сообщил мне, что условия, которые я ставил, целиком приняты, и я не мог отказаться от предложенного мне портфеля».

Еще спрашивал следователь Владимира Павловича о том, как он относится к коммунизму. На это Владимир Павлович отвечал, что он принимает коммунизм, как учение, но полагает его неосуществимым в жизни. «Иначе отвечать я не мог», - сказал он.

Окончивши допрос, следователь потребовал, чтобы Владимир Павлович записал все то, что говорил. «Видимо, он не был в состоянии изложить мои мысли», - заключил Владимир Павлович.

Наступил вечер. В половине десятого появился разводящий и выкрикнул трех заключенных с «вещами». Вызываемые на расстрел, по обычаю ЧК, должны нести с собой вещи, которые потом делят палачи. После того, минут через десять, разводящий явился опять и крикнул две фамилии – одну из них Науменко. Владимир Павлович взволновался, но мы убедили его не брать вещи и сказали, что его зовут на новый допрос, хотя все мы поняли, зачем его зовут. Спокойно, ровными шагами прошел Владимир Павлович в дверь камеры, и из окна я видел, как он вышел за изгородь за колючей проволокой. Помню, как он поправлял на голове свою соломенную желтую фуражку, ожидая спутника, и под конвоем трех человек скрылся за углом комендантского дома, рядом с нашим флигелем.

Через полчаса пришел помощник коменданта и потребовал у старосты нашей камеры личные вещи Науменко. Посмотрел на них, цинично выругался, сказал: «Какая дрянь!», - взял вещи и вышел». (А.Б. Последний день В.П. Науменко // Объединение. – Киев - 27 августа. – 1919. - №1.).

38. В.И. Вернадский. Дневники 1917 – 1921. Январь 1920 – март 1921. С. 24. 39. АРАН.Ф.518.Оп.3.Д.378.Л.2.

40. Шишаки – село Миргородского уезда, в котором Вернадские в 1913 г. построили дачу, где ежегодно отдыхали летом.

41. В.И. Вернадский. Дневники 1917 – 1921. Январь 1920 – март 1921. С. 23–24.

42. Кушакевич Сергей Ефимович (1878 – 1920) – зоолог, профессор университета св. Владимира в Киеве, директор Днепровской биологической станции.

43. В.И. Вернадский. Дневники 1935 – 1941. Кн. 1. 1935 – 1938. С. 39.

44. ЦГАМЛИ Украины. Ф. 542. Оп.1. Д.46. Л.92.

45. В.И. Вернадский. Дневники 1921-1925. М.: Наука, 1998. С.160.

46. Н. Полонська-Василенко. Академік В. І. Вернадський (Спогади) // Хроніка-2000. – Київ. – 2004. - №57-58. – С.498..

47. ЦГАМЛИ Украины. Ф. 542. Оп.1. Д.46. Л.92.

48. См. Старосельские научные дневники В.И. Вернадского // Дневники 1917 – 1921. Октябрь 1917 – январь 1920. С.253-258; Сорокина М.Ю. Дальний путь к большому будущему // Природа. – 1990. - № 3. – С.82 – 96.

ПИСЬМО В.И. ВЕРНАДСКОГО К Н. П. ВАСИЛЕНКО

[Староселье] 31.07.1919

Дорогой Иван Петрович!

Пишу не из Киева – на время уехал из него; к сожалению, не удалось проехать в Полтавщину – м[ожет] б[ыть] сам виноват, запоздал. Но кто знает, что лучше?

Здесь я закончил и отделал Отчёт по Ком[иссии] по в[ысшей] ш[коле] и уч[ебным] учр[еждениям], начерно написанный Бор[исом] Леон[идовичем] (1). Отчет будет от нас, как предс[едателя] и секр[етаря] и я всюду предпосылаю принципиальную мотивировку деятельности. Вышла целая книжка. Мне кажется она интересна – и, во всяком случае может иметь исторический интерес, но я думаю, будет иметь и практический, т[ак] к[ак] придётся защищать свою деятельность, а затем необходимо и добиваться и дальнейшего развития. Думаю, что очень многие будут и рассержены и недовольны, особенно «українці», т[ак] к[ак] я вполне ясно и определённо ставлю и свою точку зрения и выясняю действительный ход дел создания в[ысшей] ш[колы] укр[аинской], а не ту фальсифицированную, которую они начали на торжествах открытия Киев[ского] и Под[ольского] унив[ерситетов] (2). Отчёт хочу напечатать при первой возможности. М[ожет] б[ыть] следовало бы издать и по-украински? К Вам перешлю копию, как только сделаю, если Б[орис] Л[еонович] будет согласен с моей переработкой и вставками (3). От него ещё не имею известий. Но с ним мы очень во многом согласны. Очень интересно и важно Ваше мнение.

Здесь я без книг или вернее почти без книг. Но много думаю и пишу. Написал целую статью «О значении живого вещества для создания почв» (4). Сейчас начал обрабатывать и писать лекции по геохимии – сколько смогу это сделать без книг. А затем есть ряд и других тем – хочется набросать воспоминания детства и статью о прогрессе, как проявлении автотрофности человечества. Тут, мне кажется, у меня получаются новые черточки к пониманию явлений.

Без книг могу обходиться совсем свободно, ибо тем для мысли бесконечное множество, да и для писаний тоже. А затем природа мне даёт очень много. Недавно был в глухих лесах, последних остатках мало тронутых, среди болот придеснянских. И много мыслей. Пытаюсь учесть живое вещество леса. Приходится выдумывать методы работы.

Вчера несколько часов ловил жуков на шелуге; за последние дни есть жучек (наловил более 6000 – достаточный материал для анализа и исследований). Есть ли он у Вас? Если есть, очень прошу Вас набрать тысяч 5-6 (в банку, хорошо закупорить; жучек одного вида – “Lina – 75 -100“ 10% формалина). Лучше взвесить живых в банке (сосчитав количество). Это массовые размножения («взрывы жив[ого] веш[ества]») очень интересны и, думаю, удастся в этом явлении найти законности.

Вы писали, что ловите рыбу – а я здесь её почти не имею. Если можно, соберите кости *отдельных разных рыб* (выделено автором. – В.Л.). В костях я ищу редких земель. Доставить их надо – с указанием рыбы, времени улова и реки – Ир[ине] Дм[итриевне] Старынкевич (5), Фундуклеев[ская], Лаборатория Франкфурта (6). Да, рыба не должна быть раньше сварена: кости надо вынуть из сырой.

Н[атаалья] Ег[оровну] (7) я просил Вам послать 1-ый выпуск Книж[ового] Віснику (8) и 1-й том записок I Отд[еления] (9). И то и другое среднее. Но важно, что вышло. И это Tour de force³. Сейчас очень жалею, что не могу быть в Ком[иссии] Нац[иональной] библиотек[е]⁴. Там опять шовинистические течения и бедному Евг[ению] Ал[ександровичу] (10) тяжело. Ужасно неприятна вся эта фальшивая, мелкая политическая работа. Ничего не поделаешь.

А я тут мечтаю заехать на 6-8 мес[яцев] в Лондон и засесть в библиотеках для окончания своего жив[ого] вещ[ества]. Будет ли возможность это сделать? В през[иденту] я во всяком случае не пойду – эта должность не по моему характеру. Мне хочется, оставшиеся мне годы жизни отдать только научной работе, т[ак] к[ак] передо мною раскрываются всё новые и новые горизонты. Будет ли это возможно на Украине и для Украины? Будет ли морально возможно отойти от практич[еской] общ[ественно]-политич[еской] работы украинцам нашего типа или как раз нам придётся выступать? Ведь это может быть. Эгоистически я страстно хотел бы, чтобы миновала меня чаша сия.

Всего лучшего. Ниночка (11) со мной, ей лучше. Я для неё главным образом и уехал и очень виню себя, что не решился уехать к себе на хутор: пропустил момент. Наталья Егоровна в Киеве.

Всего лучшего. Ваш В.В.

Примечания

1. См. об этом: *Вернадский В.И.* [Наука в период войн и революций] // *В.И. Вернадский. О науке. Т. 2. Научная деятельность. Научное образование.* – СПб, 2002. С. 81 - 93.

2. См.: Государственный архив г. Киева. Дело об открытии Киевского и Каменец-Подольского университетов. Ф. 16. Оп. 479. Д. 120.

3. См.: Письмо В.И. Вернадского Личкову Б.Л. от 20 июля 1919 г. // Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым. 1918 - 1939. М.: Наука, 1979. С. 15 - 16.

4. Рукопись В.И. Вернадского «Об участии живого вещества в создании почв» хранится в Институте рукописей Национальной библиотеки им. В.И. Вернадского. Ф. I. № 26854. Л. 1 - 20. Автограф и полностью опубликована: *К.М. Сытник, Е.М. Апанович, С.М. Стойко.* В.И. Вернадский. Жизнь и деятельность на Украине. – Киев: Наукова думка, 1988. С. 186 - 213.

5. Старынкевич-Борнеман Ирина Дмитриевна (1890 - 1989) – химик, минеролог, ученица и сотрудник В.И. Вернадского. В Киеве работала в 1918 - 1919 гг.

6. Первоначально В.И. Вернадский развернул свою лабораторию на кафедре органической химии (зав. кафедрой проф. И.В. Егоров) университета Св. Владимира в Киеве, затем в лаборатории при Синдикате сахарозаводчиков в Киеве, организованной Соломоном Львовичем Франкфуртом.

7. Вернадская Наталия Егоровна, супруга В.И. Вернадского.

8. Книжковий вісник. – Київ, 1919. 4.1. січ. - бер., 64 с.

9. Записки Історично-Філологічного відділу Української Академії Наук (Под ред. П.Зайцева; за головним ред. Д.І. Багалія. – К., 1919. Кн.1. – 144 с.

10. Кивлицкий Евгений Александрович (1861-1921) – историк, педагог, первый директор Всенародной библиотеки Украины.

11. Нина Владимировна Вернадская, дочь В.И. Вернадского.

³Затруднение (пер. с франц.).

⁴Официальное название – Всенародная библиотека Украины.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПИСЬМА Г.В. ВЕРНАДСКОГО

Будущее, настоящее и прошедшее скованы одной неразрывной цепью. Дотронешься до одного звена, шевельнутся все другие. Судьба больно тронула настоящее звено нашей истории. В темном хаосе наших дней обнажились исторические глубины, раскрылись вещие недомолвки прошлого. Переживаемые события так много уясняют нам в нашей истории – и обратно, явления прошлой жизни бросают свет на современность, а отблеск их теряется в будущем.

Наблюдения и мысли историка, сопоставляющего прошлое и настоящее, могут поэтому быть интересны всякому читателю, стремящемуся глубже уяснить себе связь и смысл происходящих событий. К такому читателю и обращены мои письма. Письма эти я не буду располагать по какой-либо заранее условленной системе. Пусть они следуют одно за другим так, как напишутся, без всякого видимого внешнего плана. Чем меньше схемы, тем ближе к жизни.

I

Петровская эпоха и мы

Позднейший наблюдатель, изучая события нашего бедственного времени, сумеет вероятно расположить их стройно и последовательно; он создаст из бесчисленного множества отдельных разрозненных и противоречивых фактов одну ясную картину, сперва разрушения и развала, потом воссоздания русского государства. Для этого позднейшего наблюдателя линия исторического процесса будет казаться единой и непрерывной.

Нам, современникам русской смуты XX-го века, не всегда видна эта единая линия. Мелочи и противоречия жизни, окружающие нас каждодневные будни, подчас совершенно затемняют нам грандиозный смысл совершающегося кругом, заглушают биение исторического пульса тяжело больного организма России. Мы невольно склонны преувеличивать свои житейские впечатления, отрицательные черты их ускоренно растут в нашем сознании и затем пугают своими размерами.

Нам часто ярче всего представляется разруха и неустройство кругом, дороговизна, отсутствие топлива, сумбур, всяческие непорядки, спекуляция, взяточничество, махновщина. Восстает призрак продолжающегося разрушения и развала, и начинает казаться, что возрождающаяся государственная организация не сумеет справиться с этим развалом. Создается подавленное настроение, склонность к отчаянию и панике, а это только усиливает отрицательные явления жизни.

Все это не впервые и не только с нами происходит. Так бывает всегда в грозные годы великих народных бедствий. Современники кризиса и позднейшие наблюдатели видят все совершенно по-разному.

Исторический поток, который издали кажется единым и цельным, разбивается в ежедневной жизни на множество мелких ручейков и вблизи трудно заметить, что все они стремятся в одно море – будущее.

Сознание развивающегося исторического процесса присуще немногим. Взгляд в прошлое помогает установить правильную историческую перспективу.

Наше время – конец петербургского периода русской истории. Начало его – многознаменательная эпоха Петровской реформы. Не буду сейчас возобновлять длительного спора о внутренней ценности этой реформы. Несмотря ни на что – в процессе развития русского государства она конечно была великим делом и время ее – великое время. Реформа Петра вывела на торный исторический путь русское государство, поставленное под двойную угрозу внешней войны и внутреннего бунта (Разиновщина, стрельцкие и казацкие мятежи конца XVII и начала XVIII-го веков). Резко и круто с изумительным подъемом волевой энергии перестраивал Петр русское государство наспех, в тяжкие годы небывалого прежде военного напряжения страны.

Нам теперь легко рисовать стройный и последовательный ход Петровской реформы. У нас перед глазами общая картина русского исторического процесса, мы и в деле Петра видим ту же картину, говоря, что реформа его являлась лишь выражением стихийного развития исторических сил.

Современники Петра не могли в массе своей понять далеких целей реформы и предвидеть ее конечные итоги. Им ощутительнее были ее житейские каждодневные тяготы, новые налоги и подати, рекрутчина, подводная повинность, беспорядки и хаос в тогдашней администрации.

Определенная для нас прямая восходящая линия развития русского государства при Петре часто прерывалась и вовсе терялась из виду его современников. После Нарвского разгрома 1700 г. никто не мог предвидеть Полтавской «преславной виктории». За год до Полтавы дело Петра и русского государства показалось безнадежно проигранным хитроумному гетману Мазепе.

Не только опасности войны и мятежа угрожали Петру. Гораздо тяжелее для него была борьба с внутренним развалом русского государства. Переустройство России казалось совершенно недостижимым и неосуществимым в окружавшей преобразователя обстановке невероятного воровства, взяточничества, насилия, прямого грабежа со всех сторон. Однако виновны были в этом и самые невидные, маленькие люди и самые высокопоставленные вершители судеб государства. Каждая следственная комиссия, учреждаемая Петром, открывала бесчисленное множество хищений и взяточничества со стороны комиссаров, заведовавших снабжением армии, судей, секретарей различных правительственных учреждений, следователей по рекрутским наборам, кабацких и таможен-

ных подьячих, помещиков и купцов, занимавшихся подрядами и пр. и пр. Виновными оказывались такие лица, как всесильный князь Меншиков, гр. Апраксин и пр. Петр свою жизнь беспощадно боролся с такого рода явлениями, но был почти одинок и беспомощен в этой борьбе. Он учредил целую сеть особых «фискалов» для обнаруживания злоупотреблений, и фискалы действительно вывели на чистую воду очень много виновных. Облечениями обер-фискала Нестерова доведен был до виселицы сибирский губернатор кн. Гагарин. Однако, вслед затем уличен во взятках был также и сам Нестеров и приговорен к смертной казни через колесование. Петербургского вице-губернатора Корсакова и двух сенаторов кн. Волконского и Апухтина по приказанию Петра публично высекли кнутом. Только заступничество императрицы Екатерины спасло от заслуженной кары патрона наказанных, Меншикова. Однажды Петр вышел из себя и велел Сенату обнародовать именным указом о том, что если кто украдет у казны лишь столько, чтобы купить веревку, будет на ней повешен. В ответ на это, высший блюститель закона генерал-прокурор Ягужинский сказал Петру: «Разве Ваше Величество хотите остаться без подданных? Мы все ворует, только один больше и приметнее, чем другой».

И вот это внутреннее разложение государственного организма гораздо больше вредило делу Петра, чем сознательное противодействие реформе со стороны ее партийных противников. Временами казалось, что Россия просто тонет в каком-то гниющем болоте, что спасения ей нет.

Эти страхи были обманчивы. Болезнь была не смертельна. Живые силы народа все превозмогли. Россия вышла из всех затруднений внутренних и внешних. Темные стороны эпохи отошли на второй план. Зато отчетливо видны ее блестящие достижения.

То же самое произойдет и с пониманием нынешних событий. Мелочи нашей жизни постепенно забудутся. Останутся общие очертания исторического процесса.

Как неизбежно исторически была Петровская реформа, так неизбежно в наши дни воссоздание русского государства. Различные препятствия могут осложнить и задержать это воссоздание, но вовсе погубить его дело – не в силах никакие препятствия, никакие ухищрения злой воли отдельных людей.

«Таврический Голос». № 90 (240). 10 ноября 1919 г.

II

Социализм в русской истории

Социализм – религия значительной части современного русского общества. Как всякая религия социализм смотрит прежде всего в будущее. Там, впереди, рисуется приверженцам социализма проведение

в жизнь человеческого общества идеальных начал справедливости и правды. Социалистический строй представляется последним достижением человеческой истории. Прошлое человечества объято беспроблеском тьмой, и в истории России тьма эта кажется особенно густой.

С таким воззрением согласиться нельзя. Социализм не есть венец человеческой истории, и в частности, истории русской. Социализм столько же принадлежит прошлому, как и будущему – во всяком случае, прошлому не меньше, чем будущему. Социализм (рассматривая его, как совокупность правил практической политики) есть метод общественной жизни, техника рационального общественного устройства. Несоответствие между количеством народонаселения и средствами к его существованию – вот что настойчиво выдвигает именно этот метод в понятиях его сторонников. Несоответствие это в будущем может усилиться, но может и ослабеть (в случае, например, новых открытий химических наук, изменяющих условия человеческого питания); в будущем могут быть найдены совсем иные способы разрешения общественной проблемы. Зато рассматривая противоречия общественной жизни в прошлом, социализм становится прочно на ноги. Его учение – не прозрение будущего, а подведение итогов прошлого.

В самых общих чертах схема социализма такова: принудительная рациональная организация труда и деятельности отдельных людей с целью достижения блага всего общества. Устраняю вопрос, кто определяет это благо на практике, и возможно ли достижение его путем только какой бы то ни было общественной принудительной организации.

Такая общая схема идеального общественного порядка возникла задолго до разработки учения социализма в собственном, обычном смысле этого слова. Абсолютистское полицейское государство XVII – XVIII веков – вот, может быть, наиболее яркая попытка применения к жизни этой общей схемы, – если хотите, в известной степени попытка осуществления социалистических начал. Вполне последовательное проведение в жизнь принципов «регулярного государства» можно найти в России первой половины позапрошлого XVIII века. Та всероссийская крепостная империя XVIII века, которая подвергалась всегда ожесточенной критике со стороны представителей социализма – есть в сущности империя, насквозь проникнутая социалистическими элементами.

Государство, созданное Петром Великим, не может быть названо иначе, как крепостным. Труд и деятельность каждого подданного строго регулируется в эту эпоху правительственной властью. Петр уничтожил существовавший до него класс «вольных гулящих людей». Каждое сословие получило строго определенные обязанности. Крестьянин крепко помещику, но сам помещик обязан пожизненной службой государству, и эта служба при Петре не показная. Каждый дворянин должен начинать военную службу, по выражению Петра, «с фундамента», т.е. с солдата и

уклоняться от службы не мог под с трахом тяжких наказаний. Суровая дисциплина крепко держит все Петровское государство, не выпуская на волю ни одного самого незаметного подданного этого государства.

Требую неуклонной и неизбывной службы от своих подданных, Петровское правительство окружает их самым тщательным надзором и внимательным попечением, следя за всей совокупностью их деятельности и труда. Правительственная регламентация народного труда при Петре вполне может быть названа социалистической. Петровское правительство принимало не только общие меры с целью поднятия промышленности и торговли; оно вмешивалось в мелочи и детали народного хозяйства. Правительство предписывало, например, ткать холсты только определенной ширины (по всем губерниям разосланы были образцы полотен). Правительство особым указом запретило выделывать кожу с дегтем и велело обрабатывать ее ворванным салом (за несоблюдение этого указ грозил ссылкой на галеру). Особый указ требовал, чтобы уездные жители «у пеньки концы или коренья отрывали и обрезывали, и на торги в города с лапками и мокрую не возили, а возили бы пеньку сухую без лапок». Хлеб приказано было не жать серпами, а косить косами с граблями: речные баржи строить не «староманерные», а нового образца. В городских домах велено печи делать не на полах, а с фундамента (для этого издан был особый именной указ). Всюду разослан был высочайше утвержденный чертеж для постройки крестьянских изб в деревнях и т.д. и т.д. Все это – под страхом тяжких штрафов и наказаний.

Какова цель, руководившая правительством в его мерах по регламентации народного труда? Цель эта ясно была выражена как самим Петром, так и главным теоретиком его реформы, одним из самых блестящих русских политических публицистов. Архиепископом Феофаном Прокоповичем. Цель эта: «польза и прибыток общий» или «всенародная польза».

Петровское государство, проникнутое элементами социалистическими, не было, правда, основано на демократических принципах; «правительство» оторвано было от «народа».

Однако, как показал опыт и нашей революции, да и других демократических стран, правительство, хотя бы не буржуазно-демократическое, а социалистическое всюду и всегда является особой группой профессионалов, связанных (при современном демократическом устройстве) в сущности лишь с партийными комитетами, а не с «народом». Демократизм вовсе не есть неперемный признак социализма (это ясно показал и опыт советской социалистической республики). Между прочим, Петровское правительство далеко не всегда боялось допускать «народ» к управлению народными делами. При Петре существовала и посадская община городских обывателей и крестьянская сельская община и дво-

рянские съезды (последние для выборов комиссаров по раскладке пода-тей). Правительство даже само вызывало к жизни эти учреждения, возлагая на выборных лиц различные обязанности по службе. Та сельская крестьянская община, которую кладут в основу русского исторического развития наши народники – эта самая община в значительной степени является не только опорой, но и произведением того же крепостного государства.

Разумеется, русскую империю XVIII – XIX веков вряд ли можно назвать прямо социалистическим государством. Империя эта прежде всего проникнута была тем пафосом государственности, которого у государства чисто социалистического быть не может. Но многие стороны государственного быта русской империи и часто как раз те, которые принято считать темными и отрицательными, как, например, принудительное вмешательство государства в личную жизнь граждан, чрезмерное развитие правительственной опеки над народом – эти стороны связаны тесной внутренней связью с социалистическим характером русского абсолютистского государства.

Социалистическое правительство русской советской республики, воспроизводя в своей практике многие приемы русского «старого режима», наглядно обнаружило такую связь. О некоторых явлениях этого порядка следует поговорить особо.

«Таврический Голос». № 96 (246). 17 ноября 1919 г.

III

Столетие военных поселений

С небольшим сто лет тому назад известный Аракчеев, этот, как его называли иногда, злой гений императора Александра I, по приказу своего повелителя, после утомительной борьбы с Наполеоном, начал располагать русскую армию на военные поселения.

Военные поселения – своеобразный опыт военно-крепостного коммунизма русской империи Петербургского периода. Военные поселения должны были осуществить ряд первостепенных задач как практического, так и принципиального характера.

По мысли императора Александра русская армия, расположенная в полном своем составе на военные поселения, должна была сама себя содержать, избавив прочее население России от всех тягот по своему содержанию, и от денежных и натуральных сборов и от сбора рекрут. Военные поселения образовывались двояким путем. Или какая-нибудь воинская часть получала оседлость, избы, землю, хозяйство, так что солдат, оставаясь солдатом, в то же время делался и крестьянином. Или, наоборот, какая-нибудь казенная волость государственных крестьян объявлялась воинской частью: крестьянин, не прекращая своих работ по обработке земли, становился в то же время солдатом и подлежал обуче-

нию всей тогдашней воинской науке и строю. К концу Александровского царствования в военных поселениях числилось до 200 тысяч человек, или 1/3 тогдашней русской армии.

В теории военные поселения имели много светлых сторон. Их учреждением должна была быть достигнута значительная экономия всей народно-хозяйственной жизни России. Задача содержания многочисленной армии казалась блестяще разрешенной. Эффектные отчеты Аракчеева убеждали императора Александра в финансовых выгодах и образцовом устройстве всего предприятия.

На практике военные поселения выглядели совершенно иначе. Ими одинаково тяготился как солдат, принужденный после утомительных войн и походов приниматься за позабытые уже им крестьянские работы, - так и крестьянин, получивший в руку винтовку, одетый в солдатский мундир и в промежутках между своей обычной работой занятый теперь изучением солдатской службы.

Военные поселения сулили солдату-крестьянину большие выгоды. Каждый поселянин получал дом, землю, скот, хозяйственное обзаведение. Все это называлось его собственностью. Но собственностью этой он распоряжаться не был волен. Он отвечал перед начальством за исправное распоряжение этой собственностью в интересах всей поселенной общины-роты, полка и пр. В сущности, имущество, выданное каждому поселянину, принадлежало именно всей войсковой единице. На отчисления от доходов поселян образовывался ротный капитал, из которого поселянин обеспечивался на случай своей инвалидности и пр. Поселенная рота была настоящей коммуной, обеспечивающей каждого отдельного своего члена, но вместе с тем поглощавшей всецело его индивидуальность.

На каждом поселянине лежало бремя постоянной ответственности перед коммунальной ротной казной. Хозяин отвечал за ежедневную работу, рабочий скот, содержание в порядке двора своего и улицы перед ним и пр.; хозяйка – за домашнюю птицу, за сор в избе, за пропавшие ухват и кочергу. Все, отмеченные в коммунальной ротной канцелярии, как «ленивые», подлежали взысканию.

Дети поселян с малых лет оторваны были от семьи; зачисленные в «кантонисты» и одетые в мундирчики, мальчики проводили целый день в школе или на учебном плацу. Дочери на возрасте нередко выдавались замуж также по распоряжению ротной канцелярии.

При всем этом стеснении домашнего быта все поселяне, не достигшие 45 лет, обучались фронту; знание маршировки и ружейных приемов вколачивались палками по обычаю того времени.

В результате – тяжелая, безотрадная. Неуютная жизнь, несмотря на несомненные экономические выгоды. Вытянутые в линию казенного типа здания; жители, одетые в мундиры; строгая, все пронизывающая дис-

циплина – таковы видимые результаты военных поселений. Эти результаты внушали всеобщий ужас. При одном слухе о грозящем переводе какой-нибудь волости в поселенные роты, жители этой волости начинали разбегаться; крестьяне подавали высокопоставленным лицам просьбы «о защищении крестьянского народа от Аракчеева».

Недовольство военных поселян своими распоряжками оказывалось часто больше их терпения. Вспыхивал бунт (особенно сильный при Александре I в Чугуевских поселениях, а при Николае I – в Новгородских). Бунт подавлялся всегда чрезвычайно жестоко. Пускались в ход шпицрутены и палки; засекали на смерть десятки виновных или оговоренных.

Жестокие наказания и казни, весь строгий уклад поселенного быта – делали военные поселения страшными не только для самих поселян, но и для многих их современников, а равно и для позднейших наблюдателей; об отмене военных поселений, начиная с декабристов, твердили многие просвещенные русские деятели. Военные поселения были сокращены в царствование Николая I и вовсе отменены в самом начале царствования Александра II.

В двадцатом веке на наших глазах военные поселения возрождаются к жизни. Происходит это любопытное с социологической точки зрения явление в пределах советской социалистической республики. Осуществление военных поселений идет теми же двумя путями, как и в Александровской России: крестьянин становится у себя в деревне солдатом, а солдат имеет превратиться в крестьянина.

Обычные деревни, прежние крестьянские общины ныне в Совдепии превращены (по крайней мере на бумаге) в сельскохозяйственные коммуны. Прежний самостоятельный хозяин уже не может свободно располагать продуктом своего труда (реквизиции продуктов сельскохозяйственного труда в пользу общины или всей республики). В этих коммунах повсеместно введено всеобщее военное обучение. На плакатах, расклеенных в Симферополе в период советской власти, можно было видеть фигуры крестьян с ружьем, обучающихся у себя в деревне, в свободное от сельскохозяйственных занятий время, маршировке и военно-му строю. Советский крестьянин становится красноармейцем.

К тому же результату советская власть начинает подходить и с другого конца.

По сообщениям советских «Известий» (от весны истекающего года), на одном из съездов красноармейской организации «российской коммунистической партии», было признано необходимым подготовить перевоспитание советской «красной армии» в армию коммунистов. В этих видах все части красной армии должны быть со временем превращены в «производительные коммуны», члены которых наряду с выпол-

нением общепользовательного хозяйственного труда будут обязаны неуклонно продолжать заниматься и военным строем. По смыслу этого постановления, красноармеец должен превратиться в коммуниста-крестьянина.

Постановление, вероятно, не могло быть проведено в жизнь, так как красная армия принуждена непрерывно нести службу на фронте. Но принципиальный смысл постановления ясен: красную армию в случае успеха и мира ожидает будущность военных поселений.

Можно думать, что в этом случае, при благоприятных условиях, не замедлят вырасти и казарменного типа рационально устроенные здания; возникнет очень скоро вся обстановка Аракчеевых военных поселений. Дух их уже сейчас встает над советской социалистической республикой. Коммунистическая дисциплина и коммунистическое хозяйство сковывают личность каждого гражданина. Военные потребности времени накладывают на все красноармейскую печать.

Троцкий продолжает дело Аракчеева.

«Таврический Голос». № 99 (249). 21 ноября 1919 г.

IV

Советский социализм и крепостное право

Русский социализм вызван к жизни вероятно не столько пропагандой своих сторонников или распоряжениями германского генерального штаба, сколько известными объективными историческими условиями: жизненные тяготы военной разрухи оказали свое разлагающее влияние на всю психику русского народа: социализм обещал устранить эти тяготы, брался устранить продовольственную неурядицу и заменить ее строгой системой – организацией, учетом и объединением народно-хозяйственных сил. Обещания своего русский социализм не выполнил и вместо решения задачи, надолго ее запутал и затруднил решение ее, кому бы то ни было. Но обещание это он все же пытался выполнить, к разрешению задачи начал приступать. Какими средствами?

Средства эти хорошо всем известны. Бесчисленные декреты различных исполкомов (исполнительных комитетов) каждый день что-нибудь регулировали, реквизировали, запрещали, - а в северной и центральной России еще продолжают, вероятно, всю эту свою работу.

Мы знаем, что советский гражданин совершенно потерял право свободно распоряжаться своей личностью и своим имуществом. Всякий самостоятельный шаг был ему запрещен без разрешения соответствующего исполкома. Он не может выехать из города без разрешения; не может выходить на улицу после такого то часа; не может купить или продать хлеб, муку, крупу и пр. Особенно сильно чувствуется это поистине крепостное состояние советского гражданина в деревне. Крестьянин не может распорядиться своим имуществом и продуктами своего

хозяйства; скот у него взят на учет или реквизирован; зерна оставлено ему столько, чтобы только он не умер голодной смертью; излишки отобраны в коммунальный склад; крестьянин – не самостоятельная личность, он только член коммуны; коммуна – вот народнохозяйственная основа Советской России.

Советский крестьянин, как и всякий прочий гражданин, подпал под новое крепостное право, - и притом часто ничуть не менее тяжелое, чем помещичье крепостное право XVIII - XIX веков.

Было бы ошибочно и неисторично представлять себе это крепостное право только непрерывной цепью актов личного произвола и насилия помещина над крестьянином (как обыкновенно это рисует наша политическая публицистика). Если бы это действительно было так, крепостное право не могло бы так долго существовать в России и держать на себе огромное здание дворянской Российской Империи. Очевидно, дело обстояло иначе.

Подобно современному советскому строю, крепостное право XVIII века представлялось способным разрешить хозяйственные потребности тогдашнего государства, организовать, взять на учет и направить к общей цели разрозненные иначе и распыленные усилия отдельного хозяйственного производителя.

То, что нам часто кажется наиболее характерным признаком крепостного права – личный гнет помещичьего произвола – испытывали на себе сплошь и рядом только «дворовые»; крестьяне же ощущали крепостное право в виде некоторого общего, хотя бы и стеснительного экономического и юридического порядка, а не только личного насилия над собой со стороны барина. В имениях крупного владельца крестьянин часто не видал и в лицо этого владельца.

Порядок же крепостного права осуществлялся через посредство сельской общины, «мира». «Мир» - это социалистическая коммуна крепостной России.

Через «мир» осуществлялась обычно помещичья власть, делались все распоряжения помещика, и «мир» выполнял эти распоряжения, связывая круговой порукой всех своих хозяев, - точно также, как социалистический порядок осуществляется и вводится через коммуны.

Личность каждого крестьянина крепка была не только верховной воле помещика, но прежде всего своему близкому «миру», из воли которого не выходил крестьянин в ежедневной своей жизни. Фактически, благодаря «миру», крестьянин иногда чувствовал зависимость свою от помещика и наоборот, постоянно ощущал зависимость от этого самого «мира», от коммуны.

В громадном большинстве случаев, помещик являлся властью, не крестьянами установленной и крестьянам чуждой; но теоретически вполне мыслимо, чтобы источник этой власти лежал в самих крестьянах

(как теоретически, в коммуне находится источник власти и социалистической советской республики). Да не только теоретически: бывали и на практике случаи избрания крестьянами своего господина и верховного повелителя. Так, был избран в «господа» прадед славянофила Хомякова крестьянами выморочного имения одного из дальних родственников Хомякова, предложившего крестьянам самим избрать себе наследника. П.П. Семенов-Тянь-Шанский в своих воспоминаниях приводит чрезвычайно интересный рассказ гр. Бобринского о том, как крестьяне одного имения, отпущенные владельцем на волю, побоялись «избаловаться» и сами пригласили к себе повелителя – наняли управляющего из немцев под условием, чтобы он поступал с ними поостроже.

Верховная власть, избранная самим крестьянским миром – вот обстоятельство, которое позволяет нам уяснить себе социологический смысл русской крепостной общины XVIII – XIX веков и помогает провести указанную параллель между ней и крепостной коммуной.

Все это, однако, теория или редкая практика. Остается обычная житейская практика: произвол помещика, хотя бы лишь преимущественно по отношению к окружающей его дворне. Но ведь и коммунистический «исполком» - практика, а не только теория. И на практике, как утверждают люди, знающие на опыте жизнь советской деревни, какой-нибудь председатель исполкома свой «бедняк» или присланный из города комиссар, нередко также своевольничает немало, иногда также как и прежний владелец по части «женского пола».

Прежнее дворянское сословие связано было известными (иногда совсем расшатанными, но в некоторых случаях и очень крепкими) нравственными принципами. Сильны ли эти принципы в новых господах, поставивших себя над русской деревней именем советского социализма?

Новое крепостное право, вероятно, очень недолговечно, и конечно, будет ненавидимо в памяти народной не менее прежнего.

«Таврический Голос». № 108 (258). 3 декабря 1919 г.

Национальное творчество русского народа

У нас принято противопоставлять «государство» и «общество», или «государство» и «народ». Развитие государственной мощи России мыслится как особый исторический процесс, совершенно не связанный с развитием «народа» или «общества».

В таком противополжении повинны еще наши славянофилы (особенно К. Аксаков). Оно было подхвачено и углублено социалистическим уклоном русской общественной мысли и экономико-юридической школой русской историографии.

Вся наша оппозиция строила свою противоправительственную идеологию на таком разделении «общества» и «государства». Жизнь

показала, что когда такое разделение действительно произошло во время революции, то это было гибелью и распадом и для «государства» и для «общества». Государство могло держаться лишь до тех пор, пока оно было поддерживаемо народным сознанием. Но и обратно: народ лишь тогда мог жить мирной культурной жизнью, пока жизнь эта протекала в рамках государственности. Иными словами: развитие народа и развитие государственности одно от другого неотделимо. Это разные стороны одного и того же исторического процесса.

И поэтому, глубоко неправильна та презрительная формула, которой определил русское историческое развитие покойный Ключевский: «Государство пухло, а народ хирел». Эта формула отвечала сознанию русского интеллигентного общества и в свою очередь сама была материалом для выработки этого сознания. По существу это лишь эффектная фраза, а не вывод из пристальных ученых наблюдений.

Государство росло и распространялось, потому что рос и распространялся народ. Государство болело тогда, когда болел народ. Государство развивалось, потому что развивался народ. Государство есть результат народного творчества.

Первые московские князья, собирая русские земли под свою высокую руку, действовали, конечно, прежде всего, по велению фамильного инстинкта. Но, кроме того, окружающие их, и главным образом, святители церкви развешивали перед ними и широкую программу национального характера. Деятельность московских князей только потому могла иметь успех, что вполне соответствовала стремлениям и усилиям руководящих кругов всего общества.

Стихийные исторические силы работали за московских князей и помогали созданию единого русского государства.

Сознательная общественная мысль действовала в том же направлении. Московская литература всемерно проникнута была представлениями о национальных и даже всемирно-исторических задачах создающегося государства. «Москва – третий Рим», вот краткая формулировка этих задач.

Под влиянием всего сознательного и стихийного общественного развития на Москве создалась вокруг царского дворца прочная правительственная среда. В этой среде воспитывались стойкие московские дипломаты, осторожные и настойчивые полководцы, упрямые администраторы. Бережливые финансовые дельцы, люди, - как все люди – с недостатками, но зато ни в чем несогласные допустить «государеву делу» какую-либо поруху.

Эта правительственная среда, - государевы служилые и торговые люди, - дала опору и для новой, петербургской, империи во время и после Петровской реформы. У нас принято повторять анекдоты о взя-

точничестве и воровстве русской бюрократии петербургского периода, о распущенности и разврате русского дворянства этого времени. Мы забываем, однако, что это все-таки только анекдоты, характеризующие не весь порядок вещей в целом, а лишь злоупотребления. Если бы верны были только анекдоты, петербургская империя не оставила бы нам великих воспоминаний. Однако, были же в русском прошлом и героизм и самоотвержение, и 1812 год, и крестьянская реформа 1861 года.

Великая русская литература, замечательное русское искусство во всех его проявлениях – разве все это было случайным и несвязанным с жизнью явлением? Разве это «народ» или «общество», а не «государство»?

Но где выработался единый великий русский язык, последняя надежда Тургенева? Нельзя отрицать роль государственных учреждений в деле сложения и распространения русского языка. Дьяки московских приказов, чиновники петербургских канцелярий (во всяком случае XVIII – первой четверти XIX веков) чрезвычайно много сделали для точности и выразительности русского языка. Конечно, это не была их прямая задача; она достигалась попутно в их работе, но от этого не меньше заслуги. Это может показаться мелочью, но на самом деле это – очень много. Из таких мелочей творится жизнь. Язык – могучее орудие национальной культуры. Создатели русского языка – создатели русской культуры. Вот почему я упомянул об этом эпизоде. И таких эпизодов много, какую бы область жизни ни начать рассматривать.

Русское искусство, русскую церковь мы готовы признать созданием народного гения. Труднее доступна нам мысль, что все русское государство – такое же создание русского народа. В этом государстве видят много темных сторон – но нельзя же из-за них не замечать могучих творческих сил, направляющих всю его жизнь.

Эти творческие силы чувствовал в русском государстве даже Герцен, который при всей своей ненависти к абсолютистскому русскому правительству, не мог не признать глубоко народный характер петербургской империи (с его точки зрения, даже более народный, чем «период царей московских»).

Может быть самый убедительный пример народной основы русского государства следует видеть как раз в том, что принято считать лишь «внешним усилением» государства – в процессе расширения и распространения территории русского государства.

Внешний рост русского государства являлся лишь подведением итогов народной русской колонизации. И с этой стороны – русское государство – плод национального творчества русского народа. На это я указал и выше. Но подробнее об этом – в следующем письме.

«Таврический Голос». № 112 (262). 8 декабря 1919 г.

Н.Д. Полонская-Василенко

АКАДЕМИК В.И. ВЕРНАДСКИЙ

(Воспоминания)(1)

Обстоятельства сложились так, что я не могла встретиться с Владимиром Ивановичем Вернадским во время его довольно долгого пребывания в Киеве - с середины 1918 до конца 1919 г. Я тяжело переживала скоростижную смерть моего отца, смертельно раненного в Житомире в декабре 1917 г.(2), и смерть матери, которая упокоилась через два месяца после него (3). Я была прикована болезнью к постели, но от моих знакомых, близких к академическим кругам, слышала отзывы об академике Вернадском только уважительные. Вернадский играл выдающуюся роль в академических кругах. Гетман Павел Скоропадский 5 мая 1918 г. утвердил план, который подал министр образования Н.П. Василенко, об основании Украинской академии наук (4). В июне 1918 г. была образована Комиссия для выработки законопроекта об учреждении Украинской академии наук, и председателем ее был назначен В.И. Вернадский. От моих знакомых, участвовавших в работе той комиссии, я слышала, какое большое участие принимал в ней сам председатель. Он основательно изучил уставы Академий наук мирового значения, глубоко понимал значение Украинской академии наук для культуры народа, для подъема престижа государства. Работа Комиссии продолжалась с 9 июля по 17 сентября 1918 г. (5). 14 ноября 1918 г. Академия наук была уже открыта. Эти даты свидетельствуют об интенсивности работы, которую вела Комиссия и о вдохновении ее членов, прежде всего, В.И. Вернадского. Сборник трудов членов Комиссии остался ценным памятником этой работы (6).

В этом сборнике трудов Комиссии сохранился текст речи В.И. Вернадского на первом ее заседании 9 июля 1918 г. В ней он выразил свое понимание значения Украинской академии наук: «С национальной стороны необходимо, чтобы Украинскую академию наук признал Международный союз академий. Этим достигается всемирное признание украинской культуры в одном из важнейших ростков человеческой деятельности. Поэтому она должна удовлетворять как своим составом, так и организацией тем условиям, которые относятся к уставам Международного союза академий». Но, «надо считаться с тем, что работа Украинской академии наук, которая будет стоять на таком уровне, должна, кроме своего всемирного уровня, удовлетворять важным национальным, государственным и местным жизненным требованиям» (7). В этих словах проявляются основные черты деятельности В.И. Вернадского и его идеологии. Сознательный патриот, высоко ставил подъем Украины, ее государственность, ее культуру, и мировую славу. Ученый понимал значение мировой культуры и стремился присоединить к ней Украину.

14 ноября 1918 г. была открыта Украинская академия наук (8). В.И. Вернадский был избран её президентом (9). Так основание Украинской академии наук и первые годы ее существования тесно связаны с В.И. Вернадским, ученым мирового масштаба, «полем деятельности которого был весь мир: лаборатории крупнейших западных университетов и величественная естественная лаборатория - кора всей планеты Земли», - так характеризует значение В.И. Вернадского-геолога А. Дражевская (10).

Я много слышала в те годы о В.И. Вернадском, и кроме научной деятельности, к которой относилась с глубоким уважением, его лицо вызывало во мне большой интерес. Знала я о нем из рассказов моих коллег по научной работе и в частности моего давнего друга, проф. Н.П. Василенко, куратора Киевского школьного округа при Временном правительстве и министра (11).

Их связывали не только личные, но и научные интересы. В.И. Вернадский был женат на Наталье Егоровне Старицкой, а с семьей Старицких Н.П. Василенко дружил еще в гимназические годы (12). Однако, познакомиться с В.И. Вернадским мне не повезло и тогда, когда я выздоровела и возобновила работу в качестве приват-доцента университета и профессора нескольких вузов Киева (13). В работе Украинской академии наук тогда еще я не участвовала.

Красный террор 1919 г., жертвой которого стали украинские ученые, а среди них выдающийся политический, общественный и научный деятель В. П. Науменко (14), заставил многих ученых Киева покинуть город и искать временный приют в других местах. Н.П. Василенко поселился на даче профессора, бывшего ректора университета И.В. Егорова (15). Дача была на берегу Днепра, недалеко от устья Припяти.

В.И. Вернадский уехал в Староселье на биологическую научно-исследовательскую станцию на берегу Днепра, возле устья Десны. В ужасные дни террора Вернадский с восторгом исследовал Старосельские леса, там ему удалось найти ключ к проблеме живой материи, которой он посвятил всего себя и значительную часть своей жизни. В девственных лесах Староселья Вернадский черпал материал для созданного им учения о живом веществе. Это учение он положил в основу новой науки - биогеохимии. Н.П. Василенко и В.И. Вернадский обменивались мнениями в письмах, и в архиве Н.П. Василенко сохранились два письма В.И. Вернадскому из Староселья, раскрывающие процесс его исследований (16).

Этот эпизод из жизни В.И. Вернадского, эти живописно написанные письма дают представление о чертах его характера как ученого. В письмах нет «обывательских» жалоб на ситуацию, опасений расправы, которая грозила, если будет открыт его тихий приют, наоборот, они написаны спокойно, отражают радость исследователя, которому повезло сделать ценное открытие. Эти письма напоминали мне

времена завоевания Галлии варварами и стык двух культур. С одной стороны, заливали Галлию волны варваров: сильные, могучие, огромного роста, примитивные люди уничтожали памятники утонченной культуры, уничтожали людей. С другой стороны, представители интеллектуальной элиты Галлии, воспитанные на произведениях классиков Греции и Рима, даже когда толпа варваров, «от которых разило чесноком», окружала уже виллу, с увлечением читали бессмертные произведения Платона или Горация, не думая о том, что каждую минуту может прийти варвар, убить хозяина, уничтожить манускрипты ... Так и В.И. Вернадский нашел в себе силы стать выше ужасов жизни, страха за личную безопасность и, забывая о временных страхах, искать вечное. Исследователь побеждал слабого человека.

Я познакомилась с В.И. Вернадским в трагический момент истории Украины 2 сентября 1919 г. Это было время, когда украинская армия освободила Киев от большевиков, а Добровольческая армия сменила одних оккупантов другими. На второй день, после оккупации Киева, началось преследование всех проявлений украинской культуры: закрыли школы, университет, сняли вывеску с Украинской академии наук (17) и объявили, что она может существовать далее как филиал Всероссийской академии. В зале Академии наук было созвано экстренное заседание представителей Академии и высших школ Киева.

Я присутствовала как представительница Археологического института. Заседание вел В.И. Вернадский, который с большой экспрессией призвал к обороне украинской культуры. Собрание постановило: направить в Ростов-на-Дону («Золотую орду», как выразился один из присутствующих) представителей с требованием отстаивать украинские культурные учреждения. От Академии получил это поручение Н.П. Василенко, от Украинского университета - Ф.П. Сушицкий (18). В конце 1919 г. В.И. Вернадский выехал из Киева. Путешествие из Киева в Ростов было страшным, ехали как на волах. Останавливались в поле, стояли часами, а иногда целыми сутками на станциях. В поезде начался сыпной тиф, и проф. Сушицкому пришлось покинуть поезд; его поместили в госпиталь, где он и умер от тифа. Чем дальше отъезжали от Киева, тем опаснее была общая ситуация. Белые спешно отступали от Орла, где потерпели тяжелое поражение. Добровольческая армия отступала к Ростову, и города занимали вновь большевики. В пути Н.П. Василенко посетил его старый приятель Г.Г. Старицкий, брат жены В.И. Вернадского. Он был за добровольцев и полтавским губернатором. Его жена Елизавета Петровна, урожденная Васькова, была тяжело больна, и Старицкие спешили уехать. Супруги Старицкие были близкими приятелями Н.П. Василенко, который во время учебы в Полтавской гимназии жил у Васьковых (19).

В Харькове Н.П. Василенко был в растерянности. Одни бежали, ожидая возвращения большевиков, другие оставались. Многоднев-

ную остановку в Харькове Н.П. Василенко провел в семье академика Д. И. Багалая. Сначала Дмитрий Иванович хотел присоединиться к Василенко и отправиться в Ростов, но потом решил остаться в Харькове. Главной причиной этого решения было положение младшей дочери Ольги Дмитриевны, которая была замужем за доцентом Татариновым: она ждала ребенка. Колебания Дмитрия Ивановича остались на долгое время неизвестны большевикам, только после его смерти были найдены доказательства о его «неуверенности», и это вызвало среди его друзей непонятную мысль, которую высказывали так: «умер своевременно». Вместе с Николаем Прокопьевичем поехали средняя дочь Дмитрия Ивановича Багалая Мария, остроумная, веселая, задорная барышня, и муж Ольги Татаринов. Оба ехали в Таврический университет, к ним должна была впоследствии после рождения ребенка присоединиться и Ольга. Но случилось иначе. Свояки влюбились, и Мария не перенесла ответственности за то, что она разбила счастье сестры, и покончила с собой. В кабинете Дмитрия Ивановича между портретами двух дочерей - Натальи и Ольги - висело фото креста на могиле.

В 1923 г. я вышла замуж за Н.П. Василенко (20), с того времени началось, собственно говоря, мое личное знакомство с В.И. Вернадским. Я хорошо помню приезд В.И. Вернадского из-за границы, где он провел в научной командировке несколько лет. Это было в 1926 г. Годы, проведенные Вернадским за границей, были апогеем его славы ученого в Европе. Но прежде он основал в 1922 г. в Петрограде Радиевый институт, что вызвало интерес исследователей. Он читал лекции в Карловом университете в Праге, в Сорбонне в Париже, был избран профессором Лондонской школы Славянских исследований. Он был членом Французской академии наук, Чешской академии наук и искусства и ряда научных обществ. Центром его научной деятельности была Прага, где жили его сын, теперь известный историк, и дочь, замужем за бароном Толем. Труд его был не только индивидуальным. В.И. Вернадский имел значительные ячейки исследователей, разрабатывавших его теории. Его идеи находили признание во всем мире, и некоторые из них совершили революцию в теориях, которые становились общепризнанными. Таким было, например, превращение минералогии из описательной науки в химию и историю земной коры; такой была геохимия, основанная Вернадским вместе с норвежцем Гольдшмидтом и американцем Кларком; такой была наука о роли живого вещества в земной коре - биогеохимия. Он одним из первых указал на актуальность значения поиска радиоактивных материалов и предвидел наступление нового века - атомной энергии. Вернадский говорил об успехе его книги «Очерки геохимии», напечатанной на французском языке в 1924 г. и переизданной на русском, немецком и японском языках. С болью добавил он, что издать книгу на украинском языке в Праге ему не удалось.

Приезд В.И. Вернадского был для Киева, и в частности для нас, моего мужа и меня, событием большого значения. Словно открылось широкое окно во вселенную, и подул свежий ветер мировой культуры, как озоном, напоил душную атмосферу Киева, изолированного от всего мира.

В.И. Вернадский, по старой традиции, остановился в нашем доме, на Тарасовской ул., 20, где, вследствие «уплотнений», мы вдвоем находились в трех маленьких комнатах, среди книжных шкафов и полок. В Киеве шутили, что в квартире нашей живут книжки, а между ними, на свободных местах, двое Василенко. Теперь в этих маленьких комнатах поселился один из крупнейших ученых мира. Все время пребывания у нас дорогого гостя с утра и до вечера не закрывались двери для его друзей (часто и наших), учеников, последователей его идей. У меня сложилось впечатление, может быть ошибочное, что за это пребывание Вернадский мало выходил из дому а, наоборот, целыми днями принимал посетителей: одних - в кабинете, где проживал он, других - общих приятелей в нашей столовой, за обедом или чаем. Среди гостей было много академиков: Л.Н. Яснопольский, К.Г. Воблый, С.А. Ефремов, Е.П. Вотчал с женой, А.В. Фомин, младших по возрасту научных сотрудников, таких как А.З. Носов, Б.Л. Личков, много геологов, минералогов, химиков и т. д.

Наконец, поздно вечером закрывалась дверь за последним гостем, и мы оставались втроем, за чашкой чая или в кабинете. Разговоры приобретали более интимный характер: об украинских делах за границей, особенно в Чехии, о положении и перспективах украинской эмиграции на чужбине; передавались приветы от тех, кто боялся писать. Говорили об отношении чужеземного мира к украинской проблеме, о движении «Евразии» и создавших его: сыне Георгие Вернадском и зяте Толе. Душа Владимира Ивановича раздваивалась: научные исследования и родственные связи тянули за границу, но личные интересы и научная работа требовали присутствия в Ленинграде, где был Радиевый институт. Я не могу, конечно, вспомнить научных тем, упоминаемых в этих разговорах, но помню то впечатление, которое производили они на нас чрезвычайной, исключительной эрудицией, чрезвычайной широтой научного диапазона. Трудно было бы найти тему или дисциплину, о которой бы Вернадский не имел своего собственного мнения, своей теории. Как философ он подходил ко всем научным дисциплинам с высоты философии, объединяя их в единое целое - историю знаний. Позже он организовал при Российской академии наук Комиссию по истории знаний.

Человек с таким именем в мировой науке все же должен был повиноваться предписаниям советской власти, как бы тяжело это ему не было. В.И. Вернадский был в научных командировках в Праге несколько

раз, и я не знаю к чему отнести тот его приезд, когда мы приехали в Прагу в 1944 г., профессор Д.И. Дорошенко рассказал нам следующее. Однажды В.И. Вернадский жил в одном доме с Дорошенко, и на лестнице они встретились. Дорошенко радостно приветствовал Вернадского, своего старого приятеля. Но Вернадский официально поздоровался с ним и не остановился. Дорошенко воспринял такое пренебрежение, как тяжкую обиду. Прошло некоторое время. Дорошенко был на кладбище и там, уже в вечерних сумерках, встретил Вернадского. Старые приятели обнялись, расцеловались, и поплыла беседа о прошлом, о настоящем, о друзьях. Но, возвращаясь домой, Вернадский значительно отстал от Дорошенко, чтобы не входить вместе с ним в дом. Так открылась правда для Д.И. Дорошенко: он, профессор Украинского свободного университета, на этом примере видел «волю» гражданина Советского Союза.

В.И. Вернадский расспрашивал нас о жизни, от которой отошел за три года пребывания за границей, его волновала судьба Академии наук, эволюция, которую она переживала и участь людей, работающих в ней. Расспрашивал он и о процессе «Центра действий», жертвой которого был мой муж. Вернадский рассказывал, какое большое впечатление произвел этот процесс за границей, - это же был первый инсценированный политический процесс (21).

После этого знаменательного для меня первого пребывания в нашей усадьбе В.И. Вернадского, он гостил у нас дважды: в мае 1928 г. во время перевыборов в Академии наук, о чем будет идти речь дальше, и летом того же года (22). Когда он приехал летом, мы с мужем жили на даче, в Боярке, недалеко от Киева. Вернадский поселился сам в нашей квартире, обслуживала его бывшая кухарка моего мужа, которая жила в том же доме. Он был очень доволен жизнью в нашей квартире, которую он любил. Время от времени он приезжал к нам в Боярку на целый день. Мы ходили в замечательный сосновый лес, который окружал нашу дачу. Вернадский восхищался красотой леса, наблюдал, как белки прыгали с ветки на ветку, ему нравился наш песик, молоденький таксик, который с неистовым лаем бежал под дерево, глядя, как белки легко перепрыгивали с дерева на дерево. Вернадскому нравилась наша дача, т.е. одна комната с большой верандой. Этот дом был построен проф. А.Ф. Кистяковским, сын которого Богдан, профессор Киевского университета и академик, был другом моего мужа и Вернадского. В комнате, где жили мы, родился старший сын Богдана Александровича - Юрий, который ныне - крупнейший ученый в Америке (23). Вернадскому нравилась тишина Боярского убежища, и он отдыхал всей душой после шума столицы.

Пребывание Вернадского в Киеве в 1928 г. имело большое значение для всей истории Украинской академии наук, а, может быть и больше. В Академии наук уже долгое время «ходили слухи» о перевыборах, из-

менении Устава, изменении положения Академии наук вообще. Среди «советского моря» Украинская академия наук была оазисом, островом, где, благодаря ее автономии, лелеялась настоящая наука, и победный марксизм не проникал в нее. Устав, хотя и претерпевал почти каждый год некоторые изменения, оставался тем же, который был составлен в 1918 г., он гарантировал автономию Академии. С середины 1920-х гг. советское правительство начинает принимать различные меры, чтобы сломать эту крепость украинского народа и превратить ее в обычное советское учреждение.

Первым шагом для этого стали перевыборы президиума. Дело поначалу поставили осторожно. В течение целого года между президиумом Академии наук и советским правительством велись интенсивные переговоры. Выдвигались разные кандидатуры и условия к ним, согласовывались и учитывались пожелания и т.п. После продолжительных переговоров академики и советское правительство согласились выдвинуть на пост президента кандидатуру известного ученого и общественного деятеля Даниила Кирилловича Заболотного (24). Он был хорошо известен в Киеве, закончил Киевский университет, был ассистентом профессора Высоковича (25), пользовался уважением прогрессивного украинского общества. Таким образом, кандидатура Д.К. Заболотного, казалось, была вполне приемлема для Академии наук. За несколько дней до выборов на квартире академика С.А. Ефремова состоялось совещание видных академиков: на нем присутствовали А.Е. Крымский, Н.П. Василенко, Л.М. Яснопольский, Е.П. Вотчал. Был приглашен и Д.К. Заболотный. Все присутствующие были его старые приятели, работники общественного и национального труда.

С.А. Ефремов подчеркнул, что кандидатуру Заболотного выставило правительство, но Общее Собрание Академии с радостью поддержит ее при условии, что в тех трениях, которые все чаще возникают между Академией и правительством, он, как и предшественники его в президиуме ВУАН будет стоять на страже прав и поддерживать ее интересы. Если он даст согласие, присутствующие гарантируют ему максимальный успех на выборах; если он не даст обещания поддерживать Академию, этой максимальной поддержки он не получит. Растроганный до слез, выслушал Заболотный слова Ефремова. «Совесь Украины», так называли его, дал слово всегда стоять на страже интересов Академии. На этом совещание закончилось. Недалекое будущее показало, какой вес имели эти слова выдающегося ученого, апостола науки, который 30 лет назад не побоялся пожертвовать науке свою жизнь: ради эксперимента он проглотил бациллу холеры в лаборатории проф. Высоковича. Будущее показало, что страх перед большевиками был больше, чем перед холерой. В 1929 г. Н.П. Василенко обратился по поручению группы академиков к Заболотному, как президенту, и подал, так сказать, вексель с напоминанием о его торжественном обещании на совещании в ответ на слова

Ефремова. Теперь, когда того же Ефремова начало травить правительство, академики требовали от него, как президента, выступить в защиту «брата», но он категорически отказался. Не подав ему руки, академик Василенко вышел от президента (26). В 1924 г. было время, когда вся Академия *in согре* трижды выступала в защиту того же Н.П. Василенко во время «Центра действий», хотя бесилось ГПУ, кровь лилась, и каждый из академиков рисковал самое малое своим положением.

Положение ВУАН в 1928 г. было угрожающим. Правительство придавало большое значение выборам, желая «обновить» состав президиума, в частности президиумы отделений, на которые переносился главный удар. Попытка провести в состав Академии партийных деятелей не удалась ни для С.Ю. Семковского (Бронштейна) (27), ни для А.Г. Шлихтера (28). Общее собрание не согласилось принять их без соблюдения законных условий, двух положительных рецензий специалистов на работы обоих, которые были отрицательными. Ходили слухи, что иметь кресло академика желает сам нарком просвещения Н.А. Скрипник (29).

Чтобы осуществить эти планы, а вслед за этими коммунистами провести и других нужных им людей, необходимо было создать новый президиум. Перед выборами проведена была реформа. В состав академиков, которые только сами имели право избирать членов Академии, были введены по приказу Харьковского правительства (30) семь коммунистов с правом решающего голоса. Вторая новость была той, что заседание Общего собрания должно было быть открытым для всех желающих в качестве наблюдателей, но без права участвовать в выборах. Заседание было назначено на 3 мая 1928 г.

Накануне, 2 мая, вечерним поездом прибыл В.И. Вернадский. Мы встретили его с мужем, и по дороге, в такси, Николай Прокофьевич кратко проинформировал его о состоянии дел и желании академиков, чтобы он председательствовал на Общем собрании, на что Вернадский дал согласие. Выбирая его председателем собрания, академики не только проявили свое уважение к нему, но и подчеркивали связь современной Академии с той, которая была основана в 1918 г.

Возле нашего дома мы застали нескольких академиков: Л.М. Яснопольского, Е.П. Вотчала, К.Г. Воблого, С.А. Ефремова, Ф.И. Шмита и других, фамилии которых не помню, пришедших поздравить Вернадского с приездом и обдумать детали Общего собрания, которое должно было состояться завтра. Всех волновало участие в Собрании нового элемента - партийцев и отношение к выборам Скрипника. Никто не сомневался, что председательствовать будет Вернадский. Так велико было научное имя Вернадского, такая свежая память о его заслугах перед Академией, не возникала даже мысль о возможности поставить рядом с ним другого. По окончании официальной части совещания, за чайным столом, я позволила себе спросить: что будет, если кто-то в сером («некто в сером»), по выражению Л. Андреева) встанет и заявит: «А я предлагаю

председателем Скрипника». Все присутствующие, а больше всего сам Вернадский, решительно возразили мне, говорили, что я пессимистка, не доверяю национальному сознанию академиков и т.д. В конце концов, сочли, что подобная «выходка» на Общем собрании невозможна».

Наступило утро 3 мая. Зал имени Антоновича в доме ВУАН на Б. Владимирской, 54, тогда это был самый большой зал Академии, переполнен сотрудниками Академии и партийными наблюдателями за выборами. Академиков было очень много, они приехали из Ленинграда (Ф.И. Шмит и В.Н. Перетц) и Харькова (В.П. Бузескул, А.Ю. Соколовский, В.Ф. Левитский). От партийных были: Н.А. Скрипник, Ю.И. Озерский, С.Ю. Семковский, Ю.П. Мазуренко, А.М. Камышан, Л.М. Левицкий, В.П. Затонский. Они держались отдельно от академиков, небольшими группами. Собрание открыл президент В.И. Липский и предложил избрать председателя заседания. Встал академик В.П. Бузескул и предложил кандидатуру В.И. Вернадского. На вопрос президента: «Нет ли других кандидатур?» - неожиданно встал академик П.А. Тутковский (как на беду, в сером костюме) и сказал: «А я предлагаю избрать председателем Николая Алексеевича Скрипника». В зале воцарилась тишина. Президент растерялся. Потом говорили, что лучше было бы выбрать наркома Скрипника как почетного председателя. В тот момент я была уверена, что никому не приходило таких мыслей в голову. Президент, после большой паузы, спросил: «Нет ли других кандидатур?», их не было. Тогда начались выборы председателя заседания открытым голосованием, согласно уставу ВУАН. Первым назвали по алфавиту кандидатуру Вернадского. Вознесся лес рук. Лишь Тутковский и 7 коммунистов не голосовали за него. Липский поставил на голосование кандидатуру Скрипника; руки академика Тутковского и 6 коммунистов поднялись за Скрипника. Под бурю аплодисментов Вернадский спокойно, будто ничего не произошло, занял место председателя собрания, и началось заседание.

В зале началась суматоха. Скрипник не мог держаться спокойно. Коммунисты подбегали к нему, отходили, советовались, то вместе выходили из зала, то снова возвращались. А между тем заседание под спокойным, опытным руководством Вернадского шло своим чередом. Единогласно был избран президентом Д.К. Заболотный, подавляющим большинством голосов К.Г. Воблый был избран вице-президентом, А.Е. Крымский – непременно секретарем. Осталось выбрать двух членов президиума. Вдруг Скрипник с места (во втором ряду) воскликнул: «Довольно!» и объявил собрание закрытым. Этим он проявил полное неуважение к правам председателя собрания. Только председатель имел право закрывать собрание. Но время было не то, чтобы отстаивать права. Скрипник покинул зал, за ним - все шесть коммунистов. Нависла атмосфера скандала. Собравшиеся разошлись с тяжелым предчувствием приближающейся опасности.

В тот же вечер человек 20 академиков собрались у нас, на «чашку чая». Кроме хозяев и В.И. Вернадского, были С.А. Ефремов, А.Е. Крымский, Л. М. Яснопольский, К.Г. Воблый, Е.П. Вотчал, В.П. Бузескул, В.М. Перетц, Ф.И. Шмит, А.Ю. Соколовский, В.И. Липский, А.В. Фомин. Других не помню, и даже допускаю, что в этом перечне есть ошибки, но они не так существенны. Настроение было тяжелое: все предсказывали грозу, которая действительно вскоре разразилась и уничтожила старую Академию, которую строил В.И. Вернадский. Он лично тяжело переживал эту катастрофу, этот взрыв произвола красного сатрапа, эту насмешку над уставом, над целым учреждением (31). Это было тяжело чувствовать ему, прошедшему столько времени за границей и привыкшему там к академическим условиям жизни. С другой стороны, этот печальный эпизод показал Вернадскому, какое твердое и непоколебимое уважение было к нему: он не потерял при выборе ни одного голоса, кроме П. А. Тутковского, тоже геолога по специальности (32).

Выше я упоминала о последнем пребывании Вернадского в Киеве, когда он жил в нашей квартире без нас. После того он, кажется, еще раз был за границей. В письмах к моему мужу он всегда жаловался на то, что с каждым разом все труднее добывать разрешение на зарубежные командировки, пребывание за границей делают все короче, возможность вести работу за границей делается все ограниченной.

Вернадский тяжело переживал весть о смерти моего мужа в 1935 г., и после того перенес на меня часть той нежной любви, которую он имел к нему. Время от времени мы обменивались письмами с ним, в которых преимущественно писали о состоянии Украинской академии (33). Не помню точно, в каком году, до смерти Николая Прокофьевича или уже после нее, Вернадские переехали в Москву. Это произошло позже, чем была переведена Академия наук. Вернадский не хотел переезжать из Ленинграда, где оставался Радиевый институт. Наконец, он должен был покориться. При этом имел место эпизод, свидетельствующий о том, как к тому времени Вернадский был нужен правительству. Он поставил условием переезда то, чтобы жилище его было недалеко от православной церквушки, церковь должна быть в одном квартале с его квартирой, чтобы его жене не приходилось переходить через улицу, потому что она может попасть под автомобиль. Квартира нашлась, и, как говорили москвичи, это отсрочило уничтожение церкви. Такое же требование поставил другой знаменитый ученый академик Павлов; я не знаю только одного: ходили они в разные церкви или оба в одну и ту же? Видела я В.И. Вернадского и его жену в последний раз в ноябре 1940 г. Я приехала в Москву, чтобы защищать докторскую диссертацию. Тогда на Украине не давали по историческим дисциплинам докторской степени, и надо было ехать в Институт истории Всесоюзной академии наук.

Защита диссертации состоялась 28 октября 1940 г., и на другой день я поехала к Вернадским. У них была небольшая квартирка (по московским нормам она считалась большой) из двух комнат и просторной кухни, в которой была и столовая. В его распоряжении был автомобиль, которым он пользовался вместе с другим академиком, поочередно, через день. Таким образом, по московскому масштабу, Вернадский пользовался всем, что могла ему дать советская власть.

Владимир Иванович внешне очень постарел, чуть согнулся, похудел. Но умственно оставался таким, каким я видела его в Киеве. Также он следил за всей культурной жизнью, за литературой, за новыми достижениями науки. Он много мне рассказывал о последних работах в области радиоактивных минералов, расспрашивал о ВУАН и ее современном состоянии. Но не чувствовалось уже в нем того бодрого оптимиста, он потерял веру в возможность продолжать научную работу в Советском Союзе и жаловался, что теряется возможность работать за границей, потому что он более года не мог получить командировку, а когда наконец дали разрешение, то не на два месяца, как добивался он, а на один, а второй обещали через год, а научное исследование нельзя осуществить за год. Было уже поздно, когда я покинула радушных хозяев, потому что пришел шофер, и Вернадские поручили ему отвезти меня в Дом ученых, где я остановилась.

Это был последний раз, когда я видела Владимира Ивановича. События июня 1941 г. показали, почему правительство не пускало за границу и задерживало Вернадского в Москве. Сразу же после начала войны пришла весть о переселении Вернадских в Казахстан. В 1946 г., уже в Германии, я услышала о смерти Владимира Ивановича Вернадского, одного из величайших мировых ученых первой половины XX века. Не только количество научных работ трудно перечислить, трудно перечислить те дисциплины, в которых работал В.И. Вернадский, в каждой из них он оставил глубокий след. Более 400 научных работ - статей и книг - написал он, и значительная часть их переведена на разные языки. Ученик и долголетний ближайший сотрудник Вернадского, академик А.Е. Ферсман писал, что много лет придется ученым работать, чтобы выяснить основные пути его научного творчества. Это был ученый мирового масштаба, гражданин всемирной республики, имя которой НАУКА.

Докладная записка О.И. Левицкого

Министру народного образования и искусства Украинской Державы

В.П. Науменко

27 ноября 1918 г.

Глубокоуважаемый Владимир Павлович!

Сегодня, 27 ноября 1918 г., согласно § 6 закона об Украинской Академии наук в г. Киеве под моим председательством состоялось первое

Общее собрание Академии на котором единогласно избран (9-ю головами) академик Владимир Иванович Вернадский на Голову-президента Академии, академик Агафангел Ефимович Крымский на Непременного секретаря.

Согласно со статусом Академии Голова-президент должен быть поданный на утверждение пана Гетмана через Совет Министров. 27 ноября 1918 г.

Академик О. Левицкий

Секретарь заседания академик С.П. Тищенко

ЦГАВО Украины. Ф. 2201. Оп. 1. Д. 135. Л. 52. Автограф С.П. Тищенко.

Приказ
Гетмана П.П. Скоропадского
Об утверждении В.И. Вернадского
Головою-президентом УАН

30 ноября 1918 г.

Приказ
Гетмана Всей Украины
30 ноября 1918 г.
Ч.343

Академик В.И. Вернадский утверждается Головою-президентом Украинской Академии наук в Киеве, согласно его избрания от 27 ноября 1918 г.

Гетман всей Украины Павел Скоропадский
Министр народного образования В. Науменко

Государственный секретарь, сенатор Завадский

С оригиналом сверено:

Начальник II отдела

Департамента общих дел

Государственной канцелярии

Старший делопроизводитель (подпись)

ЦГАВО Украины. Ф. 2201. Оп. 1. Д. 135. Л. 60. Подтверждающая копия. Машинопись.

Примечания

1. Настоящая публикация осуществляется по тексту: *Наталія Полонська-Василенко*. Академік В.І. Вернадський (спогади) // *Хроніка* – 2000. Український культурологічний альманах. К., 2004. С. 496-509 (пер. с укр., публикация и составление примечаний В.В. Лаврова).

2. Отец Н.Д. Полонской-Василенко Дмитрий Петрович Меньшов (1855-1918), генерал-лейтенант, скончался от ран 4 января 1918 г. (нового стиля).

3. Мать Н.Д. Полонской-Василенко Мария Федоровна, умерла 4 марта 1918 г. (нового стиля)

4. 5 мая 1918 г. министр народного образования и искусства Н.П. Василенко (1866-1935) подал на подпись гетману П. Скоропадскому план работы министерства, который и был утвержден гетманом. Согласно плану предполагалось открыть украинские университеты, Украинскую академию наук и Национальную библиотеку. См. [Василенко М.П.] До Ради Міністрів Української Держави од міністра народної освіти та мистецтва: Пояснююча записка до законопроекту про заснування Україської Академії наук у Києві. М-во нар. Освіти та мистецтва. К., 1918. 26 с.

5. Всего состоялось 23 заседания под председательством В.И. Вернадского.

6. Збірник праць комісії для вироблення законопроекту про заснування Української Академії наук у Києві. К.: Вид. Укр. Акад. Наук. 1919, IV. 88. XXXIV с. Еще сборник трудов Комиссии по выработке законопроекта об учреждении Украинской академии наук в Киеве. УАН. К. 1919. 136 с.

7. Цит. по: Сборник трудов Комиссии по выработке законопроекта об учреждении Украинской академии наук в Киеве. С. 7. Полностью речь В.И. Вернадского опубликована: К.М. Ситник, В.В. Шмиговська. Володимир Вернадський і Академія. К.: Наукова думка. 2006. С. 288-291.

8. 14 ноября 1918 г. гетман Скоропадский утвердил закон об основании Украинской академии наук (УАН). Закон был опубликован: Державний Вісник. 1918. № 73. 22 лист. Центр. гос. Архив высших органов власти Украины (ЦГА-ВО Украины. Ф. 2201. Оп. 1. Д. 135. С. 10-21. Копия. Машинопись. Этим числом гетман утвердил первых 12 академиков – действительных членов УАН (Национальная библиотека Украины. Институт архивоведения. Ф. 251. Оп. 1. Д. 1. Л. 19 – 19об.).

9. 27 ноября 1918 г. состоялось первое Общее собрание УАН на котором единогласно В.И. Вернадский был избран Головою – президентом УАН. Вот документы из Архива Украины.

10. Дражевская Л.В. В.И. Вернадский – первый президент Украинской Академии наук. Свобода. Нью-Йорк. 1963. 4.47. С. 3.

11. Н.П. Василенко был назначен попечителем Киевского учебного округа после февральской революции.

12. Н.П. Василенко учился в полтавской мужской гимназии и хорошо знал семью Старицких. См. Василенко Н.П. Моя жизнь // Избранные сочинения в 3-х т. Т. 3. Воспоминания. Дневники. Письма. К.: Юридична думка. 2008. С. 13 – 282.

13. Н.Д. Полонская-Василенко была избрана приват-доцентом университета Св. Владимира в Киеве в 1915 г., в 1916 г. – профессором Киевских Высших женских курсов. В эти годы читала лекции в Киевском археологическом институте, в Киевском народном университете. См.: Верба И.В. Жизнь и творчество Н.Д. Полонской-Василенко (1884 – 1973). К., 2000. 339 с.

14. Науменко Владимир Павлович (1853 – 1919), украинский политический деятель. В октябре 1918 г. сменил Василенко на посту министра народного образования и искусств в правительстве гетмана П. Скоропадского. Активно продвигал на государственном уровне идею создания Украинской академии наук. 7 июля 1919 г. был арестован ЧК и 8 июля расстрелян. См.: Б.А. Кистяковский. Владимир Павлович Науменко // Объединение. Киев. 1919. 27 августа (9 сентября). № 1; А.Б. Последний день В.П. Науменко. Там же.

15. Егоров Иван Васильевич (1869 – 1931), химик, профессор универси-

тета Св. Владимира в Киеве. Н.П. Василенко дважды находил укрытие в семье Егоровых. Первый – во время правления Директории, второй – во время захвата Киева большевиками.

16. Письма В.И. Вернадского к Н.П. Василенко отложены в Центральном государственном архиве-музее литературы и искусства Украины в Киеве. Ф. 542. Оп. 1. Д. 20.

17. Киевская газета «Объединение» писала: «В ночь на воскресенье к зданию, где помещалась Украинская Академия наук (Б. Владимирская улица), прибыли чины государственной стражи и, вызвав дворника, приказали снять вывеску с надписью «Украинская Академия наук». Вывеска была передана на хранение дворнику. Распоряжение о снятии вывески вызвало различные толки в академических кругах». Объединение. Вторник, 22 октября (4 ноября) 1919. № 43.

18. Аберрация памяти. Н.Д. Полонская-Василенко присутствовала на Общем собрании 2 сентября (24 августа) 1919 г. Было принято решение: «В связи со сменой политической власти командировать в правительство генерала Деникина академиков Б.А. Кистяковского и С.П. Тимошенко, а когда возникнет необходимость – делегатом по делам УАН поедет Голова-президент академик В.И. Вернадский». См.: История Академии наук Украины (1918 – 1923). Документы и материалы. К. Наукова думка. 1993. С. 448. В.И. Вернадский выехал в Ростов 18 сентября 1919 г. Последующие эпизоды в воспоминаниях Н.Д. Полонской-Василенко относятся ко второй поездке Вернадского в Ростов в ноябре 1919 г. Он поехал вместе с Н.П. Василенко и ректором Украинского государственного университета Ф.Б. Сушицким, который надеялся добиться отмены решения ставки о закрытии университета.

19. Об этом периоде жизни Н.П. Василенко см.: *Василенко Н.П. Моя жизнь*, см. сноску (12).

20. 8 апреля 1923 г. Н.П. Василенко женился на Н.Д. Полонской (Меньшовой).

21. Правильно: Киевский областной центр действий.

22. В 1928 г. В.И. Вернадский был в Киеве дважды: в начале мая и в конце лета с 16 по 26 августа.

23. Речь идет об американском ученом с Украины Кистяковском Георгии Богдановиче.

24. Заболотный Даниил Кириллович (1866 – 1929), микробиолог, эпидемиолог, академик ВУАН (1922), академик АН СССР (1929). 3 мая 1928 г. избран президентом ВУАН. Умер 15 декабря 1929 г. в результате заражения крови.

25. Высокович Владимир Константинович (1854 – 1912), доктор медицины, профессор, заведующий кафедрой патологической анатомии университета Св. Владимира в Киеве.

26. На Украине начинался новый политический процесс «Союза украинской молодежи», где главным обвиняемым был С.А. Ефремов. Один из идеологов того времени писал: «В этой борьбе (с Ефремовым – В.Л.) президент Д.К. Заболотный проявил себя как наш советский президент ВУАН. Он решительно проводил советскую линию в работе, несмотря на вражеское шипение реакционных академических групп» (*Артемский А.Я. Что такое Всеукраинская Академия наук (ВУАН)*). К. 1931. С. 34 – 35.

27. Бронштейн Семен Юльевич (псевдоним – Семповский, Сергей Сем-

повский, Семен Львович Семповский), 1882 – 1937, философ, социолог, революционер, двоюродный брат Л.Д. Троцкого. Член РСДРП с 1898 г., академик ВУАН с 1929 г., репрессирован.

28. Шлихтер Александр Григорьевич (1868 – 1940), партийный и государственный деятель, академик ВУАН с 1929 г., академик БАН с 1934 г.

29. Скрипник Николай Алексеевич (1872 – 1933), партийный и государственный деятель, нарком образования Украины (1927 – 1933), академик ВУАН, покончил жизнь самоубийством.

30. Правительство Украины в это время находилось в Харькове.

31. Н.П. Василенко был прозорлив. В письме к В.И. Вернадскому от 11 июля 1928 г. он писал: «Я думаю, с Союзной Академией произойдет что-то вроде нашей. Будет ревизия. Мелочи будут выведены в серьезные нарушения. Все это, чтобы придать законность вмешательству во внутренний строй Академии. Мы пережили все это. Теперь, по-видимому, очередь за Вами». АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 234. Л. 25об.

32. Академик С.А. Ефремов в своем дневнике записал: «3 мая. Состоялись выборы. Настроение было напряженным уже перед заседанием, а по ходу заседания дошло до своего максимума. После открытия заседания в качестве председателя его была предложена кандидатура Вернадского как первого президента. Тогда встает провокатор Тутковский и заявляет: «А я предлагаю председателем Н.А. Скрипника». Началось голосование. За Вернадского 26, против 10, остальные воздержались (всего было 41 чел.). За Скрипника 10, против 9, остальные воздержались. С представителями Наркомпроса, их приехало 7 чел., голосуют Тутковский, Студинский и еще кто-то. Вернадский занимает место председателя и проводит заседание. Голосуют за президента Заболотного, он получает 38 голосов, ибо только один кандидат. На пост вице-президента две кандидатуры. От академии – Воблый, Скрипник предлагает Симинского. Воблый получил 30 голосов, Симинский снимает свою кандидатуру (немного поздно догадался!). На пост Непременного секретаря выдвигается две кандидатуры: от академии Крымский, от трусливого списка Корчак-Чепурковский. Крымский получил 25 голосов, Корчак – 10 <...>. Очень тяжело вспоминать это заседание. Кучка чиновников во главе со Скрипником твердо пробовали вернуть академию. Большинство ответило на это своим голосованием. Убежден, что это будет истолковано как бунт. Выборы, кроме Заболотного, наверное, не будут утверждены. У Скрипника хватило нахальства самого себя назначать в академики, хватило еще большего нахальства лезть в председатели заседания <...>. Еще горше просто угнетающее впечатление осталось от поведения трусов в среде академиков. Про провокатора Тутковского или патентованного лакея не говорю. А старый Корчак! Все время шел с большинством, бывал на собраниях, брал на себя обязательства перед товарищами и струсил в последний момент ... <...>. Так гадко на душе как, может быть, никогда не было <... >». *С.А. Ефремов. Дневники 1923 – 1929 гг. К. 1997. С. 623 – 624.*

33. Письма Н.П. Василенко и Н.Д. Полонской-Василенко к В.И. Вернадскому хранятся в АРАН (Москва. Ф. 518. Оп. 3. Д. 234). Письма В.И. Вернадского к Н.П. Василенко и Н.Д. Полонской-Василенко хранятся в Центральном Государственном архиве-музее литературы и искусства Украины (Киев). Ф. 542. Оп. 1. Д. 2 и далее по тексту.

ЗАПИСКИ НАТАЛИИ ЕГОРОВНЫ ВЕРНАДСКОЙ

(27 стр. машинописного текста)

9 сентября 1936 г.

Буду понемногу писать воспоминания о семье Старицких и то не многое, что мне известно о семье Зарудных, согласно Твоей просьбе, драгоценный мой, и посылать тебе отрывки эти в моих еженедельных письмах к вам. К сожалению, я очень мало интересовалась прошлым в молодости. Бабушка охотно рассказывала, но я ее совсем не спрашивала.

Отец дедушки был помещиком. Именье его находилось в Полтавской губ., он был очень небогат. У него было 4 сына и две дочери. Старший сын Николай скончался в молодости. Второй сын – Егор Павлович был маленьким мальчиком отвезен в Петербург и помещен в Правоведение, где воспитывался на средства брата его матери – лейб-медика Арендта. Мать дедушки (Наталия Федоровна) была остзейской немкой, очень образованной по тому времени женщиной. Она, кажется, где-то была гувернанткой и вышла замуж за вероятно малообразованного помещика (Павла Григорьевича Старицкого) и жила в глухом углу. Она отличалась необыкновенной добротой и все очень любили ее. Семья была очень дружная. Одна из дочерей, очень привлекательная девушка, будучи невестой, заболела какой-то странной нервной болезнью и скончалась, другая сестра, Ольга Павловна, была доброй, но мало развитой женщиной. Она вышла замуж и после смерти мужа переселилась к матери, тоже овдовевшей. Она очень любила мать, но очень властной любовью. Она ревновала ее ко всем окружающим. Наталия же Федоровна очень любила людей и ей трудно было такое замыкание себя в одном обществе дочери. После Ольги Павловны были Петр Павлович и младший сын Александр Павлович.

Петр Павлович учился в Инженерном училище в Петербурге. Это был прелестный человек, необыкновенно доброй души, умный и честный. Но жизнь давалась ему с трудом. Он был рассеян и доверчив. Личная жизнь его сложилась тяжело. Он женился на грубой простой женщине, сварливой, отравлявшей ему существование. Она изменяла ему. Они разошлись. Но у дяди Пети было еще несколько романов, все неудачных, кроме последнего. Он полюбил очень порядочную женщину, вдову с двумя девочками и сошелся с ней. Жениться он не мог, так как жена не давала ему развода. Это очень отравляло жизнь его новой жене, которая переживала это, как страшный позор. Вероятно, иначе ей трудно было относиться к этому, живя в провинции и встречаясь с людьми, которые смотрели на такое сожителство, как на смертный грех. От этого брака у дяди Пети было двое детей – Коля и Катя, которых вы знаете. Дядя Петя был очень привязан к новой семье. От предыдущих сходядений у него были еще дети: сын Петя, очень хороший человек,

типа своего отца – рассеянный и не приспособленный к жизни. Знаю, что Петя женился. У него была маленькая дочь, трагически погибшая на Кавказе при землетрясении. Она провалилась в трещину и исчезла на глазах отца и матери. После этого у него, кажется, еще были дети. Не знаю, что с ним потом случилось. Кроме Пети и старшего сына, очень неудачного человека, у дяди Пети была еще дочь Лиза, рыжеволосая девочка. Лиза была немного моложе меня. Когда я была маленькой, дядя Петя приезжал с ней на Кавказ, где мы жили. Он там служил и поселился у нас с дочкой. Мы очень полюбили ее и рады были ее обществу. Но они недолго жили у нас. Помню, были разговоры, что девочка очень запущенная (в смысле физическом). Конечно, ухода за ней не могло быть, когда она жила с дядей Петей, который и за собой не мог ухаживать.

Младший сын (Павла Григорьевича) – Александр Павлович, не получил большого образования. Учился в военном училище. Не знаю, закончил ли его. Рано женился, очень был счастлив, имел трех сыновей – Владимира, Григория и Павла – и двух дочерей – Надежду и Наталью. Александр Павлович поселился в родовом имении, всю жизнь там хозяйничал и, кажется, был избран на службу по земству. Егор Павлович уступил ему свою долю прав на землю безвозмездно. С Петром Павловичем и Ольгой Павловной было, кажется, устроено любовное соглашение. Не знаю, на каких условиях, но все были такие благородные люди, что шероховатостей при этом не могло быть.

Дедушка Егор Павлович блестяще учился в Правоведении. По выходе из училища он некоторое время служил в Петербурге. Затем был переведен на Кавказ в начале шестидесятых годов. Здесь он пробыл долгие годы. При его посредстве была проведена Судебная Реформа. Он был окружен всеобщим уважением и любовью. У него было много друзей среди грузин и армян, его сослуживцев. В нем было полное отсутствие честолюбия и только огромная любовь к делу и сознание долга. С ним был такой случай. Он отказался от места старшего председателя Судебной Палаты и уступил его некоему Оголину, место которого он занял (товарища председателя). Последний сделал высокомерную и резкую оценку дедушке. Дедушка страшно заволновался и тотчас подал прошение об отставке. Это происшествие произвело большое впечатление в местном обществе. Великий князь Михаил Николаевич, выехавший в это время в С-Петербург, кажется, вследствие получения назначения Председателем Государственного Совета, вызвал дедушку к себе, состоять при нем. Вскоре он был назначен членом Государственного Совета и с тех пор служба его протекала в Петербурге.

В 1858 г. бабушка Мария Ивановна Зарудная ехала с своей теткой (сестрой ее матери, заменявшей ей всю жизнь мать, умершую, когда бабушке было три года) – Анной Михайловной Герсевановой, маленькой дочкой ее Наташей (впоследствии – Наталия Николаевна Рерберг) и с братом своим Сергеем Ивановичем Зарудным, с которым они встрети-

лись на пути – на пароходе по Рейну. Сергей Иванович ехал вместе с Егором Павловичем в Париж и пожелал его познакомить с своими родными. Бабушка поразилась и недоумевала необыкновенной любезности Егора Павловича. За обедом он сидел с ней рядом, говорил с ней, как с давно знакомым близким человеком, в его речи появлялись ясные намеки на желание сближения с ней. Он, очевидно, сразу решил, что хочет жениться на понравившейся ему девушке, сестре его близкого друга. То, что она была его сестрой, сразу уничтожало необходимость каких-то этапов знакомства. Он сразу поверил в свое впечатление и понял ее. Женились они через несколько месяцев после этого знакомства в Харькове, где Герсевановы жили в собственном доме. После свадьбы молодые поехали сперва к матери дедушки. Бабушка (Мария Ивановна) и Нагалия Федоровна горячо привязались друг к другу. Но приходилось скрывать свои чувства друг к другу, чтобы не огорчать Ольгу Павловну, всегда ревновавшую свою мать ко всем. Пробыв некоторое время в деревне, молодые уехали в Тифлис.

Мать Марии Ивановны скончалась вскоре после родов своего младшего сына Митрофана Ивановича. Осталась очень большая семья – сын Михаил Иванович, дочь Пелагея Ивановна, Сыновья Николай Иванович и Сергей Иванович, дочь Александра Ивановна, сын Виктор Иванович и трое маленьких – Маша, Дуня и Митрофан. Отец Марии Ивановны – Иван Сергеевич – был по тому времени очень образованный человек, он окончил Харьковский университет. Но он был вместе с тем человеком очень отвлеченным, страстно любившим уединение, часто чуждавшимся людей. Позже эти черты приняли болезненный характер. Он жил в деревне, не желал видеть никого, занимался больше всего садоводством.

У него были большие оранжереи. Он страстно любил цветы. Хозяйство было очень запущено. Когда дочь его Мария Ивановна за некоторое время до замужества захотела приехать к нему, он только раз принял ее, был очень ласков, но после того больше не приглашал к себе. После смерти матери положение семьи было очень тяжелое. Сыновья учились, все были очень способные и стояли на твердой почве. Младший – Виктор учился в Морском училище. Старших же двух дочерей хотели выдать замуж. При этом выяснилось различие характеров двух сестер. Пелагея Ивановна, к которой сватался богатый помещик Николай Иванович Иловайский, человек удивительно добрый, но малообразованный и неразвитой, и к которому у нее не было никакого чувства, подчинилась этому требованию. Как чему-то неизбежному. А Александра Ивановна (впоследствии Свечина) ответила, что не выйдет замуж и если ее будут заставлять, то она уйдет из дому и будет зарабатывать хлеб в качестве гувернантки. Ее так и оставили в покое, а Пелагея Ивановна вышла за Иловайского и поселилась с ним в огромном его степном имении на юго-востоке России. У них был единственный сын, очень красивый юноша. Он был военным. Служил в каком-то гвардейском полку. Очень

рано он покончил с собой. Бедная Пелагея Ивановна ударилась в крайнее православие. Дела их по имению очень расстроились, Николай Иванович скончался, и она осталась одинокой старушкой без крова и без всяких средств существования. Об Александре Ивановне не пишу, так как вы ее историю знаете гораздо лучше меня.

Об Михаиле Ивановиче (старший в семье) знаю мало. Бабушка меньше любила его, чем остальных братьев и сестер, т.е. он был более далеким для нее. Она очень любила его жену. У них были дети – Варвара, Николай, Ольга, Маруся и Матвей. Последний, будучи 15 или 16-ти летним мальчиком лишил себя жизни. Говорили о какой-то романтической истории.

Николай Иванович был блестящим военным, очень красивый собой. Он был женат дважды. От первого брака была дочь Варвара и сын Александр. От второго брака (по-моему) было несколько дочерей. Одна из них – Любочка – впоследствии вышла замуж за Федю Рерберга. Варвара себя посвятила воспитанию младших сестер. Александр был большим оригиналом, очень красивый. Вторая жена (Николая Ивановича), рожденная Волкова, была женщиной со средствами. Николай Иванович очень рано скончался. Он полетел с лошади, долго болел, а затем что-то у него было еще желудочное после случайного отравления. Александр Иванович одно время пробовал управлять именем своей мачехи. Но дело у него не пошло. Я думаю, у него не было ни знаний, ни умения. Он переехал в Петербург, пробовал учиться, брался за разные дела, но все было неудачно. А человек он был отличный. Он не так давно скончался.

Сергей Иванович учился и зарабатывал одновременно деньги на жизнь. Бабушка его страшно любила. Как тебе известно, Зоя Александровна Мясново, дочь помещика, влюбилась в него и решила выйти за него замуж. Помещичья среда, в которой она жила, была очень поверхностно культурна. Нравы были самые первобытные, жестокие. У З.А. был старик отец, который очень баловал ее. Она исполняла свою волю. Одновременно с бабушкой она выезжала в Харьков на балы. Дом Герсевановых был в Харькове очень уважаемым и З.А. очень постаралась войти в него и подружиться с бабушкой, жившей у Герсевановых на положении дочери. Там З.А. Встречала Сергея Ивановича. Когда Анна Михайловна Герсеванова с маленькой дочкой Наташей и племянницей Марией Ивановной Зарудной решили ехать за границу З.А. стала умолять, чтобы они ее взяли с собой. На все отговорки она отвечала новыми просьбами. Когда они ей сказали, что в их возке нет для нее места, она ответила, что может сидеть у них в ногах. Словом, она добилась своего и поехала с ними, зная, что в пути она встретится с Сергеем Ивановичем. Дело кончилось браком. Сергей Иванович говорил: сквернящее дело – придется на Зойке жениться ... Дорогой на Рейне они ехали вместе с Сергеем Ивановичем и его другом Егором Павловичем Старицким.

Мне кажется, что я в первом листочке писала о том, как скоро дедушка Егор Павлович почувствовал, что Мария Ивановна для него единственная девушка, на которой он хочет жениться.

Егор Павлович и Мария Ивановна поселились в Тифлисе. В 1859 г., после тяжелых родов, родился сын Николай. Он единственный из всех детей больше походил на Зарудных. У него были карие глаза и каштановые волосы, лицо смуглое. Он очень рано стал проявлять способности к рисованию. Дедушка, который все на свете делал для образования и здоровья детей, очень рано устроил общие уроки рисования, вести которые был приглашен хороший преподаватель. Вместе с нами на этих уроках участвовал Федя Бернштам (позже профессор Академии художеств по архитектуре) и двое старших детей Стебницких – Маня и Витя – оба теперь покойники. Мы все страшно любили эти уроки. Но я очень отставала на них от братьев. Особенно старший сразу выделился своим талантом. У него было удивительное чувство и понимание искусства. Ему не было еще и 14 лет, когда он был с отцом в картинной галерее в Вене, где поразил его своей поразительной интуицией. Он сразу подходил к картине как тонкий знаток и ценитель и узнавал творения, принадлежащие кисти того или другого художника. Нужно при этом сказать, что он был очень скромный, т.е. у него не было никакого самомнения. Также чутко он понимал и чувствовал искусство и в других областях. Он играл на фисгармонии с глубоким чувством, наслаждался литературой. Бабушка удивлялась, как тонко он понимал произведения искусства.

У него был удивительно привлекательный благородный характер, который привлекал к нему людей. Он очень был горячий, страстный и вместе с тем умел быть нежным. Не говоря о ближайших к нему людях, он внушал глубокие чувства окружающим. Так, горячо был к нему привязан Федя Бернштам. Он до старости хранил это чувство, и оно связывало его со всеми нами. Бабушка через несколько месяцев после кончины Коли застала брата Пашу ночью в постели рыдающим о нем. Днем он скрывал свое гор, а ночью в одиночестве и тишине отдавался ему. Он очень был скрытный и сдержанный мальчик.

Дедушка страшное значение придавал изучению языков. В 1871 г. он решил, чтобы мама со всеми старшими детьми ехала в Германию, чтобы дети научились немецкому языку, который несмотря на боннемок не процветал, благодаря тому, что бабушка, отлично говорившая по-французски и по-английски, совсем почти не знала немецкого языка. Две младшие девочки, Мака и Нина оставались с дедушкой и грузинкой Марией Ивановной, очень доверенным человеком родителей. Она была очень ловкая, быстрая, смелая, помогала дедушке по делам стройки, а бабушке по хозяйству, иногда с детьми. Она была худая с темными волосами и лицом изрытым оспой. Могу себе представить, как тяжело было бабушке уезжать, оставляя крошечную Нину, Маку, всю созданную ею жизнь! Поехали мы на лошадях и в карете. Заехали к бабушке Наталии

Федоровне в деревню. Помню бесконечный путь, ночные остановки на станциях. Не знаю, из этого ли путешествия или предыдущих осталось воспоминание о каменных фигурах, встречаемых по пути. Мне объяснили, что это остатки идолов (языческого времени), кое-где сохранившиеся. О пребывании у бабушки ничего не помню. Это последний раз, что мы туда ездили, т.к. в Дрездене бабушка (Мария Ивановна) получила письмо о ее кончине. Помню, что бабушка плакала, читая письмо, и сказала нам о случившемся. В Дрездене двух старших мальчиков Колю и Пашу поместили в школу Беме, меня в пансион Edlinger полупансионеркой. Я возвращалась домой ранним вечером. Но я до того чувствовала себя несчастной в этой полутюрьме, как мне казалось, главное же почему-то не могла вынести прогулок по парам в городе, мне казалось, что все на меня смотрят, и я готова была провалиться сквозь землю. Я так много плакала, что мама решила оставить меня просто проходящей. Конечно, на этом потеряны были порядочные деньги, т.к. вперед было уплачено за обеды и пр., мама была недовольна мной, но все-таки, очевидно, не могла вынести моих слез и отчаяния. Позже, когда я привыкла к пансиону, я сама удивлялась себе, что устраивала такие драмы. Мальчики не очень были довольны школой. Их поражало как учителя били немецких мальчиков линейкой по пальцам (их не трогали), вообще весь строй школы был чужд русским мальчикам. Очень большой ломкой был этот эксперимент – этот отрыв от правильного учения в русской гимназии, тогда поставленной крайне сурово, с огромными требованиями древних языков. Коля терял год. По возвращении же он должен был держать экзамен, кажется, в четвертый или пятый класс. Между тем, времени на подготовку не было, курс же немецкой школы совершенно не совпадал с курсом русской гимназии. Весной Коля двинулся в путь с отцом, который приехал нас навестить и увезти Колю. Сами мы должны были еще провести лето за границей. Приехали в Тифлис ранней осенью.

Помню мое волнение и радость при возвращении в Тифлис. Был вечер. Город был освещен огнями, и сердце мое было переполнено восторгом и любовью. Мне казалось, нет милее и дороже города, чем Тифлис. Маленькие девочки уже спали, когда мы приехали. На следующее утро, проснувшись, я услышала звук детского голоса. Вскочила с постели и пришла в восторг от маленькой Нины, весело болтавшей и радовавшейся возвращению ее мамы, сестер и братьев. Она была прелестной девочкой.

Зима прошла для Коли в усиленных занятиях. Много было запущенных предметов, курс древних языков огромный. С нами из Дрездена приехала молодая немка Альма. Очень хороший человек, но с ужасным характером. И мы все постоянно спорили с ней на политические темы – где лучше, в Германии или в России. Под влиянием этих споров, у нас у всех развился страшный патриотизм. Спор доходил до криков и ссор.

Приехала с нами еще англичанка – гувернантка, miss Gordon. У нее был высочайший шиньон, обращавший на себя всеобщее внимание. Она оставалась у нас недолго. У нее оказалась какая-то женская болезнь, и она уехала назад в Англию. Мне очень было жаль ее, не потому, чтобы я ее любила, но потому, что она оказалась такой несчастной.

Весной мы поехали в Коджоры. Дедушка купил там прелестное место. Наверху стоял домик, довольно поместительный с большим балконом и прилежавшим к нему флигелем. Дедушка собирался еще его перестроить согласно нуждам семьи. Он обладал удивительным талантом архитектора и большой любовью к стройке. Под балконом был сарайчик, где помещались корова и лошадка, купленная Коле. От дома шел большой луг, по сторонам которого росли деревья, налево внизу был наш собственный лесок с ручейком. Можно себе представить восторг всех нас, когда мы очутились в этом раю. Но по приезде Коля был почему-то невеселый, все ложился на скамейки и полеживал. Смутно помню, что он тут высказывал какое-то мрачное настроение. С нами приехал M-r Castel, о котором я писала раньше. Это был прелестный старичок француз. Он обожал всех нас, но особенно был привязан к Коле. С нами же была и Альма, и горячие споры с ней продолжались!

Скоро Коля слег. Болезнь его продолжалась долго. Сперва военный врач, единственный находившийся поблизости, определил лихорадку – малярию и долго на этом стоял. Пока, наконец, не выяснился брюшной тиф в очень тяжелой форме. Несколько раз казалось всякая надежда на выздоровление исчезала, потом внезапно ему становилось лучше, и все опять жили надеждой. Флигелек, в котором раньше помещалась бабушка с малышами, был приспособлен для Коли и бабушки. Он лежал в левой комнате, направо была довольно большая проходная комната и еще пустая комната направо от нее. Всех малышей перевели в дом. Помню, я раз вошла к нему, когда ему было уже очень плохо. Он мне сказал: поцелуй меня. Это было чуть не последнее мое свидание с ним. За несколько дней до его кончины у него сделался Антонов огонь на щеке. Но затем опасность миновала. Бабушка и дедушка ожили. На радостях дедушка повел нас гулять к священному дереву, находившемуся в нескольких верстах от Коджар. Мы все были очень веселы и радостны. День был великолепный. Дерево оказалось увешанным всякими предметами, и мы с интересом его разглядывали. По возвращении застали бабушку на маленьком балкончике с крылечком у флигелька. Она была очень встревожена. Коля бредил, наступило резкое ухудшение в состоянии его. Помню, как сердце упало при словах мамы. Так это было неожиданно и такой контраст с веселым настроением прогулки. После того улучшения уже не было. Все шло к концу. Через несколько дней он был без сознания. Мама, не отходящая от него ни на шаг, ушла в дом. Я была с ней на балконе, когда папа пошел узнать, как Коля себя чувствует. Когда он вернулся, мама по лицу его узнала, что все было кончено. Мы все трое

бросились друг к другу в объятия. Мне показалось, что что-то острое вонзилось мне в сердце. С тех пор прошло 62 года, но до сих пор не могу без страшной боли вспоминать пережитое. Его похоронили на другой день в Тифлисе на маленьком кладбище (Салалажском). Дедушка один был на похоронах. Бабушка была в состоянии почти невменяемом от отчаяния. Детей дедушка не взял с собой, я думаю, из-за опасения заражения тифом. Кто-то из посторонних, присутствовавших на похоронах, говорил, как жалко ему было дедушку, в одиночестве хоронившего сына. Бабушка не в состоянии была и позже быть на могиле Коли. Мне кажется, она на ней не была ни разу. Мы через несколько дней уехали из Коджар, где все было полно пережитым.

В Тифлисе мы переехали на новую квартиру, чудно отделанную для семьи отцом. Помню, как мы въезжали в нее. Все рыдали. Здесь через несколько дней маленький Георгий заболел тифом. На время его болезни бабушка как будто пришла в себя и ухаживала за ним. Когда он поправился, ее состояние опять ухудшилось. Она не находила себе места. Она, которой все держалось в семье, через руки которой проходила вся жизнь в крупном и малом – она все больше устранилась от всего. Некоторые дни она не выходила из своей комнаты, запиралась, разбрасывая всякие вещи Коли, живя воспоминаниями. Все хозяйство перешло в руки маленькой Ани. Удивительно, как такая маленькая девочка могла вести большой дом (повар и лакей – грузины). Я была в гимназии и в стороне от всего этого. В ней же сказались удивительные способности, прямо талант (к хозяйству) и страстное желание быть полезной. Мама, воспользовавшись предполагаемым отъездом тети Наташи (Герсевановой-Рерберг) в Петербург, решила присоединиться к ней и взять Маку с собой, чтобы показать ее в Петербурге врачам и выяснить, что с ней и как быть в дальнейшем. С ее отъездом ведение дома всецело перешло в руки Ани.

Мы с Пашей ходили в гимназии свои. Я страстно увлекалась обществом девочек, занятиями, уроками русского языка и всей жизнью гимназии. Помню, какая двойственная жизнь у меня была: в глубине души – горе, я почему-то не могла думать о земле, в которой лежал Коля. С другой стороны, страстное увлечение жизнью. Я запирала на ключ, не позволяла себе думать о горе и научилась жить собственно внешней жизнью. Не знаю, вытекало ли это из моего характера или я выработала этот способ борьбы, чтобы уйти от страдания. Я думаю, все люди или переживают горе до конца, или спасаются от него, запирая от него свою душу. Бабушка, очень экспансивная и страстная, отчаянно нападала на классическую систему графа Толстого, которой она приписывала надрыв здоровья Коли. Но с течением времени она все меньше была в состоянии говорить с другими о Коле. Она уходила к себе в комнату, где у нее были его портреты, его книги, его рисунки. Там она жила воспоминаниями о нем и много плакала. Но с другими она перестала

произносить его имя. Поездка в Петербург не принесла облегчения ее состоянию. К весне к нам приехала тетя Дуня Голицина с дочкой Варей. Варя была взрослой девушкой, очень красивой, очень любившей выезжать, любившей ухаживания и общество молодых людей. Конечно, ничего подобного она не могла найти у нас в доме, но в Тифлисе жила ее кузина, собственно тетка, Наталья Николаевна Рерберг, рожденная Герсеванова, дочь бабушкиной тетки Анны Михайловны, которую бабушка любила как мать. А мы все дети страшно любили тетю Наташу, были увлечены ее красотой, оригинальностью, бурностью и прелестью ее личности. Она была очень красива: чудные карие глаза, довольно глубоко сидящие, с надломанными темными бровями над ними, темными непокорными крупными кудрями волос, прелестным профилем, довольно большим ртом, удивительно симпатичным. Мне все в ней нравилось и вызывало восторженное чувство. В ней не было никакой приторности, она часто бывала резка, но благодаря глубокой доброте, эта резкость сменялась пониманием и лаской. Удивительное остроумие делало разговор с ней обаятельным. Мои братья тоже восторженно относились к ней. Очень многие ее любили. У нее был маленький сын Федя. Муж ее был замечательно честный, порядочный, хороший человек, но между ними собственно ничего не было общего, не могло быть настоящего понимания. Он был немец, очень флегматичный, спокойный человек. Конечно, они не могли быть счастливы друг с другом, хотя оба понимали и ценили достоинства другого. Тетя Наташа увлеклась одним очень умным и по-видимому, значительным человеком. Она была слишком глубоко честна, чтобы скрыть свое чувство от мужа. Драма эта длилась довольно долго. В конце концов, я думаю, в ней восторжествовала любовь к мужу. Но в нем очень много было надорвано, хотя он продолжал любить ее и верить ей. У них была большая квартира с садом около Инженерного дома, где часто играла музыка и был театр. Они жили открыто. Многие военные бывали у них запросто. Варя все время проводила у Рербергов и очень веселилась. Там она познакомилась со своим будущим мужем С.М. Духовским. Летом тетя Дуня с Варей уехали к себе домой в деревню (Харьковской губ.), куда к ним вскоре приехал Сергей Михайлович.

Этой осенью в гимназии произошла «история», в которой и я оказалась замешанной. У нас сменили на один год учителя русского языка Федора Михайловича Арванитаки другим плохеньким учителем. Мы только что начали наслаждаться замечательными уроками Федора Михайловича, человека исключительно талантливого и выдающегося, умевшего пробуждать мысль в умах своих учениц, как известие о назначении другого учителя как громом поразило нас.^{1*} Конечно, среди учениц были и равнодушные, но они подчинились инициативе других девочек, и мы, скопом, попарно, к великому удивлению всех классов,

¹Директором был Лев Николаевич Модзалевский, отец Бориса Львовича.

отправились к директору. В то время – это был 1874 год – в столицах шли студенческие беспорядки. Начальство наше страшно перепугалось. Решили сразу замкнуть историю. Нас всех оставили в классе. Одну девочку – Мухину – исключили из гимназии для острастки. Сделали строгий выговор всему классу и обещали всякие возмездия, если сразу не прекратятся волнения. Отчего была исключена Мухина, совершенно неизвестно. Это была бедная девочка, воспитывавшаяся на казенный счет, - скромная, незаметная, стоявшая в стороне от всего этого дела.

Стали поговаривать, что не Мухина виновата, а Старицкая, Веселоворова, Преслова, Тер-Асатурова и другие. Начальница гимназии, женщина добродушная, но бестактная, сказала в классе, что всем известно. Что виновата во всем этом я. Мое положение было страшно неудобное и неловкое. Мы еще раньше стали хлопотать за Мухину. Ее вернули. Я объяснялась еще с начальством. Как бы то ни было, но понемногу все страсти улеглись. Учителя сменили. Мы нового, конечно, ненавидели, но воля начальства, а не наша восторжествовала. Утешала мысль, что с осени следующего года к нам опять должен был вернуться Федор Михайлович преподавателем русского языка. В городе говорили об этой истории и называли меня ее виновницей. Конечно, положение отца делало это интересным и забавным. Меня многие знакомые поддразнивали.

Паша учился в реальном училище. К нему приходили разные великовозрастные товарищи, некоторые очень странные. Все больше чудачки. Пашу как будто тянуло к ним. У него развилась страсть к охоте. Еще раньше он стал увлекаться ею. Он уходил на несколько дней с каким-нибудь старым дядькой, обуреваемым такой же любовью. По-видимому, он стрелял очень хорошо, потому что всегда возвращался с нагруженной ягд-ташей. Он страстно любил природу, и стрельба также, по-видимому, приносила большое удовольствие. Родители, хотя и беспокоились за него, но не препятствовали ему в этом увлечении. Я думаю, что охота очень помогла ему перенести тяжелые испытания. В училище он не стремился к первенству и не обладал никаким честолюбием в этом отношении. Он старался только переваливать из класса в класс. Товарищи очень любили его. Он с детства умел очень передразнивать людей. Он выбирал самые необыкновенные типы и изображал их. Так он внезапно превращался в старую старушку с трясущейся шеей и уморительным выражением лица, которая приходила, кажется, чинить белье бабушке. Удивительно, как лицо мальчика могло так преображаться и изображать черты увядшие с таким поразительным сходством. Также точно он изображал голоса, ужимки. В нем были поразительные задатки сделаться замечательным комическим актером. Вероятно, так часто пропадают таланты.

По возвращении мамы Аня стала понемногу учиться, но продолжала деятельно помогать бабушке. На следующий год в нашем доме

открылась маленькая группа для детей, и Аня туда поступила. Мне кажется, учительница не была очень удачной. Так, как будто вспоминала Аня. После кончины Коли мама отправила Альму обратно в Дрезден. Она почти одновременно с Колей (чуть-чуть позже заболела) была больна тифом, но поправилась. М-г Castel тоже через год уехал от нас. Мы очень жалели его. Я не знаю причины, по которой бабушка рассталась с ним. Может быть слишком тяжелы были воспоминания. Я думаю, ему очень тяжело было уезжать. Первый год моего пребывания в гимназии он всегда сам отводит меня в гимназию и приводил домой. Он непременно сам нес мою сумку с книгами. Как всегда, всячески баловал нас. Осенью следующего года у нас опять стал преподавать Арванитаки. Уроки очень много давали нам. Был также еще очень хороший учитель математики Альбрехт Давид Иванович. Географию и историю преподавал Михайлов. Учения было поставлено очень серьезно и основательно. Великая княгиня Ольга Федоровна иногда посещала гимназию, которая была под ее покровительством. Она тогда всегда вызывала меня и говорила несколько приветливых слов. Я делала реверанс, была очень сконфужена и убегала с удовольствием в класс. Кроме меня она вызывал мою соученицу Белик, дочь полицмейстера. Это была очень миленькая девочка, толстенькая и розовая. Весной перед экзаменами Белик исчезла. Затем появилась страшно изменившаяся – желтая и страшная. Девочки к ней бестактно приставали с вопросом, что с ней. Ей видимо было неприятно, и она отвечала с нетерпением. Затем она опять исчезла, а по окончании экзаменов вдруг разнеслось известие, что Белик скончалась. Класс был очень потрясен.

Первое и второе лето после смерти Коли мы жили в Белом Ключе на даче. Там же неподалеку от нас жило семейство Пенчинского. Он был директором военного училища. У них были два сына и дочь. Они были поляки. Дочь Зося была на несколько лет старше меня, но она почему-то отнеслась ко мне, как к ровне, постоянно навещала меня, зазывала к себе, привлекала в свою молодую компанию. Старший сын Собис был несколько старше Паши, но тоже страстный охотник, так что это их очень тесно связывало. Они вместе постоянно уходили на охоту. Младший мальчик Тося был одних лет с Георгием. Но Георгий был в отчаянии, когда Тося приходил к нему. Помню, раз он вбежал в столовую, лицо его выражало ужас, с возгласом: Тося пришел! Тося был славный мальчик, но Георгий дорожил своей свободой и своим временем. Мама по-прежнему была в почти невменяемом состоянии. У нас же детей жизнь брала свое. Мы много гуляли, ездили в дрогах на прогулки. Помню, как мы раз вечером возвращались с какой-то прогулки. Нас застигла гроза. Было темно, шел дождь, и ветер поднялся сильный. Мы быстро ехали, и сучья каких-то кустарников хлестали наши ноги. К концу лета внезапно одним вечером заболела М-м Пенжинская. Они прислали за мамой, растерянные. Вызвали врача, отца из Тифлиса, но, несмотря на

все меры, она на следующий день скончалась. У нее оказался заворот кишек. Вся семья переехала в город. Событие это – осиротелость семьи при исчезновении матери – произвело очень сильное впечатление на бабушку. Оно как бы показало ей, какой тяжкий урон наносит ее собственной семье ее состояние. Она сильно подтянулась и с таким поворотом мы переехали в город осенью.

Следующее лето 1876 г. мы опять провели в Белом Ключе. Этот раз ПЕНчинскиз там не было, но Зося и Собис приезжали к нам и проводили несколько дней. Собис очень похудел, он всегда был худой, а тут очень еще изменился. Но это не отражалось на его увлечении охотой. Они также исчезали с Пашей, и были оба неутомимы. Во второй его приезд он вдруг захворал. Вызвали врачей, его отца и сестру, но у него оказалась в очень сильной степени и очень запущенная сахарная болезнь. Он страшно много пил воды, квасу и у него постоянная была жажда. Он, вероятно, не выдержал при этом какой-нибудь случайной болезни, может быть простуды, и через несколько дней скончался. Мы после того не оставались долго на даче и переехали в Тифлис, кажется, в середине или в конце августа, когда там было еще очень жарко.

Зиму 1876-77 гг. я была в VI классе. Занятия шли правильно, но я почему-то меньше стала увлекаться гимназией. Хотя уроки Арванитакис я по-прежнему страшно ценила и любила и с подругами тоже мне бывало весело, но все же прежнего увлечения почему-то не было. Помню, что помимо главных своих подруг, я сошлась с одной девочкой, не помню ее фамилии (не Калитина ли?). Она была высокая брюнетка. Очевидно, родители ее были из левых кругов. Она рассказывала мне про Женеву и про женское образование там, про Петербург и студенческие волнения.

Чтоб наших разговоров не слышали, мы забирались в переднюю к вешалкам с платьями и там беседовали. Это было уже к концу зимы, а весной папа решил нас опять отправить за границу. Его как всегда беспокоил вопрос об иностранных языках, ради которых он готов был пожертвовать правильным учением в гимназии – моим и Пашиным, в уверенности, что мы с ним сможем догнать утерянное в будущем. Главное же ему предстояло переезжать в Петербург и так как служебное положение его еще не совсем окончательно определилось, то удобно было семье переждать где-нибудь за границей, до окончательного его выяснения. Мы поехали весной 1877 г. С гимназией мне далеко не так тяжело было расставаться, как если бы это случилось годом или двумя раньше. Поехали мы по новой железной дороге только что открытой между Тифлисом и Владикавказом или Поти (к стыду моему не помню), оттуда дальше через Харьковскую губ., где должны были остановиться на неделю у тети Дуни. Очень много было разговоров об опасности ехать в поезде, ехавшем первый раз. По этому случаю ехало всякое железнодорожное начальство. Оно было очень внимательно к бабушке. По приезде нас поздравили, что путь совершился благополучно. Тетя Дуня с мужем

жили в крошечном, очень хорошеньком доме, совершенно игрушечном. Кругом был сад. Федор Григорьевич (Голицын) был замечательным садоводом и у него росли чудные цветы. Рядом с ним начинался парк Должика. В глубине его стоял роскошный дом-дворец, где жил сын Федора Григорьевича от первого брака, Дмитрий Федорович с женой Мар. Ал. и детьми. Тетя Дуня ужасно счастлива была нашему приезду. Она ужасно любила бабушку и всячески старалась веселить детей.

Оттуда мы поехали на Берлин, где остановились дня на два. Мама повела меня к какому-то известному врачу. Они беспокоились, что я кашляла уже месяца два и вообще плохо выглядела. Доктор не нашел ничего в легких, только небольшое малокровие и послал на воды в Швальбах, куда, как мы убедились, он послал всех одновременно с нами, ждавших очереди в его приемной. Там мы провели, кажется, шесть недель. Помню, что мы много гуляли в парке. На музыке мы познакомились с несколькими русскими семьями: какой-то г-жой Тишиной, у которой были две дочери: старшая 13-летняя девочка, совершенно походившая на взрослую – бледная, с красивым профилем – и вторая девочка лет девяти, очень симпатичная и славная. Старшая же считалась больной и была какая-то избалованная, я думаю очень ее портили восхваления ее красоте. Мать – добрая женщина, но не хватавшая звезд с неба, не ограждала ее от преждевременных поклонников. Кроме нее была жена военного, генерала Розенберга, с дочерью молоденькой. Обе очень славные. И наконец, жена Лорис-Меликова Нина Ивановна с двумя дочерьми Марие и Лизой (кажется, так звали вторую) и кажется, двумя сыновьями. Нина Ивановна была необыкновенно любезна с бабушкой. Через мужа она по Кавказу знала о бабушке и всячески старалась выразить ей свое уважение, приязнь. Марие была несколькими годами старше меня, но относилась ко мне, несмотря на мои шестнадцать лет, как к подруге, всюду бегала со мной, поддерживала самые дружеские отношения. Она была очень умна и остроумна. Некрасивая собой, с крупными чертами лица, сильная брюнетка, она походила на отца. Вторая сестра, кажется Лиза, была по возрасту между мной и Аней, очень хорошенькая, с мелкими правильными чертами, напоминавшими материнские. Лорис-Меликов был тогда на вершине славы, и его семья в маленьком немецком курорте обращала на себя всеобщее внимание. Нина Ивановна держалась очень тактично и скромно. Марие же была полна сознания выдающегося положения отца, хотя старалась не показывать этого. Трудно было, чтобы такое царское возвеличение людей не вскружило головы. Слышала позже, что вторая дочка вышла замуж, Мария осталась одинокой. Они после падения отца все жили за границей.

Из Швальбаха мы переехали на зиму в Висбаден. Я очень жалела, что выбор пал на Висбаден, а не на какой-нибудь большой город, где бы я могла многое увидеть и поучиться. Но я теперь понимаю очень хорошо родителей, что они остановились мыслью на маленьком, хорошеньком,

благоустроенном городке, где всем было привольно, где маленькие дети могли хорошо учиться. Паша же и я, мы все равно были на год, так сказать, оторваны от почвы. Аня и Георгий поступили в школы. Паша как будто бы поступил в какую-то школу и брал частные уроки по математике и другим предметам. Я же очень безалаберно провела зиму, не захотела поступить в какой-нибудь пансион. Больше всего читала английские романы, ходила на некоторые лекции, читавшиеся приезжими учеными и брала уроки французского языка. Несколько уроков по математике мне дал Пашин учитель. Но это был очень скромный человек и какой-то оригинал, очевидно очень малосведущий математик. Он вскоре объявил маме, что не может меня больше учить, так как я знаю все, что он знает. Между тем, я математик была очень слабый. К сожалению, на этом прекратились мои попытки серьезного учения. Весной мы двинулись в Удриас, где Зоя Александровна по поручению мамы наняла нам дачу в соседстве с той, которую они занимали сами.

Помню серенький день 20 июня 1878 г., когда мы все дети в двух карафашках подъехали к даче Зарудных (багаж тут же следовал отдельно). Вызвали Зою Александровну, высыпали вокруг нас малыши. Младшие Варя и Ваня были очаровательными крошками лет четырех – пяти.

Зоя Александровна нас тотчас отвела в нашу маленькую дачу, расположенную в нескольких шагах оттуда в лесу. Большая дача Зарудных стояла на берегу моря в открытом месте. С подошедшими Машей и Катей мы встретились церемонно, поздоровавшись за руку, пока бабушка нам не сказала: поцелуйтесь же, дурочки. Я попросила их тотчас пойти на берег моря. С этой минуты мы в течение всего лета были с ними неразлучны. Гуляли, читали вместе и главное разговаривали без конца. Саша был в ту пору серьезным мальчиком, на вид очень вдумчивым, державшим себя особняком от остальных детей. Только иногда он расходился и тогда остроумными выходками, заразительным весельем объединял всех. Часто же он был очень мрачен, нелюдим, придиричив и резок, если к нему приставали. С Пашей он тотчас очень сошелся и дружба их никогда не прерывалась, несмотря на различие характеров и все житейские испытания. Сережа был отчаянным шалуном и удивительно смелым мальчиком. Он был очень красивым с блестящими черными глазами и открытым лицом. Настя была очень милая привязчивая девочка. Она обожала свою сестру Машу. Зоя была моложе ее, я мало видела ее в это первое лето, а потом обе они поступили в институт. В день нашего приезда Сергея Ивановича не было дома. Когда мы узнали, мы все страшно полюбили его. Он очень часто приходил к нам на дачу и часами сидел с бабушкой. Он, видимо, спасался от стычек с Зоей Александровной и отдыхал в спокойной мирной атмосфере, к которой стремился всей душой. Он рассказывал бабушке про сцены Зои Александровны, ища в ней сочувствия. Бабушка рассказывала ему про свое горе. Так они проводили целые часы вдвоем. В середине лета к бабушке

приехала погостить тетя Дуня. Она была удивительно живая и веселая, большая затейница. Она любила всякими маленькими неожиданностями прерывать и разнообразить правильный распорядок жизни. С нами вместе она с увлечением купалась в море, ездила в трясушей карафашке к знакомым в соседнее местечко и очень любила ходить пить кофе в крошечную кофейную, уютную в лесу в диком месте на некотором расстоянии от нашей дачи. В Удрииас иногда приезжал дедушка, который по делам службы жил один в Петербурге.

Несмотря на мое страстное увлечение дружбой с Машей и на веселье этого лета, меня начала заботить мысль о моем дальнейшем учении. Маша кончила курс семилетней казенной Литейной гимназии этой весной и собиралась при первой возможности (т.е. когда ей удастся уговорить мать) поступить на Высшие Женские Курсы. Пока (она) решила заняться музыкой. Катя была в последнем 7-ом классе той же гимназии. Мне предстоял выбор или поступить в 7-ой класс (у меня было свидетельство о прохождении шести классов гимназии) или держать вольнослушательницей. Я предпочла последнее (конечно, совершенно напрасно во всех отношениях). Дедушка обещал мне привезти программу для подготовки к экзаменам. Я с волнением и нетерпением ждала его приезда. Но он, озабоченный вопросом моего здоровья, не торопился с программой и приехал без нее. Для меня это было страшным ударом. Я ударилась в слезы, которые никак не могла остановить. Тетя Дуня придумала меня выманить в окно, чтобы вместе отправиться пить кофе в лесную кофейню. Я вылезла в окно, чтобы скрыть от посторонних взоров вспухшее мое лицо. Прогулка лесом и общество тети Дуни успокоили меня. Мы очень весело с ней выпили кофе, и я уже в совершенно новом настроении вернулась домой.

Осенью переехали в Петербург. На первых порах взяли меблированную квартиру Трут. Сами Трут на год выехали не знаю куда и отдавали внаймы свою квартиру. Бабушка к весне ездила в Тифлис за оставшейся там нашей собственной мебелью, так что в следующем году мы уже наняли большую немеблированную квартиру у самого Таврического сада (угол Потемкинской и Кирочной или Сергиевской). В квартире Трут у нас была большая столовая и большая гостиная. К нам стали собираться по воскресеньям родственники и к обеду приходило иногда совершенно неожиданно много народа. Это очень тяготило маму, т.к. никогда нельзя было знать заранее, сколько явится людей. Они не ждали приглашения, а приходили один за другим, зная, что встретятся и очевидно считая «вход свободным». Это стало очень затруднительным. Среди этих людей были некоторые, которых бабушка усиленно приглашала и даже ждала, как две старшие девочки Зарудные, и их отец и еще другие. Но приходили также гораздо более дальние, которые очень загромождали собой квартиру, стол и пр.

По приезде в Петербург Паша поступил в подготовительное училище, чтобы держать выпускные экзамены в реальное училище для поступления в технические высшие учебные заведения. Мне папа достал желанную программу, и я начала усиленно заниматься. Ко мне приходило два учителя: по русскому языку и по математике. К остальным предметам я готовилась самостоятельно. Как вспоминаю, учителя были хотя и очень милые, но довольно средние. Они не давали ничего сверх программных требований. Но так вероятно и следовало. Эту первую зиму у нас жила Варя Зарудная (позже Ипполитова-Иванова), только что приехавшая в Петербург, где она поступила в консерваторию. У нее была отдельная комната, где она много работала и пела бесконечные гаммы. Впрочем, она мало времени проводила дома. Эту же зиму приехала в Петербург Соня Свечина, которую мы все ужасно любили. Она была прелестная, миниатюрная с большими черными ласковыми глазами, с клоком темных волос, которые она постоянно теребила. Я ее прозвала капелькой. Она что-то переживала и часто бывала в слезах. Она очень дружна была с Варей. К нм, как мне кажется, в эту же зиму 1878 – 1879 гг. стали иногда приходиться Михаил Михайлович Ипполитов-Иванов и Владимир Никанорович Ильинский. С последним Варя пела романсы. Мих. Мих. аккомпанировал, наклонял голову то вправо, то влево в соответствии с мелодией. Все восторгались их пением.

Страшным ценителем его был Николай Зарудный, Варин брат. Он учился в Инженерном училище и по воскресеньям всегда бывал у нас. Также часто бывал и Поля Герсеванов, сын Никтополиона Николаевича, блага любимой нами тети Наташи. Поля учился в Кавалерийском училище (он, пожалуй, появился годом или двумя позже этой зимы). Паша брат тоже очень увлекался пением и музыкой.

Теперь хочу рассказать про нашу дружбу с Машей в ту первую пору молодости. У меня давно была страшная потребность иметь друга. В гимназии у меня было несколько подруг, которых я очень любила, но друга не было. С Машей нас сразу повлекло друг к другу. У нас масса было общих интересов и мыслей. Мы не могли достаточно наговориться. Мы читали вместе в Удриасе и гуляли. Братья и сестры старались нас разлучить, врывались в комнату, в которой мы беседовали, бегали за нами на прогулках. Для них это было игрой, а мы не знали, как от них спрятаться. В каждом чувстве между двумя людьми один больше любит. Я конечно сильнее любила, хотя Маша, очень экспансивная и страстная, бурнее выражала чувство. Она говорила, что любит меня больше жизни и т.д. Для меня все это было ново и увлекательно. Но тотчас начиналось и разочарование. Маша была необыкновенно привлекательна и во многих пробуждала горячее чувство дружбы. Так, ее любили сестры Катя и Настя, учительница, которая жила в Удриасе для занятий с маленькими детьми, подруги в Петербурге и т.д. Она часто бросала меня для разговоров с другими подругами и этим часто возбуждала во мне отчаяние.

Подготовка моя к экзаменам послужила оздоровляющим отвлечением от слишком сосредоточенного чувства. Оно постепенно вошло в норму, хотя много еще было мелких драм и трагедий. К весне я выдержала экзамены благополучно, но оказалось, что для права поступления на курсы нужно было все предметы выдержать главными. Я предполагала в будущем это сделать.

Летом Зарудные переехали на дачу в Гатчине. У них был маленький домик в самом парке, который Зое Александровне удалось нанять по протекции и знакомству. Мы же никуда это лето не поехали. Я несколько раз ездила к Зарудным и проводила у них по несколько дней. Мы чудно гуляли и очень весело проводили время. Недалеко от их дачи была мраморная лестница, спускавшаяся к морю. Мы там сидели и читали и спорили. Маша увлеклась музыкой. Она по пяти-шести часов в день играла на фортепьяно и брала уроки у Малоземовой. Она старалась убедить свою мать, чтобы та отпустила ее на курсы. Она придумала для этого целый план. Они должны были прочесть вместе «In Reich und Glied Spielhagen'a». Маша рассчитывала на сцену, где Сильвия, переживая целую бурю в своей жизни, говорит, что каждый человек должен иметь право жить, как он хочет и считает нужным. Она заволновалась, какое эта сцена произведет впечатление на ее мать и надеялась, что она заставит ее понять, что задерживать ее насилу от поступления на курсы она не имеет права. Не помню, какое впечатление вынесла Зоя Александровна, но в этом году Маше еще не удалось осуществить свое заветное желание. Она поступила на курсы только в следующем году. Зоя Александровна неожиданно и внезапно, как это иногда с ней случалось, сняла свое veto и дала разрешение. Конечно, торжество было большое. Курсы тогда помещались на Сергиевской, недалеко от Летнего Сада. Но я забегая вперед.

Зоя Александровна ужасно любила всякие grandeur'ы. Сама непременно пожелала представиться ко двору. Серезу поместили в Пажеский корпус, Сашу в Правоведение, младших дочерей в институт и т.д. Дядя Сергей смог только настоять на помещении двух старших дочерей в гимназию. На дальнейшую борьбу с ней у него не хватило сил. Она мечтала о вывозе Маши и Кати ко двору, о выдаче их замуж за каких-нибудь знатных богатых людей и пр. Все это было очень чуждо дяде Сергею. Старшие же дочери (и Саша) обожали отца. Он очень много с ними возился. Сам подготовил их в гимназию, гулял с ними. У них была огромная квартира на Кирочной. Комната Маши и Кати была в самом дальнем расстоянии от входа, очень большая с огромными окнами, выходившими во двор Протестантской Кирочной церкви. Она была совсем в стороне от квартиры, от которой ее отделяла комната Lauge, молодой их гувернантки-француженки, и широкий коридор. Огромный кабинет дяди Сергея был направо от входа, за ним большая зала, гостиная, детские и

спальня Зои Александровны. С левой стороны была большая столовая и за ней Сашина комната. Мы, смеясь, называли его комнату «цинической». Он не допускал прислугу прибирать ее и когда у него завелись клопы, и Зоя Александровна распорядилась в его отсутствие произвести генеральную уборку, он вернувшись ужасно протестовал и кричал: «Где мои клопы?». Дядя Сергей с увлечением занимался переводом «Ада» Данте с итальянского языка. Он собирал нас в своем кабинете и прочитывал отрывки из него. Для полноты впечатления он надевал костюм того времени нарочно сшитый для этой цели. Перевод был сделан очень свободно, но с большой любовью. Это чтение представляло трогательную картину. Дядя Сергей захотел нас учить итальянскому языку. Он составил небольшой класс: его две старшие дочери, я, еще какие-то две подруги его дочерей. Эти уроки продолжались не очень долго, не помню, почему прекратились, но были очень живыми и веселыми.

Бабушка была больна эту зиму, но от всех скрывала свое нездоровье. У нее были очень большие потери крови. Часто она была близка к обморокам и только очень большой силой воли удерживала сознание. Маша и Катя приходили к нам. Они относились с обожанием к бабушке. Не получая от матери того, что бабушка давала им и уделяла им – они прибегали к ней как в родное гнездышко, где жались и ютились око нее. Зоя Александровна начала ревновать и пробовала сокращать их посещения, но потом оставила все по старому. Мы очень увлекались театром. Как-то достали ложу, но нас не с кем было пустить. Мама сказала кухарке приодеться и послала ее с нами – Маша, КЕатя, Аня и я. На следующий день мама спросила кухарку, - все ли было прилично? Она ответила: «В любовь играли, но все было, как следует». Очень мы смеялись над нашей импровизированной гувернанткой.

В следующем году мы переехали в дом Кочкурова на Михайловскую площадь. Место было очень центральное и удобное. К нам стекалось много молодежи, все больше двоюродные братья и сыновья близких друзей родителей. Бывали, кроме Зарудных, Поля Герсеванов, Федя Рерберг (или он позже?), Николай Зарудный, Федя Бернштам, Петрашевский, Иолшин, Саша Папаригопуло и множество других. Мы очень весело вместе проводили время по воскресеньям. Завязывались всякие романы ... Маша в этом году поступила на курсы, но ее прежнее увлечение совсем остыло. Она скорее пошла потому, что решила раньше, чем это нужно. По-прежнему она играла по несколько часов в день на фортепьяно и брала уроки у Малоземовой. Эту зиму у нас часто бывали Варя Зарудная, Михаил Михайлович (Ипполитов-Иванов) и Владимир Никанорович (Ильинский). Мы наслаждались их пением. Соня (Свечина) тоже бывала, но я не помню хорошо, когда она приезжала. Не в этом ли году она вышла замуж (за Ильинского) – 1880-81?

Н.В. Вернадская

ЛЕРМОНТОВ В РУССКОЙ МУЗЫКЕ

(Nina Vernadsky. Lermontov in Russian music // The Slavonic and east European Review (American Series, II). 1942-1943. Vol. 21, P. 1, march 1943. PP. 6-30.)

Перевод с английского языка Е.М. Гурвич

*В начале сквозь туман времени рука
об руку выходят эти сестры-близнецы
искусства: Музыка и Стихи
Дж. П. Дарни*

I

Музыка и поэзия веками тесно связаны друг с другом в культурном развитии каждой нации. Переплетение музыки и стиха особенно явно в истории русской цивилизации. Это еще более истинно в отношении древней Руси, России былин и фольклорных песен, чем для современной России, России инструментальной музыки и песен. В то время как современные стихи тонические, а в некоторых случаях силлабические, старинные народные стихи можно назвать метрическими, если это вообще можно включить в какую-либо категорию традиционной теории стихосложения. В действительности, древние русские народные стихи неотделимы от музыки, это не поэзия в общепринятом смысле, но песня, ритм слов полностью сливается в них с ритмом музыки. *Логос* здесь контролируется *мелосом* и управляется законами последнего и наоборот. Поговорка «Из песни слова не выкинешь» действительно характеристична в этой связи. Я извлекаю из памяти о моей юности, как заботливо крестьянские певцы в России старались воспроизводить слова песен с предельной точностью, пропустить слово равнялось святотатству, так тверда была традиция полной гармонии стиха и музыки, утвердившаяся в людских умах и ушах.

Вероятно, не было разделения труда между музыкантом и поэтом в древней Руси. Автор стихов снабжал их вдобавок и музыкой, или, скорее, стихи и музыка создавались одновременно. Конечно, мы не знаем имена старинных авторов-композиторов (за исключением легендарного Баяна), но это совсем не обязательно означает, что былины и народные песни были плодом коллективного творчества. В новой России с адаптацией к Европейскому стилю и с развитием инструментальной музыки музыкант и поэт разведены. Музыка и стихи составляют отдельные ветви искусства, но внутренняя связь между ними все еще не полностью разделена. Поэзия остается важным источником вдохновения для сочинителей музыки. Создатели новой русской музыки используют в своей работе как народные песни, так и современные стихи. Наиболее тесное сотрудничество поэта и композитора происходит, конечно, в области

вокальной музыки, и подъем русской художественной песни (*романса*) возник в результате этого. Но влияние поэзии чувствовалось также и в области оперной и инструментальной музыки. Поэма великого поэта должна послужить основой оперы великого композитора: так, например, в случае «*Руслана и Людмилы*» и «*Евгения Онегина*» Пушкина, которые легли в основу музыки Глинки и Чайковского, соответственно.

Великие композиторы и великие поэты рождались кластерами последовательными волнами, словно русским композиторам было предопределено кооперироваться с русскими поэтами. Это действительно одна из тайн в развитии русской культуры. Золотой век поэзии соответствовал золотому веку музыки. Пушкин (род. в 1799) принадлежит действительно тому же поколению, что и Глинка (р.1803). Поэты Баратынский (1800) и Тютчев (1803) и композитор Варламов (1801) попадают в ту же группу. В следующем десятилетии появляется Лермонтов (1814), Фет (1820) и Некрасов (1821) и их современник композитор Серов (1820). На этом первая волна появления поэтов и композиторов закончилась. Следует временное затишье, как будто поэтам и композиторам, родившимся в первые две декады XIX в., нужно время, чтобы их музыка и стихи могли овладеть душами и умами их читателей и слушателей. В то время как в первом кластере рождений (1799 – 1821) поэты были представлены в большем количестве, чем композиторы, во втором (1830-х - 1840-х гг.) композиторы являют значительное преобладание. В 1829 г. родился Антон Рубинштейн, слегка преждевременно (как это и было) в терминах нашей хронологии. В соответствующем кластере первым явился Бородин (1834), затем следует Кюи (1835), Балакирев (1836), Мусоргский (1839), Чайковский (1840), Римский-Корсаков (1844), а со стороны поэтов принесен скорее скудный урожай в виде Апухтина (1841) и Голенищева-Кутузова (1848). К следующему кластеру мы относим композитора Ипполитова-Иванова (1854), Аренского (1860), Гречанинова (1864), Глазунова (1865), Скрябина (1872), Рахманинова (1873), Глиера (1875), а что касается поэтов, то Бальмонта (1867) и Брюсова (1873).

Декада 80-х гг. (в широком смысле слова) произвела композиторов Медтнера (1879), Мясковского (1881), Стравинского (1882), Прокофьева (1891) и поэтов Блока (1880), Бели (1880), Гумилева (1886) и Анну Ахматову (1889). В то время как композиторы первого кластера имели в своем распоряжении стихи только тех поэтов, которые принадлежали тому же поколению (не говоря о более ранних поэтах), каждое следующее поколение композиторов могло извлекать вдохновение из все большего и большего запаса поэм. Конечно, композиторы каждого поколения подходили к поэмам более ранних поэтов, исходя из ментального и художественного фундамента своего собственного времени. Благодаря этому, музыка по одним и тем же поэмам создавалась по очереди несколькими композиторами одного или разных поколений, каждый из ко-

торых представлял свою индивидуальную интерпретацию и прилагал свои собственные приемы к ним.

Так, имеется несколько поэм Пушкина или Лермонтова, для каждой из которых несколько композиторов один за другим написали музыку. Интересно также заметить, что хотя нет композитора романсов, ограничившего себя только поэмами одного данного поэта, бывают случаи, когда некоторое особое тяготение одного отдельного композитора одному определенному поэту так очевидно, что заставляет нас думать об их близости по духу. Так, несомненно, что Чайковский в своих романсах отдавал особое предпочтение Алексею Толстому; наилучшие романсы Римского-Корсакова написаны по пушкинским стихам, Мусоргский имел склонность к поэзии Голенищева-Кутузова. Балакирева можно связать с Лермонтовым.

II

Во взаимодействии русской музыки и стихов в XIX столетии поэзия Лермонтова занимает свое собственное характеристическое место. За это ответственны как персоналия поэта, так и природа его созидательных успехов. Не может быть поэтом тот, у кого нет чувства ритма. Однако имеются поэты с плохим музыкальным слухом, и во всяком случае не каждый поэт музыкален. Лермонтов был одарен как музыкальным, так и поэтическим талантом. Ребенком его обучали играть на скрипке и пианино, и, хотя он не стал виртуозом, играл он очень хорошо. В 1829 г. он участвовал как скрипач в сольном концерте в Московском университете. Он играл Аллегро из Майеровского концерта, «с успехом», согласно сообщению «Московских ведомостей». Случайно это было первое упоминание о Лермонтове в прессе.¹ Позднее он обычно играл на пианино на частных вечеринках. Александра Верещагина упоминает, например, что он играл увертюру к «Фенелле» Обера.² Эта опера была очень популярна среди офицеров гусарского гвардейского полка гвардии, к которому Лермонтов принадлежал в 1835 г. Она также упоминается в незаконченной поэме Лермонтова «Княгиня Лиговская». Один из одноклассников Лермонтова по Гвардейской офицерской школе А.Ф.Тиран припоминает, что поэт обычно напевал романсы с большой выразительностью.³ Согласно Верещагиной, Лермонтов часто напевал арии из «Фенеллы» и других опер. Как кажется, он одно время думал сам написать оперу. Его трагедия «Испанцы» может рассматриваться как либретто оперы. Он также начал обрабатывать «Цыган» Пушкина, очевидно, с намерением адаптировать их для музыки. Говорят также, что Лермонтов сочинил музыку, по крайней мере, для одной из своих

¹Е. Канн и А. Новиков. *Музыка в жизни и творчестве Лермонтова*. // «Советская музыка», 1939, № 9 - 10, стр..87.

²Р.Е.Щеголев. *Книга о Лермонтове*. Москва, 1929, I, 220.

³См. сноску 1.

собственных поэм – для «Казачьей колыбельной». Биограф Лермонтова П.А.Висковатов в 1870-х гг. встретил генерала Потапова, который ему сказал, что Лермонтов сочинил ее в 1840 или начале 1841 г. во время пребывания в его (потаповском) имении и что копия музыки все еще хранится там. По просьбе Висковатого Потапов написал своему управляющему поручение искать музыку, но тот не достиг успеха в поисках ее.⁴

Все выше сказанное говорит о том, что душа Лермонтова была настроена на музыку. Поэт чувствовал так, как будто он был способен слышать музыку, звучащую где-то в небесных сферах. И эта музыка одновременно была стихом. Его позиция (как музыканта и поэта) была такова, что человек не мог создавать поэзию или музыку сам, а способен только записывать ту небесную музыку-стихи, которые он слышит. Именно мать Лермонтова была тем, кто разбудил в нем страстную любовь к музыке. «Когда мне было три года, была песня, которая обычно заставляла меня плакать; я не могу вспомнить ее сейчас, но уверен, что если бы я услышал ее, она бы тронула меня как прежде. Моя мама обычно напевала ее мне»⁵.

Когда Лермонтову было 17 лет, он выразил свои чувства относительно небесной музыки с удивительной силой в поэме «Ангел»:

И звук его песни в душе молодой

Остался без слов, но живой.

И долго на свете томилась она

Желанием чудным полна,

И звуков небес заменить не могли

Ей скучные песни земли.

Принципиально ту же идею мы обнаруживаем в философском эссе Эмерсона: «Для поэзии все было написано до времени, и, когда бы мы были так хорошо организованы, что могли проникнуть в тот регион, где воздух есть музыка, мы бы слышали эти первичные трели». Или в словах Чарлза Кингсли: «Человек не создает законов музыки, он только открывает их»⁶.

Чувство божественности музыки один из ведущих мотивов поэзии Лермонтова. Другая из его ранних поэм «Звуки» 1830 г. является характерной в этом отношении:⁷

Что за звуки! Неподвижен внемялю

Сладким звукам я.

Забываю вечность, небо, землю

Самого себя ...

⁴Смотри Канн и Новиков (как в сноске 1). С. 85.

⁵Щеголев 1,16.

⁶Цит. no J.P. Dabney. *The musical basis of verse.* (New York and London. 1901). P. 16.

⁷См. H.W. Muller. *Das Musicalische in der Dichtung Lermontows* (Frankfurt am Main, 1936). P. 10 ff.

Всемогущий, что за звуки. Жадно
Сердце ловит их,
Как в пустыне путник безотрадный
Каплю вод живых.

Или возьмем поэму «К***» (1832 г.):

Есть звуки – значение ничтожно
И презрено гордой толпой.
Но их позабыть невозможно:
Как жизнь, они слиты с душой.

Здесь мы находим дополнительный мотив: лишь только несколько избранных способны слышать божественную музыку и интерпретировать ее значение. Остальные лишены этого дара. Иногда только поэт и его любимые могут действительно понять звуки и слова, которые поэт слышит в своей душе. Поэма, процитированная выше, продолжается следующим образом:

В мире поймут их лишь двое,
И двое лишь вздрогнут от них.

Иногда именно поэт единственный, кто имеет ключ:

Их многие слышат,
Один понимает.

Поскольку для Лермонтова источник как музыки, так и стихов по существу один и тот же, музыка и музыкальные инструменты играют важную роль в списке персонажей его поэм. Ангел и Демон, водяная нимфа и русалка, дитя и женщина, птица и даже рыба - каждый поет в стихах поэта. Несколько раз Лермонтов в своих поэмах упоминает метель и первое, что привлекает его в метели, это всегда песня:

Так песнь метелица поет («Русская песня», 1830),

Гонит их метелица, распеваячи («Песнь про купца Калашникова», 1837),

Метель песню долгую заводит («Демон»).

Музыкальные инструменты, особенно арфа и лютя, также как и струна, часто упоминаются в поэмах Лермонтова. Например, «И арфы шотландской струну бы задел». Его стихи музыкальны полностью, можно обобщить теперь рассмотрение того, как поэмы Лермонтова соотносятся с музыкой. Упомянутый литературный критик (Белинский) сказал точно: «При чтении любой строки, вышедшей из под пера Лермонтова, у читателя создается впечатление, что он слушает музыкальные аккорды».⁸ «В стихах Лермонтова, - говорит Белинский в другой статье, - поэзия становится музыкой».⁹ Этот результат достигается поэтом постоянной работой над ритмом и размером стихов.

Просодия у Лермонтова значительно более разнообразна, чем у Пушкина. Не ограничиваясь ямбом и хореем, Лермонтов всегда в по-

⁸В.Г.Белинский. *Лермонтов: статьи и рецензии.* (Ленинград. 1940. С. 207.

⁹Белинский. С. 189.

иске новых комбинаций ритмов стихосложения.¹⁰ Ему хотелось. комбинировать 2-х и 3-х ударные размеры, и постепенно его предпочтение движется к 3-х ударным основам, таким как амфибрахий, дактиль и особенно анапест. Он даже экспериментирует с 4-х ударной основой, которая согласно трактатам стихосложения не существует в русском стихе. Таким образом, в то время как поэма Лермонтова «Из под таинственной холодной полумаски» может быть формально рассматриваться как написанная ямбом, она в действительности звучит как пеон.

Но не в одном только ритме заключен секрет музыки стиха поэта. Его заботливый выбор звуков не менее важен. Не можем ли мы в поиске параллелей между музыкой и стихом приравнять согласные к инструментам. Тогда глухие согласные, такие как русские **б, п, т** и т.д. должны иметь те же функции в стихосложении как ударные инструменты в оркестре. Носовые **м, н** должны скорее соответствовать струнным инструментам и т.д. Сознательно или подсознательно Лермонтов использовал в своих стихах глухие и звонкие согласные соответственно. Один из ярких примеров воздействия от искусного использования Лермонтовым определенных согласных, а в данном случае звонкой «л», является его поэма «Русалка»:

Русалка плыла по волне голубой
Озаряема полной луной.
И хотела она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

Это одна из наиболее музыкальных среди Лермонтовских поэм, она звучит как музыка. Впечатление достигается использованием **л, ла, лу, ле**.

В «Ангеле» идет перемежаемость **л** и **н**:
По **небу** полуночи **Ангел** летел
И тихую **песню он** пел.

В «Утесе» метод поэта - игра на взаимоотношении гласных и согласных. Взаимодействие это различно в первой и второй частях поэмы. Первая часть дает мирную картину природы:

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана
Утром в путь она умчалась рано
По лазури весело играя.

Количество согласных почти равно таковому гласных: 42 согласных против 38 гласных, но из 42 согласных 10 в действительности представляяют 5 двойных согласных (**гр, тр, мч, чк** – все они голосовые или полуголосовые). В группе гласных имеются 23 фонетических «а».

Вторая часть поэмы скорее мрачная, с печальным ощущением уединенности утеса, сравнимой с отчаянием одинокого старика:

¹⁰P. Bizzilli. *Etjudy o rusckoi poesii*. Praga, 1926. PP. 241 ff.

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит; задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне.

Количество слогов в этой второй части поэмы равно таковому в первой. Взаимоотношение между согласными и гласными, однако, отличается: 54 согласных против 37 гласных.

III

Имея ввиду музыкальное качество стиха Лермонтова, не приходится удивляться, что весьма большое количество его стихов были использованы разными композиторами для их музыкальных сочинений. Однако, не одна только музыкальность стихов поэта, привлекала композиторов к его поэмам в поиске темы их музыки. Не в меньшей степени интерес композиторов к Лермонтову можно объяснить содержанием его поэм. Тот аспект его поэзии, который можно назвать романтизмом, оказал влияние на многих его современников, так и на ряд его более поздних поклонников. Трагическая любовь, доведенные до отчаяния характеры, “Weltschmerz” («Мировая скорбь»), как одно из состояний духа поэта, все это можно упомянуть в этой связи. Живописностью расположения сюжетов поэм Лермонтова, относящихся к Кавказу или старой Руси, добавляется другой важный мотив в предпочтении композиторами именно этих поэм. Любовная лирика, спокойное наслаждение красотой природы, дух терпения и молитвы - все, что является характеристичным для некоторых лучших поэм Лермонтова, подобным образом определяет во многих случаях интерес композиторов.

Читатель найдет в Приложении список работ Лермонтова, на которые русскими композиторами была написана музыка. Я старалась сделать этот список насколько возможно полным, но могут быть пробелы в виду того факта, что писала я эту статью вне России и в силу нынешних условий, которые делают сбор информации особенно трудным. Во всяком случае, 71 название присутствует в моем списке, включая и стихи и более крупные произведения Лермонтова.

Крупные работы поэта послужили, главным образом, для опер. Так, Агринев-Славянский написал оперу по «Боярину Орше», Рубинштейн по «Демону» и «Песне про купца Калашникова»; у Глазунова мы имеем увертюру и антракты для «Маскарада». Что касается коротких стихов, композиторы использовали их, в основном, для песен. В некоторых случаях, однако, композитор был вдохновлен не самими стихами Лермонтова как таковыми, а темой поэм. В этом случае результатом становилась не песня, а кусок инструментальной музыки. Так, Балакирев написал «Симфоническую поэму» по «Тамаре», Рахманинов также симфоническую поэму по «Утесу» и т.д. Некоторые стихи Лермонтова были обработаны (аранжированы) для вокальных дуэтов, трио и т.п. Так, мы имеем дуэт Рубинштейна по «Ангелу» и «Горным вершинам»

да и другие, трио Даргомыжского по «Утесу», Афанасьевский квинтет по «Как луч зари». Многие стихи были использованы для хоровых композиций, например, «Ангел» (аранжированный для женского хора Рахманиновым) и «Русалка» (аранжированная для женского хора с оркестром последовательно несколькими композиторами: Рубинштейном, Ильинским, Катуаром, Штернбергом).

Интересно заметить, что если только 55 поэм Лермонтова аранжированы как романсы, то каждая поэма из этого числа использована несколькими композиторами. Минимум, согласно Буличу¹¹, это 9 песен по «Ангелу», максимум 31 по «В минуту жизни трудную». Кажется парадоксальным, что нет песни соло, написанной по «Русалке». Существуют, как мы видели, 4 хоровые композиции по «Русалке» и одна «меломаника» (эта последняя принадлежит Ребикову). В двух из хоровых композиций имеется сольная партия (Катуар, Штернберг). Но настоящей сольной песни по «Русалке» все еще нет. Как мы уже сказали (раздел II) это, возможно, наиболее музыкальная из всех поэм Лермонтова, и романс, написанный на нее великим композитором оказался бы, вероятно, одним из лучших этого жанра. Отсутствие романса по «Русалке» показывает ясно, что богатство и разнообразие стихов Лермонтова далеко еще не в достаточной мере разработано композиторами.

От работ профессиональных композиторов («высокой» музыки) мы теперь повернемся к сфере «низкой музыки». Сам Лермонтов очень сильно интересовался популярной поэзией. Он был хорошо знаком с былинами и народными песнями и был способен воспроизвести фольклорный стиль в некоторых из своих собственных поэм, таких как, например, «Песня контрабандистки» (включенная в его повесть «Тамань») и «Песнь про купца Калашникова». Важно, что ряд его поэм был абсорбирован певцами из народа и вошел в современный фольклор. Таким образом, в добавление к романсам на слова поэта, существует ряд народных песен на его тексты. В большинстве случаев мы не знаем, кем и когда его стихи были адаптированы для пения, но имеются хорошие свидетельства их популярности в России. В собрании И.Н.Розанова «Песни русских поэтов»¹² записано 11 поэм Лермонтова; из них 4 принадлежат его экспериментам в популярном стиле. Это «Песня контрабандистки», «Русская песня», «Воля» и «Казачья колыбельная». Совершенно естественно, что они были адаптированы народными певцами. 3 поэмы: «Желание», «Узник» и «Соседка», герой которых в каждом случае заключенный, тоскующий о свободе, стали популярны среди арестантов, как политических, так и уголовных. Они также были среди любимых песен политически настроенных студентов. Четыре других это «Утес», «Тамара», «Выхожу один я на дорогу» и, прежде всего, «Воздушный корабль».

¹¹См. С.К. Булич. *М.Ю. Лермонтов и русская музыка. Избранные работы Лермонтова*. Ред. Д. Абрамович, V, Санкт-Петербург, 1913. С. 230 - 235.

¹²И.Н. Розанов. *Песни русских поэтов*. Москва. 1936. С. 345 – 463. См. также С. 423 – 427.

IV

Более 50 русских композиторов написали музыку на поэмы Лермонтова. Некоторые иностранные композиторы также заинтересовались Лермонтовым. Хотя я не делала попытки собрать информацию о Лермонтове в иностранной музыке, я натолкнулась на две песни на слова Лермонтова у иностранных композиторов. Одна из них «Тучки небесные» («Les nuages») французского композитора Бувалья (Bouval), вторая «В минуту жизни трудную» - «Молитва» (“Das Gebet”) Ф.Листа.

Среди русских композиторов, которые связаны с Лермонтовым, есть великие лидеры русской музыки, люди менее известные, и простые любители. В списке из знаменитой «Пятерки» («Могучей кучки») четверо: Балакирев, Кюи, Мусоргский и Римский-Корсаков, только один (Бородин) отсутствует. Бородин, как можно заметить, вообще не оставил много песен. Большинство тех, которые он написал (исключая четыре, он снабдил своими собственными текстами. Из четырех оставшихся одна на слова Пушкина, одна на слова Некрасова и две на тексты иностранных поэтов.

Среди композиторов, принадлежащих поколению Пушкина и Лермонтова, два величайших: Глинка и Даргомыжский были, вероятно, персонально знакомы с Лермонтовым. Они могли встречать поэта в «литературном салоне» князя Одоевского. Согласно воспоминаниям Соллогуба, в гостиной Одоевского «Пушкин слушал Жуковского, графиня Ростопчина читала свои стихи Лермонтову, Глинка осведомлялся у графа Виелоски о решении некоторых проблем касающихся контрапункта, Даргомыжский планировал новую оперу и искал того, кто мог бы написать либретто для него.¹³ Глинка восхищался Пушкиным больше, чем Лермонтовым, однако он написал две песни на тексты Лермонтова: «Молитва» и «Слышу ли голос твой». Они среди лучших песен Глинки. Вторая особенно гармонична, хотя слова не всегда хорошо соответствуют мелодии.

Даргомыжский был гораздо ближе к Лермонтову, чем Глинка. Как кажется, его определенно привлекало настроение поэта *Weltschmerz* (Мировая скорбь). Это настроение отличает особенно две песни Даргомыжского: «Мне грустно» и «И скучно и грустно». Первая очень мелодична. Вторая исполнена в стиле драматического речитатива, в ней мало «чистой» музыки. «Песня золотой рыбки» (из «Мцыри»), наоборот, замечательна орнаментированным рисунком ее музыкального ритма. Слушатель ощущает поток воды в горном ручье. Что касается трио Даргомыжского по «Утесу», я считаю его одним из лучших среди всех музыкальных сочинений на это стихотворение. «Тучки небесные» значительно слабее и кроме колоратурной партии имеют западный рисунок.

¹³М. Аронсон и С. Райзер. *Литературные кружки и салоны. Ленинград. 1929. С. 171.*

Рубинштейн, один из наиболее плодовитых русских композиторов, написал больше музыки на тексты Лермонтова, чем любой другой музыкант. Он написал три оперы на темы поэта, помимо множества сольных песен и дуэтов. Качество его музыки менее впечатляет, чем количество. Почти все, что он написал, мелодично, но лишено энергии и оттенков. В «Демоне» чарующие песни и танцы восточного колорита, такие как лезгинка и хор грузинских дев («Ходим мы к Арагве светлой»). Но демон не демоничен, и ангел не совсем ангельский. В песнях Римского-Корсакова на тексты поэта, такие как «Утес» и «Как небеса твой взор блистает», мы чувствуем реальный восточный аромат. Эти песни среди лучших Римского-Корсакова. Последняя из названных напоминает мне «Болеро» Равеля. Однако, она написана в 1867 г., за 8 лет до рождения Равеля. Песни Кюи на тексты Лермонтова также артистичны. По мнению Булича, две из них относятся к шедеврам среди русских романсов. Что касается Мусоргского, он написал только одну песню на текст поэта «Молитва». Он посвятил ее своей матери.¹⁴

Поскольку великие композиторы во многих случаях испытали свою руку на одной и той же поэме, интересно сравнить подходы, избранные каждым из них к стиху поэта. Давайте возьмем как иллюстрацию «Утес» Лермонтова. На первый взгляд музыка трио Даргомыжского и песен Балакирева, Римского-Корсакова и Рубинштейна на «Утес» имеют много общего. Все они подчеркивают контраст между непостоянной тучкой и угрюмым утесом. И все-таки путь, которым они разрабатывают объект иной в каждом случае. Рубинштейн не идет глубже, чем сентиментальное мелодизирование. Путь Даргомыжского – выразить прохождение тучки, используя правой рукой веселую понижающую гамму с немногочисленными украшающими нотами (*форшлаг*). Это гармоничная минорная гамма. Утес представлен долгими тяжелыми басовыми нотами

Тема облака у Римского-Корсакова выражена фразой, повышающейся через несколько октав.

¹⁴Н. Римский-Корсаков (редактор). М.П.Мусоргский: письма и документы. Москва – Ленинград. 1932. С.45.

Его утес рыдает в настоящем минорном седьмом аккорде. Ощущение пустоты и пустынности это тот эффект, который достигается. Римский-Корсаков (точно так, как после него обычно делали французские импрессионисты) рисует свою картину звуками, и слушатель слышит музыку скорее глазами.

Балакирев придает утесу колорит русской народной песни. Облако представлено правой рукой с помощью арпеджио с украшающими нотами, а утес выражается с помощью прекрасного минорного арпеджио, охватывающего всю клавиатуру. Главный эффект – чувство печали. Балакирев писал «Утес» в 1909 г. Это была его лебединая песня. Он умер в 1910 г.

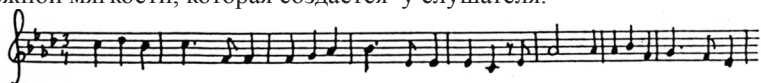
V

Высокое отношение Балакирева к Лермонтову требует специального рассмотрения. Как уже было сказано, эти два гиганта искусства были конгениальны во многих аспектах. Оба, и Балакирев и Лермонтов обладали видением дальних земель, небесных сфер. Музыка Балакирева и стихи Лермонтова одинаково отрывают себя от «тусклых земных песен» и проектируются за горизонты земной жизни.

Для них эта высота результируется в чувстве неудовлетворенности и разочарования в жизни. Каждого из них временами преследовали видения первичного Зла, каждый из них имел свои чары соблазна. Живи они в средние века, каждый из них в своих поисках Бога мог попасть в ловушку Сатаны и подписать с ним пакт своей кровью.

Борьба между Добром и Злом один из ведущих мотивов поэзии Лермонтова, начиная с поэмы «Ангел» (1831) и заканчивая «Демоном», над которым он работал всю свою короткую жизнь. Искушение, воплотившееся в виде прекрасной и жестокой женщины – предмет поэмы Лермонтова «Тамара». Характерно, что эта последняя поэма вдохновила Балакирева написать симфоническую поэму с тем же названием, - замечательный кусок инструментальной композиции. По словам Булича, «Балакиревская «Тамара» представляет собой один из лучших образцов восточного стиля в русской музыке». Балакирев написал ее в восточном стиле, так как местом действия поэмы Лермонтова является Кавказ. Как

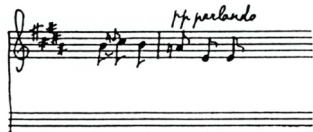
Балакирев, так и Лермонтов были очарованы Кавказом, подобно тому, как это происходило со многими другими русскими поэтами и композиторами, начиная с Пушкина и Глинки. Бородин и Римский-Корсаков пошли, вероятно, в этом направлении дальше, чем другие композиторы. Однако, ни один из восточно-ориентированных поэтов и композиторов не повторял другого. Напротив, каждый из них имел нечто оригинальное высказать и написать. Во всяком случае, оба: и Балакирев и Лермонтов были искренними и творческими в их восхищении красотой Кавказа и Востока в целом. Музыка Балакирева дополняет стихи Лермонтова в полной гармонии. «Песня Селима» и «Сосна» могут быть особенно отмечены в этом отношении. Однако не одни только демонические и восточные аспекты поэзии Лермонтова привлекли Балакирева к поэту. Он также сочинил музыку на некоторые лирические стихи Лермонтова. Балакиревская песня «Слышу ли голос твой» замечательна чувством нежной мягкости, которая создается у слушателя.

Простой взгляд на музыку выявляет сразу и деликатность выраженных чувств, и их стремительное движение вперед. В аккомпанементе арпеджио в каждом такте создается эффект звука, текущего свободно, почти гладко.

Шедевром среди песен Балакирева, по моему мнению, является его «Из-под таинственной холодной полумаски», которая также один из шедевров Лермонтова. Эта поэма исключительно музыкальна. Слова, которые Лермонтов использует, укладываются совершенно в музыку на слова стихотворения. Стих проникнут чувством тайны и очарования. Слова выражают эти чувства самим их звуком (таинственный, пленительный, лукавые уста, бесплотное видение и т.д.). Размер этой поэмы, как уже было замечено, совершенно необычен для русского стихосложения (см. раздел II). Музыка Балакирева подчеркивает как деликатность чувств, так и гармонию слов.

Мелодия некоторым таинственным путем использует половинные акцентированные (ударные, выразительные) ноты и такие будящие воображение слова, как «Мечта» и «Таинственность». Возьмем, например, слова «думки легкие». Думка выражена малым форшлагом, который делает слово словно невесомым. На слове «легкие» (чтобы было произнесено как *льйокхие*) музыка внезапно совершает скачок вниз на четыре тона.

Это в комбинации со звуком «кх» делает слово реально легким (что соответствует русскому значению слова легкий). В конце со словами «бесплотное видение» должно быть внезапное изменение темпа музыки. Вслед за последовательностью половинных нот голос распространяется на долгую ноту.

Суммируя, скажем, что в этой песне музыка полностью сливается со словами.

Именно поэтому песня требует исключительного исполнителя, чтобы не разрушить ее шарм. Исполняемая певцом среднего художественного вкуса, песня звучала бы скорее банально. Существенно, что Балакирев посвятил ее М.А.Олениной d'Alheim одной из величайших камерных певиц нашего времени. Я хорошо помню, какое на меня произвело впечатление посещение сольного концерта М.А.Олениной год назад в Москве, когда она пела эту песню. Совместный успех великого поэта, великого композитора и великой певицы привели к достижению высот художественной выразительности.

Иная природа песни Балакирева «Когда волнуется желтеющая нива» (написана в 1895 г.). Это одна из поэм Лермонтова, написанная в религиозном духе. Она мирная и величественная. Балакирев должно быть был в том же настроении, когда он приступил к написанию музыки к ней. Мелодия этой песни проста и даже несколько монотонна, но с другой стороны мелодия также имеет некоторую светлость и строгость. Что касается аккомпанемента, он написан в стиле русского церковного пения. Гармония его поднимает нас над Землей особенно после последних слов «И в небесах я вижу Бога». С последним аккордом человек испытывает то же чувство благодати, как на русской церковной службе, если служба действительно хороша. Нет сомнения, что Балакирев приложил здесь результаты опыта работы в качестве директора Императорской церкви. Тройные аккорды аккомпанемента соответствуют тройному «Господи помилуй» в русском церковном песнопении. Тройственность «Господи помилуй» произвела впечатление не только на Балакирева, но также и на некоторых других русских композиторов, включая Чайковского. Я думаю, что это объясняет до некоторой степени тот факт, что Чайковский использует ритм 3 : 2 так часто.

Подобно существованию тесных параллелей между искусством Балакирева и Лермонтова, имеются параллели в творческой жизни этих двух людей. Хотя оба они, каждый в своей сфере, принадлежат величайшим, ни один из них не достиг высоты, для которой каждый был потенциально предназначен. Лермонтов умер в 27 лет. Балакирев испытал полный упадок сил в 34 года. В течение последующих 10 лет он продолжал сочинять, но скорее вяло. Хотя некоторые из песен, написанные им в поздние годы, имеют уровень прежних работ, факт остается фактом, что в течение большей части своей жизни он был спящим вулканом.

С точки зрения психологии интересно заметить, что Балакирев был не всегда даже на высоте по отношению к Лермонтову. В 1862 г. Балакирев в письме Стасову открыто признавал свою огромную любовь и восхищение Лермонтовым. «Я дышу Лермонтовым, - пишет Балакирев, - после того, как перечитал все его работы, я должен сказать, что из всех русских авторов именно Лермонтов тот, кто произвел на меня наибольшее впечатление».¹⁵ Позднее, однако, Балакирев, случалось, критиковал Лермонтова даже страстно. Мы можем думать, что в то время (Балакирев поддался искушению бороться с кумирами. Во всяком случае, он, в конце концов, вернулся к Лермонтову. Последняя песня, которую Балакирев написал, была, как мы видели (раздел IV), по «Утесу» Лермонтова.

VI

Песни Балакирева на тексты Лермонтова произвели большое впечатление на Чайковского. В письме к мадам фон Мекк от 4 августа 1881 г. Чайковский писал: «Вы спрашиваете меня о песнях Балакирева. Я полностью разделяю Ваше мнение о них. Они действительно маленькие шедевры, и я страстно люблю некоторые из них. Было время, когда я не мог слушать его «Песню Селима» без слез. Я также высоко оцениваю его «Песнь золотой рыбки». В хорошем исполнении эта последняя производит чарующее впечатление».¹⁶ Чайковский сам написал только одну песню на текст Лермонтова «Любовь мертвеца».

Может показаться странным, что Чайковский пренебрег Лермонтовым, так как сам он часто выражал в своей музыке трагическую печаль, которая является одним из важнейших настроений поэта. Однако, собственное настроение Чайковского фундаментально отличалось от настроения Лермонтова. Печаль Чайковского имеет интимную, личностную природу. Она едва ли может быть охарактеризована как мировая скорбь. Судя по существенным чертам характера, Чайковский, как кажется, был предназначен для спокойной жизни. Его привычки и вкусы были устойчивыми и регулярными. И только из-за каприза природы и благодаря персональной трагедии, он стал до некоторой степени нервным.

По контрасту кажется скорее парадоксальным, что Рахманинов не написал ничего по Лермонтову кроме хоровой композиции по «Ангелу» и «симфонической поэмы» по «Утесу». В духе Лермонтова имеется многое, что, как кажется мне, должно было привлечь внимание Рахманинова. Немногие композиторы, если вообще кто-нибудь, мог бы выразить мировую скорбь как аспект поэзии Лермонтова с такой силой как Рахманинов. Давайте надеяться, что он еще сможет это сделать.

¹⁵В. Каренин (редактор). *Переписка М.А. Балакирева с В.В. Стасовым*, I, Москва. 1935. С. 166.

¹⁶П.И. Чайковский. *Переписка с Н.Ф. фон Мекк*. II, 1935, 546 с.

Среди современных музыкальных сочинений на тексты Лермонтова тексты можно упомянуть песни Гречанинова и Мясковского. Гречанинов написал пять песен по Лермонтову в 1927 г. Они были опубликованы Ширмером в Нью-Йорке в 1931 г. Слова напечатаны и на русском и на английском языках. Это собрание содержит не только три песни, на которые уже существовала музыка других композиторов («Ангел», «Когда волнуется» и «Слышу ли голос твой»), но также две песни на тексты, никогда прежде не использованные («Тебе мой дар» и «Небо и звезды»). «Ангел» посвящен Анне М. Ян Рубан, другой великой русской камерной певице. По моему мнению, «Слышу ли голос твой» и «Небо и звезды» лучшие песни в этой группе.

Собрание Мясковского из 12 песен на тексты Лермонтова было опубликовано в Москве в 1937 г. Шесть из них написаны на поэмы, уже использованные другими композиторами, шесть других впервые представлены в сфере музыки. Подход Мясковского к Лермонтову полностью отличается от подхода Балакирева и других композиторов XIX в. Он не проявляет никакого интереса к восточному аспекту поэзии Лермонтова. Из поэм печальных Мясковским выбрана только одна «Выхожу один я на дорогу». Большинство песен Мясковского это или песни любви, или женские портреты. Среди последних: «Как мальчик кудрявый», «Как солнце зимнее», «Она поэт». Они все чистая лирика.

Женские портреты часто являются темой стихов Лермонтова, но они редко использовались для песен. В песне «Выхожу один я на дорогу» Мясковский подчеркивает определенные слова, заставляя певца повторять их. Такие слова помещаются в промежутки счета, поскольку у Лермонтова они не повторяются, например: «Но не тем (не тем) холодным сном могилы (не сном могилы)». Это путь народных песен, например: «То мое (мое) сердечко стонет» или «Вечер поздно (поздно) из лесочка» и т.д., и это соответствует стилю Лермонтова совершенно.

«Казачья колыбельная» Мясковского также очень интересна. Появление «жестокое горца» (злой чечен), который ползет в темноте к своей жертве, выражено зловеще звучащими триолетами. В «Песне из альбома» («Любил ли я в былые годы») музыка Мясковского подобным же образом особенно хорошо адаптирована настроению поэмы. Эта поэма среди лучших, представленных Мясковским.

Обогащение количества песен на стихи Лермонтова современными сочинениями Гречанинова и Мясковского есть явное свидетельство того факта, что роль Лермонтова в русской музыке еще не завершена.¹⁷ Каждое новое поколение будет, конечно, подходить к произведениям

---

¹⁷Следующие новые музыкальные сочинения на поэмы Лермонтова упомянуты в «Советской музыке» в 1941 году: «Ашик-Кериб» балет Асафьева («Советская музыка», 1941, №2. С. 104); «Бела» опера Анатолия Александрова (там же. С.26); пять песен Т. Сотникова: «Сон», «Слышу ли голос», «Утес», «Вечер» и «Чаша жизни» («Советская музыка», 1941. №1. С. 93).

Лермонтова со своей собственной позиции, каждый будет наслаждаться ими своим собственным путем. Богатство наследия Лермонтова не может истощиться за многие грядущие годы.

Нью Хэвен, Конн.

Приложение

<i>Заглавия стихотворений Лермонтова</i>	<i>Фамилии композиторов, написавших музыку на эти стихотворения</i>
<i>1. Список работ Лермонтова, использованных композиторами</i>	
Ангел	Варламов, Гречанинов, Медтнер, Римский-Корсаков, Рубинштейн (дуэт), Ребиков (меломимика), Рахманинов (для женского хора)
Ангел смерти (восточная повесть)	Корещенко, двухактная неоконченная опера
Арбенин (на сюжет Маскарада)	Фистуляри (опера)
Бэла	Александров (опера)
Благодарность. За все, за все тебя	Варламов, Смирницкая
Боярин Орша (поэма)	Агренов-Славянский (опера), Кротков (опера последних гг. 19 ст.), Фистуляри (опера, только одна ария Арсения)
Будь со мною	Кюи (рекомендуется Буличем как хороший Романс)
Белеет парус одинокий	Рубинштейн, Ребиков (меломимика)
Вверху одна горит звезда	Кюи, Ляпунов
Вечер	Сотников
Воздушный корабль (мелодекламация)	Мясоедов Н.И. (сенатор)
Выхожу один я на дорогу	Давыдов, Мясковский, Шашина
В альбом	Мясковский
Волны и люди	М. Бегичева, Кн. Куракин, Плюто, Шенк
Герой нашего времени (см. Бэла)	
Горные вершины (дуэт)	Рубинштейн
Дары Терека	Давыдов (симфоническая поэма)
Два великана (мелодекламация)	Киришбаум
Демон (поэма)	Рубинштейн (опера), Бларамберг (кантата), Направник (симфоническая поэма. Аранжирована для 4 рук автором и к каждой части композиции приведены строфы из поэмы), Христианович Н.Ф. (кантата, не издана)
Еврейская мелодия	Балакирев, Рубинштейн

<i>Заглавия стихотворений Лермонтова</i>	<i>Фамилии композиторов, написавших музыку на эти стихотворения</i>
Есть речи значение	Огарев
Жила грузинка молодая	Лодыженский
Из альбома	Мяковский
Из под таинственной холодной полумаски	Балакирев
И скучно и грустно	Лентовский В., Гунке, Делюсто, Кастриото-Скандербек, Гурилев, Даргомыжский, Евсеев
К портрету (Как мальчик кудрявый)	Мяковский
Казачья колыбельная	Лермонтов, Н. Бахметев, Гречанинов, Мяковский, Черепнин
Казначейша (поэма)	Архангельский А. (опера), Асафьев
Как дух отчаянья и зла	Давыдов
Как луч зари	Афанасьев Н. (вокальный квинтет) М., 1878
Как небеса твой взор блистает	Давыдов, Римский-Корсаков
Как одинокая гробница	Аренский
Кинжал	Давыдов, Кюи, Рубинштейн
Когда волнуется желтеющая нива	Балакирев, Гречанинов, Римский-Корсаков
Купец Калашников (поэма)	Рубинштейн (опера)
Любовь мертвеца	Чайковский (для мужского голоса)
Маскарад (драма)	Гербер Ю.Г. (1-й акт неоконченной оперы), Глазунов (увертюра и антракты, нигде не исполнялась)
Метель шумит и снег валит	Кюи
Мне грустно	Балакирев, Даргомыжский, Римский-Корсаков
Молитва (В минуту жизни трудную)	Глинка, Мусоргский, Лист Ф. (на немецкий перевод)
Мищери (поэма)	Ипполитов-Иванов (симфоническая поэма), Голос с оркестром: Песня рыбки, Сенилов (симфоническая поэма)
На севере диком (см. Сосна)	Давыдов, Даргомыжский (трио)
Не плачь, не плачь, мое дитя	Мяковский
Небо и звезды (Чистое вечернее небо). Ночевала тучка золотая, см. Утес	Гречанинов
Нет, не тебя так пылко я люблю	Мяковский
Она поет и звуки тают	Кюи, Мяковский

<i>Заглавия стихотворений Лермонтова</i>	<i>Фамилии композиторов, написавших музыку на эти стихотворения</i>
Они любили друг друга	Блюменфельд, Кенеман, Кюи, Мясковский, Черепнин Н.
Отворите мне темницу	Рубинштейн
Пленный рыцарь	Кюи
Пророк	Кюи
Прости, мы не встретимся боле	Мясковский
Песня (желтый лист о стебель бьется)	Балакирев,
Песня золотой рыбки	Аренский, Балакирев, Даргомыжский, Ипполитов-Иванов (см. Мцыри)
Песня Селима	Балакирев
Расстались мы	Шиловская
Романс (Ты идешь на поле битвы)	Мясковский
Русалка	Ильинский А.А. (для женского хора с оркестром), Катуар (для соло, хора и оркестра, М.: Юргенсон), Рубинштейн (для женского хора и оркестра), Штернберг М. (для оркестра, сопрано соло и женского хора), Ребиков (меломимика)
Слышу ли голос твой	Балакирев, Блюменфельд, Глинка, Гречанинов, Даргомыжский, Рубинштейн, Сотников
Солнце	Мясковский
Сон (В полдневный жар)	Балакирев, Сотников
Сосна из Гейне (см. На севередиком)	Балакирев, Давыдов, Даргомыжский (трио), Ребиков (меломимика)
Соседка	Свиридов Ю. (для мужского хора)
Тамара	Балакирев (симфоническая поэма), Барон Фитингоф-Шелль (опера) на сюжет Демона
Тебе мой дар смиренный	Гречанинов
Три пальмы	Спендиаров (симфоническая картина оп.10, Изд. Беляева. С успехом неоднократно исполнялась)
Тучки небесные (Les nuages)	Voüval (French), Даргомыжский, Огарев, Рубинштейн
У врат обители святой	Блюменфельд, Давыдов, Кюи, Медтнер, Направник
Умирающий гладиатор	Блюменфельд, Лисовский Л. (мелодекламация), Бларамберг П.И. (симфоническая картина)
Утес (Ночевала тучка золотая)	Балакирев, Блюменфельд, Давыдов, Даргомыжский (трио), Касьянов, Лукин (музыкальная картина для арфы), Рахманинов (симфоническая поэма, ор. 7, 1893 с эпиграфом: (Ночевала тучка золотая), Римский-Корсаков, Рубинштейн, Ребиков (меломимика), Сотников

<i>Заглавия стихотворений Лермонтова</i>	<i>Фамилии композиторов, написавших музыку на эти стихотворения</i>
Хаджи-Абрек (поэма)	Рубинштейн (опера), Траилин С.А.
Чаша жизни	Сотников
2. Список композиторов	
Афанасьев	Как луч зари (вокальный квинтет)
Агренов-Славянский	Боярин Орша (опера) поставлена в Тифлисе в 1910 г.
Александров Ан.	Бэла (опера)
Аренский	Песня рыбки из Мцыри. Как одинокая гробница (для хора)
Архангельский А.	Казначейша (опера)
Асафьев	Казначейша, Ашик-Кериб (балет)
Балакирев	Слышу ли голос твой. Из под таинственной холодной полумаски. Когда волнуется желтеющая нива. Мне грустно. Песня рыбки. Сосна. Сон. Утес. Песня Селима. Еврейская мелодия. Песня (желтый лист о стебель бьется). Тамара (симфоническая поэма)
Бахметьев	Казачья колыбельная
Бегишева	Волны и люди
Бларамберг	Умиравший гладиатор (симфоническая картина). Демон (кантата для концертного исполнения)
Блюменфельд	У врат обители святой. Слышу ли голос твой. Они любили друг друга. Умиравший гладиатор. Утес
Буваль (фр.композитор)	Тучки небесные (современная французская песня. Т. 1)
Варламов	Ангел (соло). Благодарность (за все, за все тебя Благодарю
Гербер	Маскарад (1-й акт неоконченной оперы)
Глазунов	Маскарад (увертюра и антракты)
Глинка	Слышу ли голос твой. Молитва (в минуту жизни трудную)
Гречанинов	Колыбельная. 5 песен, пер. на англ. яз.: Тебе мой друг смиренный. По небу полночи ангел летел. Когда волнуется желтеющая нива. Слышу ли Голос твой. Небо и звезды
Гунке	И скучно и грустно
Гурылев	И скучно и грустно
Давыдов	Выхожу один я на дорогу. Как дух отчаяния и зла. Как небеса твой взор блистает. Кинжал. На севере диком. У врат обители святой. Утес. Дары Терека (симфоническая поэма)

<i>Заглавия стихотворений Лермонтова</i>	<i>Фамилии композиторов, написавших музыку на эти стихотворения</i>
Даргомьжский	Мне грустно. И скучно и грустно. Песня рыбки из Мцыри. Тучки небесные. На севере диком (трио). Утес (трио). Слышу ли голос твой
Делюсто	И скучно и грустно
Евсеев	И скучно и грустно
Ильинский А.А.	Русалка (для женского хора с оркестром)
Ипполитов-Иванов	Мцыри (симфоническая поэма). Голос с оркестром (песня рыбки)
Касьянов А.	Утес (М. 1925)
Кастриото-Скандерберг	И скучно и грустно
Катуар	Русалка (ор. 5 для соло, хора и оркестра)
Кенеман	Они любили друг друга
Киришбаум	Два великана (мелодекламация)
Корешенко А.	Ангел смерти (опера), ор. 10 двухактная Неизданная (из 90-х гг. 19 ст.)
Кротков	Боярин Орша (опера), последние гг. 19 ст.
Куракин, князь	Волны и Люди
Кюи	Кинжал. Она поет и звуки тают. Они любили Друг друга. Будь со мною (ор. 33, № 6). Вверху Одна горит звезда. Метель шумит и снег валит. У врат обители святой. Пленный рыцарь. Пророк (С тех пор как вечный судия)
Лентовский Н.Ф.	И скучно и грустно
Лермонтов	Казачья колыбельная (утеряно)
Листовский	Умиравший гладиатор (мелодекламация)
Лист Ф.	Молитва (В минуту жизни трудную) на нем. Перевод
Лодыженский	Жила грузинка молодая
Лукин	Утес (музыкальная картина для арфы)
Ляпунов	Вверху одна горит звезда
Медтнер	У врат обители святой, ор. с 3. Ангел (ор. 1 а)
Мясковский	Колыбельная. Выхожу один я на дорогу. Нет, не тебя так пылко я люблю. К портрету (Как мальчик кудравый). Солнце. Они любили друг друга. В альбом (Как одинокая гробница). Романс (Ты идешь на поле битвы). Она поет. Не плачь, не плачь, мое дитя. Из альбома (Любил и я в былые годы). Прости, мы не встретимся боле
Мясоедов Н.	Воздушный корабль (мелодекламация)

<i>Заглавия стихотворений Лермонтова</i>	<i>Фамилии композиторов, написавших музыку на эти стихотворения</i>
Направник	Демон (симфоническая поэма). Аранжирована для 4 рук автором. К Каждой части приведены определенные строфы поэмы
Огарев	Есть речи значение. Тучки
Плото	Волны и люди
Рахманинов	Ангел (для женского хора). Утес (симфоническая поэма) оп. 7, 1893, эпитафия: Ночевала тучка золотая
Ребиков	Меломимики на следующие стихотворения: Утес. Русалка. Парус. Сосна. Ангел. Ор. 19, № 1, 3. 4. 5, 6 (Москва, Юргенсон)
Римский-Корсаков	Утес. Как небеса твой взор блистает. Когда волнуется Желтеющая нива, ор. 40, изд. Беляева. Ангел, то же, ор. 41. Мне грустно (все для средн. гол.)
Рубинштейн А.	Отворите мне темницу. Утес. Белеет парус одинокий. Еврейская мелодия. Слышу ли голос твой. Тучки Небесные. Кинжал. Ангел (дуэт). Горные вершины (дуэт). Демон (опера). Купец Калашников (опера). Хаджи Абрек (опера). Русалка (женский хор и оркестр)
Сенилов	Мцыри (симфоническая поэма)
Смирницкая	Благодарность
Сотников	Вечер. Слышу ли голос твой. Сон. Утес. Чаша жизни
Спендиаров	Три пальмы (симфоническая картина), ор. 10, изд. Беляева, Лейпциг – СПб. 1907
Траилин	Хаджи Абрек (опера) никогда не исполнялась
Фистуляри	Арбенин (на сюжет Маскарада) опера. Боярин Орша (опера)
Финингоф-Шелл, барон	Тамара (опера) на сюжет Демона
Христианович Н.Ф.	Демон (кантата, неизданная)
Чайковский	Любовь мертвеца (для мужского голоса, ор. 38. № 5)
Черепнин Н.	Колыбельная. Они любили друг друга
Шашина	Выхожу один я на дорогу
Шиловская	Расстались мы

Примечание

Вернадская (урожд. Ильинская) Нина Владимировна (1884 – 16 октября 1971), двоюродная сестра Георгия Вернадского, вышла за него замуж в 1908 г. Окончила историко-филологическое отделение Высших женских курсов в Москве, занималась музыкой и пением, выступала в концертах. В.И. Вернадский тяжело переживал женитьбу сына, поскольку было известно, что у Нины не будет детей, однако внешне в семье поддерживались теплые отношения. Нина Владимировна регулярно переписывалась с В.И. и Н.Е. Вернадскими в течение всей жизни.

ВОСПОМИНАНИЯ ПРАСКОВЬИ КИРИЛЛОВНЫ КАЗАКОВОЙ О СЕМЬЕ ВЕРНАДСКИХ^{1*}

Я поступила к Вернадским 16 января 1909 года. Жили они в это время во дворе Московского университета, в небольшом каменном доме, во втором этаже. Квартира была казенная. Напротив, на той же площадке была квартира геолога Алексея Петровича Павлова. Жена его, Мария Васильевна тоже была геолог [1]. Они бывали изредка у Вернадских, но большой дружбы у них не было.

Семья Вернадских состояла из профессора минералогии Владимира Ивановича Вернадского, жены его Натальи Егоровны и дочки Ниночки, 11 лет. Она училась в гимназии Алферовой [2].

Сын Владимира Ивановича – Георгий в это время уже жил отдельно. Он женился в 1908 году, за год до моего поступления [3]. Кроме меня служила еще кухарка – старенькая Ульяна Ивановна.

В.И. вставал рано, в 7-8 ч., Н.Е. тоже вставала рано, оба пили кофе и В. И. уходил в Университет. Завтракали в 12 час., а обед был в 6 час. вечера. Еда была самая простая. В.И. любил кислые щи, котлеты, клюквенный кисель. В последние годы жизни он стал избегать мясного. Он терпеть не мог никаких «внутренностей» - печенки, мозгов, почек и не любил, чтобы селедку подавали на стол с головой.

Он любил животных и ему было неприятно, когда кушанье напоминало живое существо. Водки я у них дома не видела, и вина также.

За обедом часто кто-нибудь бывал – иногда приезжие.

Из знакомых в первые годы часто бывал Агафангел Ефимович Крымский. В.И. его любил и часто приглашал [4].

Из друзей я помню многих. Особенно часто видела я Д.И. Шаховского; приезжал иногда из Петербурга С.Ф. Ольденбург [5]. Из Харькова – Андрей Николаевич Краснов [6]. Из москвичей бывал П.И. Новгородцев и жена его Лидия Антоновна, Яков Владимирович Самойлов (которого В.И. очень любил), Виссарион Виссарионович Карандеев, Елизавета Дмитриевна Ревуцкая и Анна Болеславна Миссуна [7]. Часто бывал А.Е. Ферсман – любимый ученик Вл. Ив. Вл. его очень любил, всегда говорил, что он очень талантливый. А.Е. незадолго перед тем женился и приходил иногда вдвоем с женой [8]. Они приносили корзинку с минералами. Оба были под пару: небольшие и толстенки. Из профессоров бывал Сергей Алексеевич Чаплыгин [9].

Один раз в неделю собиралась молодежь: Георгий с женой и их друзья, молодые Шаховские [10], молодой Ольденбург Сергей Сергеевич [11] (сын Сергея Федоровича). Н.Е. требовала, чтобы приходили во время, не опаздывали, но это не всегда соблюдалось, и она делала замечания.

1. По-видимому, записаны А.Д. Шаховской. Из личного архива Елизаветы Михайловны Шик – племянницы А.Д. Шаховской. 5 августа 2004 г.

Надо сказать, что Георгий с женой обедали у нас обычно, каждый день, остальные же приходили раз в неделю.

Вечером В.И. обычно работал дома. В театр он почти не ходил, только раз, помню, был на «Снегурочке» на дневном спектакле. Гости долго вечером не сидели, после ужина переходили беседовать в кабинет и быстро расходились. Понимали, что время В.И. дорого. Ложился В.И. не поздно, по ночам он никогда не работал.

Как хозяин В.И. был никудышный. Раз поднялось молоко, а никого в комнате не было. В.И. проходил мимо: он все же снял молоко, догадался. И спрашивает: «Так ли я поступил?». Я ему ответила: «А если бы Вы так не поступили, то молоко бы все ушло».

Меня он долго не мог запомнить, как зовут – все звал Маргаритой Кирилловной. (У меня была знакомая, которую так звали – Морозова).

Зимой 1910 г. Ниночка заболела скарлатиной. В.И. очень беспокоился, т.к. она болела тяжело, были осложнения на почки и на уши. Мне кажется, в начале пропустили что-то в ее болезни (лечил доктор Филатов [12]), потом приехал из Казани их старый друг доктор Аргутинский [13] и он советовал ее увезти поскорее в деревню. Так и решили. Мы совсем уже собрались в деревню, уже были взяты билеты, как пришла телеграмма из Петербурга от друзей Вернадский, Гревсов, что у них умерла дочь – Шура [14] – от базедовой болезни. И Н.Е. поехала к ним в Петербург, мы поехали в Вернадовку без нее.

В Вернадовке В.И. как-то посадили на гумне, принимать снопы. Но он сидел в плаще и в шляпе с книгой и ничего не видал, сколько снопов и какие они. Картина была замечательная. Он сидел как настоящий профессор. По утрам он ходил гулять по саду (леса близко не было) и мне рассказывал, что он видел гриб, чтобы я пошла его сорвать. При этом он всегда предупреждал: «Только смотрите хорошенько, хороший ли это гриб, чтобы не отравиться». Летом ему делали из творогу пасху и крендель, он очень наслаждался этим, сладкое он очень любил.

Служила у них еще девчонка из деревни. Один раз она хотела отпроситься погулять и никак не могла найти Наталью Егоровну. Встретила В.И. и спрашивает его: «Ты не знаешь, где Наталья?». Он кротко ответил: «Какая Наталья? Наталья Егоровна?». «Ну, да», ответила девчонка, и побежала дальше. Вскоре после этого входит девчонка в комнату и говорит Н.Е.: «Пойди, тебя Василий Андреевич спрашивает». Н.Е. не знала, кто это. Она оправила прическу, подошла к зеркалу посмотреть, все ли у нее в порядке и вышла в переднюю. Перед ней стоял подпасок. Она после этого говорила со смехом: «Странно: я – Наталья, а мальчишка – Василий Андреевич!».

Мне кажется этот случай очень ясно показывает, какие люди были Вернадские. Другие академики не так бы к этому отнеслись.

В.И. очень любил цветы – он рассматривал каждый цветочек, близко поднося к глазам. И часто с прогулки приносил цветы. Но когда ему

подносили цветы он всегда огорчался и смущался, что на это потратили много денег.

В деревне было хорошо. Земля была плодородная, урожаи благодатные. Ниночка совсем поправилась и чувствовала себя хорошо. Тут мы с ней подружились. Раньше в Москве у нее как будто был против меня какой-то протест. А во время болезни она была такая нервная, что с ней справлялся только Сергей Сергеевич Ольденбург (студент, друг их семьи), который играл с ней по целым дням. Он все воскресенья проводил с Ниночкой и ее подругами. Он очень любил детей и особенно девочек.

Здесь в Вернадовке Ниночка как-то подошла ко мне, обняла и говорит: «Ты мягкая как пушок». С этих пор мы очень сдружились. Она и после звала меня «Пушок, Пушенька».

В.И. никуда не уезжал это лето, он все время занимался.

Лето прошло очень хорошо и это единственный раз я была в Вернадовке.

Когда мы осенью вернулись в Москву, тут стала с нами жить племянница В.И. Анна Сергеевна Короленко, дочь сестры В.И. – Екатерины Ивановны; мать ее умерла в августе и Анна Сергеевна потому и переехала к Вернадским [15]. Она была очень хороший и милый человек, В.И. любил ее как родную дочь. Она была музыкантша, играла на арфе.

Она была болезненная и умерла очень рано от туберкулеза (в 1917 г.). Но в то время, когда она переехала к нам, она казалась еще совсем здоровой, только всегда была худенькая.

В феврале 1911 г. в университете было неблагополучно. Профессора решили протестовать против царского правительства (тогда был министром народного просвещения Кассо) и получилось так, что очень многие профессора должны были подать просьбу об отставке. Этим они хотели поддержать своих товарищей, которых Кассо уволил. В том числе подал в отставку и В.И. и многие из знакомых профессоров. Так как В.И. уже был академиком, то Вернадские решили переехать в Петербург [16].

Н.Е. спросила меня, желаю ли я ехать. Я, конечно, без всякого колебания согласилась. Я так оценила отношение Вернадских к людям, они были ко мне так хороши, что я всецело привязалась к ним (у меня своей семьи не было) и жила с ними (с небольшими перерывами) до самой их смерти.

Н.Е. поехала ранней весной в Петербург поискать квартиру и по рекомендации И.М. Гревса сняла квартиру на 14-ой линии Васильевского острова, откуда хозяин как раз переезжал в Москву. В этой квартире мы прожили около году, а потом Академия дала казенную квартиру, которая освободилась после смерти академика Чернышева [17].

В.И. весной же уехал в экспедицию надолго. С ним уехали Самойлов и другие ученики.

Н.Е. уехала в Полтаву на лето, а я это лето прожила у своих друзей под Москвой, а в августе поехала в Петербург в новую квартиру, куда вещи уже были переправлены.

Помню, что первыми приехали Н.Е. с Ниночкой, потом уже приехал В.И. Квартира была большая просторная в 3-ем этаже в хорошем новом доме. Всего 6 комнат. Кабинет был большой с застекленным балкончиком, книги разместились хорошо.

В.И. ходил работать в Музей в Тучков пер.[18]; он выходил рано, провожал Ниночку в гимназию. А в следующем году, когда в Петербург переехал А.Е. Ферсман, он и к нему иногда заходил утром, пока тот еще не вышел из дому, заходил для того, чтобы склонить А.Е. идти пешком, а не ехать на извозчике, так как А.Е. полнел и ему надо было больше ходить пешком.

Образ жизни Вернадских остался тот же, но круг друзей был другой. Чаще всего бывали его друзья по общественной работе: Иван Ильич Петрункевич с женой (это были такая же неразлучная пара, как В.И. с Н.Е. [19]), Милюковы [20], Гревсы, Корниловы [21], С.Ф. Ольденбург (он был в это время уже непременным секретарем Академии), братья Зарудные (двоюродные братья Н.Е.), особенно Сергей Митрофанович, очень остроумный, шутник, писавший часто шутливые стихи. Из родных бывали: родная сестра В.И. Ольга Ивановна Алексеева [22], Борис Львович Модзалевский [23], Марченко [24] и другие.

Анна Сергеевна Короленко все время жила с ними. Она выступала на концертах и много играла каждый день, здоровье ее было еще ничего.

Ниночка поступила в гимназию. Она быстро подружилась с дочкой Милюкова Такой [25]; да и другие подруги у нее скоро появились, она была очень веселая и ласковая и быстро дружилась.

Зима прошла хорошо. Весной Н.Е. уехала с Ниночкой за границу полечить сердце. Они поехали вместе с Милюковыми, женой и дочкой Павла Николаевича, а Анна Сергеевна Короленко уехала к своим друзьям в немецкую Швейцарию.

Я же поехала, как и в предыдущем году, к моим друзьям под Москвой в Бутово. Во второй половине лета мы должны были все съехаться в имении Городок Витебской губ. Оно принадлежало Марку Марковичу Любоцинскому [26]. Сестра Н.Е. Анна Егоровна [27] была за ним замужем. Я поехала из Бутова и в Москве на вокзале мы встретились с В.И., как было условлено и поехали вместе. Но в Витебске он остался, чтобы встретить Н.Е. (которая возвращалась из-за границы). И в имение мы приехали одни поздно ночью. Мы едва-едва нашли, кто бы нас довез до станции, так как там был шабаш - еврейский праздник. Нас уложили в большой пустой комнате. Ранним утром нас разбудили чьи-то шаги на балконе: оказалось, что ночью пришел со станции пешком Георгий. Он тоже приехал встретить мать, но уже не мог найти извозчика.

На другой день приехали в лодке по озеру (Лосвидо) В.И. с Н.Е. и Ниночкой. Они проехали до другой станции, чем мы – до станции Лосвидо. В.И. здесь очень много гулял, место было очень красивое, много леса и чудное озеро. Там было много аистов. Очень красиво было когда цвел лен.

К осени все собрались снова в Петербург. Поселились в новой академической квартире на 7-ой линии. Там жили еще академики: Фаминцын, Карпинский, Бородин, Марков, Лаппо-Данилевский [28].

Впоследствии, после смерти Лаппо-Данилевского, туда поселился академик Крачковский, Щербатской [29] и Ферсман. Потом в этом же доме жили: Ляпунов, Сушкины, Иван Петрович Павлов, Радлов, Марр [30] и другие. Квартира была еще больше прежней – 8 комнат, во втором этаже, очень хорошая. В.И. было ближе ходить до музея.

Зима прошла без особых событий. А весной всей семьей поехали в Полтаву и около Полтавы наняли дачку на Псле (дача Красовского). В это же лето Вернадские купили участок земли на Псле и поучили одному крестьянину, чтобы он следил за постройкой дома. Георгий с женой также это лето жили вместе с родителями на даче. В.И. с середины лета поехал в Америку на Международный геологический конгресс. Анна Сергеевна также уехала в Америку на съезд христианской молодежи.

С дачи в этом году уехали рано, так как Н.Е. поехала в Полтаву пожить с матерью [31], Георгий Владимирович в Киев на съезд и выставку по кооперации, а я с старушкой кухаркой – в Петербург. Заезжали по пути в Киев посмотреть его.

Следующее лето, 1914 г. мы тоже жили в Шишаках, так назывался хутор Вернадских на Псле. Это лето В.И. был в отъезде, не помню где [32], на хуторе жили Н.Е. с Ниночкой и сын Георгий Владимирович с женой.

Ближайший наш сосед был известный земский врач, доктор Яковенко [33]. Вся семья были врачи и к ним было настоящее паломничество из окрестных деревень, чтобы полечиться. И они никому не отказывали.

В июле объявили войну, бабы взвыли, мужчин многих забрали.

В этом году на хуторе уже посадили огород, сделали чудный бетонный колодец, вода там была прекрасная. Дом выстроен был большой. Низ – кухня и напротив комната для работницы, затем – большая комната – столовая и сбоку две комнаты для приезжих. В одной из этих комнат стояло пианино, часто приходила невестка Яковенок, и они пели с Ниной Владимировной (женой Георгия Владимировича).

Во втором этаже были комнаты В.И., Нюты, Ниночки, Н.Е., молодых Вернадских и Корниловых (они жили это лето у нас всей семьей). Во втором этаже тоже был большой балкон. И наконец, с чердака была еще одна комнатка (третий этаж) со стеклянной дверью вместо окна. В этой комнатке поселили меня. Дверь я никогда не закрывала все лето.

Из комнаты был чудный вид на Псел и даже были видны Сорочинцы, когда там зажигались огни. Вес это мне очень нравилось.

Ниночка увлекалась Украиной. Она выучилась по-украински, у нее были большие способности к языкам, и одевалась она по-украински. Ниночка любила всю полевую работу: сама косила, жала. Она сама стирала большие холщевые рубашки; повесит и зовет посмотреть, как выстирала. А я нарочно скажу: «Как шкуры воловьи висят». Она на меня с кулаками.

Брат Н.Е. – Георгий Егорович Старицкий[34] выстроил небольшую дачку рядом с Вернадскими. Сын сторожа так докладывал ему о приходе Вернадских: «Тут приходила Нинка и отец ейный».

В.И. вставал очень рано, как только я спущусь с лестницы, он уже входит и садится за стол. Я скажу: «В.И., я еще кофе не варила». Он скажет: «Ну, я пойду, погуляю». И пойдет на гору, которая называлась «Кобыла». Она напоминала формой седло. После кофе он садился работать, читать или писать. Иногда к вечеру он еще раз гулял. Вечером все ложились рано, так как рано наступала темнота. Часто гостил в Шишаках молодой юноша, Коля Нагуляк, очень веселый. Он выстроил будку для щенка, которого все очень любили и написал «Дом Марса». В.И. это очень понравилось. Коля Нагуляк был из Полтавы. Отец его ухаживал за отцом Н.Е. в последние годы его жизни (он был слепой), а после его смерти он вел хозяйство у сестры Н.Е. – Марии Егоровны Старицкой [35]. Она жила на пенсию после отца (Егор Павлович был сенатором).

Жизнь наша шла без больших изменений до 1917 года. В этом году умерла в конце зимы Анна Сергеевна Короленко от туберкулеза. Она болела уже несколько лет. В эту зиму ее устроили в санатории в Финляндии, но ей стало там только хуже. Там применили к ней какое-то новое лечение (кажется, прививка туберкулина), но оно ей на пользу не пошло. Туда она поехала еще бодрая, а когда приехала, ее уже внесли наверх в кресле.

После приезда из санатории А.С. прожила уже недолго, всего несколько недель. Умерла она как раз в дни февральской революции. В последние дни ее жизни было уже очень тревожно, она что-то поняла и спросила: «Как –будто что-то происходит?». Но ей ничего не сказали. Умерла она спокойно и тихо. В гробу она лежала необыкновенно красивая. В.И. очень любил ее, и очень тяжело пережил ее смерть, но был очень сдержан. У него вообще было очень особенное отношение к смерти. Он принимал ее мирно, как неизбежный удел всех. Но все же было видно, что он очень потрясен.

Весной Ниночка очень захотела поехать на Украину. Она в это время уже училась медицине в Высшем учебном заведении, занималась у Ивана Петровича Павлова, он был ею очень доволен.

Ни В.И., ни Н.Е. ехать не могли, и я согласилась поехать с ней. Меня уговорили. Мы выехали 17 июня 1917 г. Мы добрались благопо-

лучно, хотя ехали в обществе пьяных солдат; и поселились в доме вдвоем, а сторож жил в отдельной хате. Страха у нас не было, а Н.Е. не могла спать в Петербурге от тревоги за нас, что мы одни в доме, а время такое неспокойное.

Вдруг ночью стук в окно. Оказалось В.И. и говорит: «Что же Вы не выслали за мной на станцию лошадь?». Он послал телеграмму, а мы ее получили только через несколько дней после его приезда. Он прожил с нами около месяца, а потом пришла телеграмма из Петербурга, и он уехал для работы в Министерстве народного просвещения. Его вызвал С.Ф. Ольденбург [36].

Скоро нам написали из Петрограда, что там плохо с продовольствием. И мы поехали в Полтаву к брату Н.Е. Георгию Егоровичу Старицкому, который жил там с семьей в своем доме. У него было трое детей [37]. Ниночка стала изучать английский язык с англичанкой Старицких. Англичанка была очень милая и сама в свою очередь стала учиться русскому языку. Они с Ниночкой ей для практики читали после обеда «Войну и мир». Я тоже слушала это чтение с удовольствием.

В октябре приехал к нам в Полтаву В.И. навестить дочку [38]. Назад в Петроград было трудно проехать, и он остался в Полтаве. Мы все беспокоились за Н.Е., которая одна оставалась в Петрограде. Но счастливый случай помог ей приехать, что для нас было совершенно неожиданно. Дочь Владимира Галактионовича Короленко, Софья Владимировна повезла статью своего отца в Петроград [39]. Перед тем, как ехать обратно, она позвонила Н.Е., не хочет ли она поехать с ней в Полтаву, ей были обеспечены билеты.

Н.Е. страшно обрадовалась и поехала в чем была без всяких вещей. Собираться уже не было времени. А к нам она приехала как раз во время рождественской елки. И каково же было наше удивление и радость при виде ее.

Так вся семья собралась в Полтаве. Выехать уже куда было нельзя. Дом был вместительный с большим садом. В.И. с Н.Е. отвели даже отдельную комнату, а мы с Ниночкой спали в кабинете Георгия Егоровича. Ниночка спала на трехспальной кровати и когда ночью бывали обыски, то солдаты никак не могли заглянуть под кровать, приходилось становиться на коленки.

Один раз я увидела на улице идет колонна солдат, не очень много, с жовто-блакитным (желто-голубым) флагом. Я спросила, что это и мне сказали, что это отделение Украины от России [40]. Я очень плакала, так как никогда не считала украинцев чужими.

Жили только благодаря своему хозяйству (была корова), так как денег уже никому не платили. Но благодаря корове голода не было. 9 марта 1918 г. пришли в Полтаву немцы. Они там были недолго и пошли дальше. В мае В. И. вызвали в Киев для работы по народному образованию [41]. Когда он собрался ехать, то я упросила, чтобы меня захватили до Шишак. С приходом весны меня все время разбирала мысль

посадить огород, так как иметь свои продукты в то время было очень важно. В Шишаках оказалось, что дом расхищен, украдены даже кусты клубники и абрикосовые деревья. Но все же я там поселилась и прожила до августа. И овощи собрала.

А за это время В.И. написал Н.Е. и Ниночку в Киев. Ниночка из Киева ко мне летом приезжала, а в августе они меня выписали тоже в Киев. Они просили меня засушить разных трав для чая. Я привезла шесть сортов трав. Кроме того, привезла продовольствие, посуду, тюфяки, самовар.

В Киеве Вернадские сначала поселились у родственницы Н.Е. Елены Петровны Старицкой [42], но там они пробыли недолго. Потом их пригласил профессор гигиены Добровольский [43], он им предоставил свою квартиру.

Когда он возвратился, то Вернадские переехали в гимназию на Бибиковском бульваре. Учения в гимназии не было. У них была одна большая комната в два окна и по бокам от нее две очень узенькие комнатки по одному окну. Большая комната была столовая и мы с Н.Е. спали в ней же, а в узких – В.И. и Ниночка. Мебели почти не было. У В.И. был все-таки стол, один стул и остов от дивана. В большой комнате стоял большой стол, который ходил ходуном, а кругом него стояли чемоданы и корзинки, на которых сидели. Посуда стояла на окнах и на полу. В комнате у Ниночки были только одни козлы. Была еще ванная комнатка. Там поставили печку и можно было готовить и кипятить чай. Все привезенное мной очень пригодилось.

У Вернадских всегда толпился народ. Бывали и приезжие. Через некоторое время недостаток мебели был ликвидирован благодаря случайности. У В.И. был в Киеве дальний родственник по матери Кун, инженер [44]. Он часто заходил.

У невестки его (жены брата) была в Киеве большая хорошо меблированная квартира. Она сдала квартиру, а одну комнату оставила для мебели. Но после ее отъезда потребовали освобождения этой комнаты и тогда Кун предложил эту мебель временно взять Вернадским. Тогда у нас появились две хороших кровати, обеденный стол, шкаф для посуды и сидеть стали на венских стульях. Получилась уютная квартира. В.И. работал во всю, так как он организовал Украинскую Академию наук.

Наступил 1919 г. В это время власть менялась очень часто. В Киеве были немецкие войска. Но они в жизнь граждан не вмешивались. Их заставляли каждый день посылать посылки в Германию, так что можно сказать они кормили своих родных целый год.

Как-то мы увидели, что немцы ушли. Но тут мы оказались в большой опасности, так как в гимназии, где мы жили, помещался штаб какой-то армии и потому было ясно, что здание будет подвергнуто бомбардировке. Нам пришлось в виду этого, снова перебраться к Добровольским.

Все это лето Киев переходил из рук в руки. В моменты безвластия были ужасные грабежи. Наконец, осенью 1919 г. твердо установилась советская власть [45]. Осенью Вернадские двинулись из Киева в Полтаву к Ниночке, которая была там. Я с ними. Дальше они поехали в Крым, в Ялту [46], а я с ними разлучилась. Я заболела сильно воспалением легких и осталась одна больная в Полтаве.

Когда я стала поправляться, было очень голодно. Наконец, когда сил стало больше, я взялась за стирку у соседей, получила 200 р., тотчас пошла на рынок, купила хлеба и сала и после долгого времени поела досыта. Чтобы прокормиться, я поступила служить к одному местному гражданину с двумя девочками 12 и 6 лет, за которыми я и присматривала, так как мать их умерла от тифа незадолго до этого.

Выехать из Полтавы было нельзя и разлука моя с Вернадскими продолжалась до 1921 г. А В.И. в это время был ректором университета в Симферополе. Знакомые про него говорили: «Куда Вернадский приедет, сейчас же лавочку открывает». И правда, в Киеве он организовал Украинскую Академию наук, и везде он что-нибудь новое устраивал. Выбралась я из Полтавы только в конце 1921 г. Это было так. Заболел в Полтаве Владимир Галактионович Короленко и к нему вызвали из Москвы врача В.К. Хорошко [47]. Когда он поехал назад в Москву, он смог захватить меня с собой и довез до Москвы. А дальше я уже сама добралась до Петрограда.

Я застала В.И. только что вернувшимся из Мурманска, куда он ездил с Ниночкой [48]. Он был похудевший, но как всегда полный стремления работать. Жизнь в Петрограде в это время была трудной. Вдруг С.Ф. Ольденбург сообщил В.И., что Академия наук получила письмо из Парижа, что В.И. приглашают читать лекции в Сорбонне. И весной Вернадские собрались за границу. Я снова осталась одна, стерегла их квартиру. Когда срок командировки В.И. прошел, ему стали писать из Академии наук, чтобы он вернулся. Но он отказывался возвращаться, так как мадам Кюри как раз предложила ему работу в своей лаборатории, и он не хотел бросать свою работу на половине [49].

В это время в их квартиру от Академии наук вселили академика Успенского и еще какую-то даму с сыном [50]. Шли разговоры, что квартиру совсем отнимут, так как В.И. все не возвращался. Я уехала тогда к друзьям под Москву.

В 1926 г. В.И. вернулся; он закончил работу у Кюри и написал, что он может вернуться, если Академия наук захочет его снова принять, и если дадут возможность работать по живому веществу [51]. Академия наук его пригласила и тут работа закипела. Работала больше молодежь, собирали разные растения для анализа. Когда они приходили, мы говорили: «Вот пришло живое вещество», или говорили: «Вот пришли метеориты», так как В.И. одновременно организовал и Комиссию по метеоритам. В Комиссии по метеоритам работал уже Леонид Алексеевич Кулик [52].

Кроме молодежи часто бывали и старые друзья и сверстники. Особенно часто бывал А.Е. Ферсман, полный сил, живой, говорливый. Он снова пополнел, а когда он приезжал в Киев к В.И. в начале 1919 г., то пиджак на нем так висел, что можно было им обернуться в два раза. А.Е. любил пошутить: бывало, позвонит к Елизавете Дмитриевне Ревуцкой (с которой он тоже очень дружил) [53], а сам спрячется за дверь. Одна кухарка говорила про него: «Этот барин – заводной». В.И. очень его любил и оживлялся, когда он приходил. Еще бывали в это время Кауфман, Обольянинов, иногда доктор Ушинский [54], изредка С.Ф. Ольденбург, И.М. Гревс. Гревс любил подтрунивать над В.И. Часто бывал зоолог Сушкин (он жил рядом), доктор Чистович [55].

Вскоре после приезда из Парижа Вернадские поехали в Прагу на несколько месяцев, Ниночка вышла там замуж и осталась. Она стала врачом. В 1929 г. В.И. стал дедом. У Ниночки родилась дочка Танечка, которую В.И. нежно любил. Перед мировой войной Нина Владимировна переехала в Америку. В.И. всегда мечтал под конец жизни жить с дочкой и внучкой.

Не помню в каком году часть нашей квартиры отошла С.Ф. Ольденбургу, старому другу В.И. Сергей Федорович очень постарел, здоровье его стало сдавать. Оказалось, что у него рак. Я помню как в последний раз видела С.Ф. уже незадолго до его смерти. Он сидел во дворе на стуле, очень желтый, и когда я сказала, что В.И. скоро приедет (В.И. был тогда за границей) он ничем не отозвался. Видно, что ему уже было не до того. С.Ф. умер в 1934 г. в феврале.

В 1935 г., когда Академию наук перевели в Москву, В.И. тоже предложили переехать. И предложили ему квартиру в Москве. Он съездил в Москву, квартира ему понравилась, и они решили переезжать. Весной В.И. и Н.Е. поехали в Узкое, а я осталась в Ленинграде укладывать вещи. Перевозку взяла на себя Академия наук. Перевезли вещи очень быстро и к возвращению В.И. из Узкого, все книги уже были расставлены на полки и все вещи разобраны, благодаря помощи сотрудников лаборатории. В.И. был доволен новой квартирой и жизнь пошла хорошо и спокойно.

С Ниночкой, которая была еще в Праге, они иногда говорили по телефону. Летом ездили в Узкое, где В.И. очень нравилось. Он там находил интересное общество (академиков) и много работал. Ему постоянно возили книги из Москвы, это было ему очень удобно. Книги ему возил шофер целыми пачками. Иногда же они ездили летом в Прагу, чтобы повидаться с Ниночкой, полечиться и для работы В.И. У него в Праге тоже было много друзей.

Летом в Москву приезжала почти каждый год Елизавета Дмитриевна Ревуцкая, одна из самых старых учениц В.И. Раньше в Ленинграде она была младшим хранителем Минералогического музея, а в эти годы

она уже не работала, жила на пенсию. Она была очень хороший милый человек и относилась к Вернадским с очень большим почтением и любовью. Она мечтала перебраться сама в Москву, но никак не могла подыскать комнаты для обмена.

Здесь в Москве стал часто бывать старый друг В.И. Д.И. Шаховской [56]. Он в это время был на пенсии и занимался литературной работой. Очень часто бывал брат Н.Е. инженер Павел Егорович Старицкий [57]. Из старых друзей приезжал иногда из Ленинграда Иван Михайлович Гревс. Бывал также известный педагог Николай Владимирович Чехов [58]. Из своих прежних московских друзей по университету В.И. много общался с академиком Н.Д. Зелинским [59]. Кроме того, часто бывал его заместитель по лаборатории (которая вышла из «живого вещества», теперь она называлась «Биогел») А.П. Виноградов [60], Л.А. Кулик по метеоритам и много еще ученых, всех не вспомнишь.

Здоровье стало изменять В.И., сердце стало плохо работать, часто появлялась аритмия и В.И. стал постоянно пить адонис, который я ему заваривала как настойку. Один раз он болел долго и лежал в постели, у него перестала действовать рука, и боялись, что движение уже не вернется. Но постепенно это прошло, и рука снова стала двигаться. Все же до войны он был еще очень бодрым.

Когда в 1941 г. объявили войну Вернадские были уже в Узком. Они только что отправились туда на лето. В.И. очень волновался, все бегал вниз слушать радио. А когда пошли разговоры об эвакуации Академии наук, Вернадские переехали в Москву.

Сначала думали, что Академия наук поедет в Томск и В.И. отбирал те книги, которые он хотел взять с собой. Оказалось 20 ящиков. Но в последнюю минуту сказали, что поедут в Боровое в Казахстан. Тогда большую часть книг пришлось оставить, взяли с собой только два ящика. Ехать В.И. очень нравилось, он чувствовал себя в вагоне прекрасно, вспомнил путешествия своей молодости.

Когда подъехали к месту, узнали про первый налет на Москву. В Боровом в начале было много неудобств, но В.И. никогда не выражал никаких недовольств, он мирился со всем. Природа же курорта Боровое ему страшно нравилась, он гулял с удовольствием. Гулять он ходил всегда один, верно что-то обдумывал в это время. Первый раз он уходил часов в 8 как только встанет, а второй раз перед вечером в 4 – 5 час. Весь день он по-прежнему занимался, диктовал свою работу, писал письма, читал. Война очень его волновала. Он следил по карте все время и вначале усердно слушал радио. Потом, когда самому ему было уже трудно слушать радио эту обязанность, рассказывать ему каждое утро, что говорили, взяла на себя Мария Фед. Андреева, ближайшая соседка Вернадских по комнате, которая очень с ними подружилась [61].

Она приходила каждое утро во время завтрака и рассказывала все, что передавало Информбюро. Иногда, если В.И. не находил на своей карте тех пунктов, о которых говорилось, он посылал к Л.С. Бергу, у которого была более подробная карта. В Боровом В.И. очень сблизился с Л.С. Бергом и Л.И. Мандельштамом [62].

В Боровом в 1943 г. 3 февраля умерла Н.Е. Болела она очень мало, всего два дня. Вл. Ив. был страшно поражен, он совсем не думал, что дело так плохо. И как он ни был сдержан, тут он совсем потерялся. Он решил, что нужно как можно скорее перебраться к дочке и к внучке в Америку. Он даже готов был лететь на самолете прямо из Борового через Аляску. К счастью, его отговорили от этого невозможного плана, он понял, что надо ждать конца войны и тогда уже поднимать вопрос о переезде в Америку. Как-то еще очень давно он видел во сне, что он умирает в Америке. Он это часто вспоминал. Но умереть в Америке ему не пришлось.

После смерти Н.Е. мы пробыли в Боровом еще до августа. Но с весны шли разговоры о переезде в Москву, составлялись списки, ожидали вагона ... Наконец, дождались. В Москву мы приехали 30 августа 1943 г. Здесь В.И. заметно оживился. Старые друзья, своя привычная обстановка, любимые книги отвлекли его от одиночества, и он как-то меньше стал говорить о переезде в Америку, хотя в будущем этот план все же перед ним стоял. Но силы у него видимо слабели, он многое забывал, стал жаловаться на сердце. Гулять он холил уже не один, а с племянницей, Екатериной Владимировной Ильинской, которая была с Вернадскими и в Боровом [63].

В Узкое он ездил отдыхать и там всегда чувствовал себя хорошо. Там были Ферсманы, которых В.И. очень любил [64].

Заболел В.И. 12 декабря 1944 г. воспалением легких. Началось со страшного озноба, за обедом В.И. не мог есть, так дрожали руки, и сильно поднялась температура. Но после сульфидина температура снизилась, и он быстро стал поправляться. Появился аппетит, самочувствие было хорошее, ему читали вслух почти весь день. Читали Пушкина и других классиков. Но чувствовалась слабость, иногда во время чтения он дремал.

24 декабря в воскресенье он первый раз встал с постели. В этот день у него было много посетителей: А.П. Виноградов, А.Г. Вологдин [65], внучки В. И. Наташа и Соня Фокины [66]. Он был такой бодрый, оживленный, что никому и в голову не приходило, что видит его таким в последний раз.

А в понедельник утром случился удар. В.И. упал. В глазах был ужас, язык не действовал. В.И. всю жизнь боялся удара. И мать и отец его умерли от удара. Его подняли, положили на постель. Тут были лучшие доктора, уход, но ничего не помогло. Старались питать В.И. витаминами, дежурили и сестры и доктора. На 13-й день, 6 января 1945 г. он скончался. Похоронен он на Новодевичьем кладбище.

Примечания В.П. Волкова

1. Павлов Алексей Петрович (1854 – 1929) – геолог, профессор Московского университета с 1886, один из основоположников отечественной геологической школы, академик Петебургской АН (1916); Павлова (урожд. Гортынская) Мария Васильевна (1854 – 1938) – палеонтолог, с 1911 – профессор Московского университета.

2. Вернадская (урожд. Старицкая) Наталья Егоровна (1860 – 1943), вышла замуж за Владимира Ивановича Вернадского в 1886. Вернадская –Толль Нина Владимировна (1898 – 1986) – в будущем врач-психиатр, в эмиграции с 1922. Гимназия А.Д. и А.С. Алферовых была основана в 1839. Ее владельцы в 1919 как участники подпольного антисоветского «Национального центра» были осуждены и расстреляны.

3. Вернадский Георгий Владимирович (1887 – 1973) – историк-славист, с 1920 в эмиграции, профессор Йельского университета (США). Его жена Вернадская (урожд. Ильинская) Нина Владимировна (1884 – 1971) – музыкант-любитель, вместе с мужем в эмиграции с 1920.

4. Крымский Агафангел Ефимович (1871 – 1942) – востоковед, с 1918 жил и работал в Киеве, академик и непреременный секретарь Украинской АН, репрессирован.

5. Шаховской Дмитрий Иванович (1861 – 1939) – общественный деятель, один из лидеров к.-д. партии, ближайший друг В.И. Вернадского со студенческих времен. Репрессирован; Ольденбург Сергей Федорович (1863 – 1934) – востоковед, академик, непреременный секретарь Петербургской АН с 1904.

6. Краснов Андрей Николаевич (1862 – 1914) – ботаник, профессор Харьковского университета с 1889.

7. Новгородцев Павел Иванович (1866 – 1924) – правовед, философ, профессор Московского университета с 1904, с 1920 – в эмиграции; его жена Новгородцева (урожд. Будилович) Лидия Антоновна (1879 – 1951), эмигрантка с 1928; Самойлов Яков Владимирович (1870 – 1925) – минералог, с 1908 – профессор Московского сельскохозяйственного института; Карандеев Виссарион Виссарионович (1878 – 1916) – минералог, с 1911 – профессор Высших женских курсов, погиб на фронте 1-й мировой войны; Ревуцкая Елизавета Дмитриевна (1866 – 1942) – минералог, ассистентка В.И. Вернадского на высших женских курсах. Умерла в блокаду Ленинграда; Миссуна Анна Болеславовна (1868 – 1922) – геолог, ассистентка В.И. Вернадского на Высших женских курсах.

8. Ферсман Александр Евгеньевич (1883 – 1945) – минералог, в 1909 – 1912 – профессор Московского университета, Народного университета им. А.Л. Шанявского. Один из основателей геохимии, академик РАН (1919); Ферсман (урожд. княжна Оболенская) Ольга Николаевна (1887 - ?) была женой А.Е. Ферсмана в 1907 – 1919).

9. Чаплыгин Сергей Алексеевич (1869 – 1942) – физик, с 1903 – профессор Высших женских курсов, с 1905 – директор, академик АН СССР (1929).

10. Шаховской Илья Дмитриевич (1887 – 1916) – физик, сотрудник Пулковской обсерватории, покончил жизнь самоубийством на фронте 1-й мировой войны; Шаховская Наталья Дмитриевна (1890 – 1942) – литератор; Шаховская Анна Дмитриевна (1889 – 1959) – геолог, краевед, близкий друг семьи Вернадской, референт В.И. Вернадского с 1937.

11. Ольденбург Сергей Сергеевич (1888 – 1940) – литератор, историк, с 1920 в эмиграции.

12. О врачах Филатове сведений найти не удалось. По-видимому, он был членом врачебной династии, основатель которой Нил Федорович Филатов (1847 – 1902) был основателем отечественной школы педиатров.

13. Аргутинский-Долгоруков Петр Михайлович (1854 – 1911) – врач, профессор Казанского университета.

14. Гревс Иван Михайлович (1860 – 1941) – историк-медиевист, профессор Петербургского университета с 1899. Ближайший друг В.И. Вернадского со студенческих лет; его жена Гревс (урожд. Зарудная) Мария Сергеевна (1860 – 1941) – педагог, умерла в блокаду Ленинграда; их дочь Гревс Александра Ивановна (1894 – 1910).

15. Короленко (урожд. Вернадская) Екатерина Ивановна (1864 – 1910) после развода с мужем (1898) находилась в депрессивном состоянии и покончила с собой, приняв смертельную дозу снотворного; ее дочь Короленко Анна Сергеевна (1884 – 1917) – воспитанница Смольного института и Петербургской консерватории, преподаватель музыки.

16. После упомянутой акции протеста В.И. Вернадский был уволен из Московского университета и больше в него не возвращался, хотя после падения монархии в марте 1917 был формально восстановлен в штате Московского университета. С 1914 он возглавил Геологический и Минералогический музей им. Петра Великого Петербургской АН. Ординарным академиком он был избран в 1912.

17. Чернышев Феодосий Николаевич (1856 – 1914) – геолог, палеонтолог, академик Петербургской АН с 1909. В этой квартире на Николаевской наб. ½ (с 1918 – наб. лейтенанта Шмидта), на углу 7-й линии Васильевского острова Вернадские проживали до переезда в Москву в 1935.

18. Коллекции музея в 1935 были рассредоточены (минералогическое собрание переведено в Минералогический музей в Москве, палеонтологические – в Палеонтологический институт АН СССР в Москве), а сам музей как структурная единица в АН СССР (Геологический музей им. А.П. Карпинского) упразднен в 1962.

19. Петрункевич Иван Ильич (1843 – 1928) – земский, общественный деятель, один из лидеров к.-д. партии, с 1919 – эмигрант; его жена Петрункевич (урожд. Мальцева) Анастасия Сергеевна (1850 – 1932) – общественный деятель, вместе с мужем с 1919 в эмиграции.

20. Милюков Павел Николаевич (1859 – 1943) – политический, государственный деятель, один из лидеров к.-д. партии, депутат III и IV Государственной думы (1907 – 1917), с 1918 – в эмиграции; его жена Милюкова (урожд. Смирнова) Анна Сергеевна (1861 – 1935) – общественный деятель, феминистка, эмигрантка.

21. Корнилов Александр Александрович (1862 – 1925) – историк, политический деятель, один из лидеров к.-д. партии, близкий друг В.И. Вернадского со студенческих лет; его жена Корнилова (урожд. Федорова) Екатерина Антиповна (1867 – 1942), умерла в блокаду Ленинграда.

22. Зарудный Александр Сергеевич (1863 – 1934) – юрист, государственный деятель, министр во Временном правительстве; Зарудный Сергей Митро-

фанович (1865 – 1940) – юрист; Алексеева (урожд. Вернадская) Ольга Ивановна (1864 – 1920).

23. Модзалевский Борис Львович (1874 – 1928) – историк литературы, член-корреспондент РАН (1918), пушкинист.

24. Каких-либо сведений найти не удалось.

25. Милокова Наталья Павловна (1897 или 1898 – 1921).

26. Любошинский Марк Маркович (1865 – 1953) – юрист, земский деятель, помещик. С 1932 в эмиграции.

27. Любошинская (урожд. Старицкая) Анна Егоровна (1865 – 1930).

28. Фаминцын Андрей Сергеевич (1835 – 1918) – ботаник, академик с 1884; Карпинский Александр Петрович (1846/47 – 1936) – геолог, академик с 1896, президент в 1917 – 1936; Бородин Иван Парфеньевич (1847 – 1930) – ботаник, академик с 1902; Марков Андрей Андреевич (1856 – 1922) – математик, академик с 1890; Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863 – 1919) – историк, академик с 1899.

29. Крачковский Игнатий Юлианович (1883 – 1951) – востоковед, академик с 1921; Щербатский Федор Ипполитович (1866 – 1942) – востоковед, академик с 1918.

30. Лягунов Александр Михайлович (1857 – 1918) – математик, академик с 1901; Сушкин Петр Петрович (1868 – 1928) – зоолог, академик с 1923; его жена Сушкина Надежда Николаевна (1889 – 1975) – микробиолог; Павлов Иван Петрович (1849 – 1936) – физиолог, академик с 1907; Радлов Василий Васильевич (1837 – 1918) – востоковед, академик с 1884; Марр Николай Яковлевич (1864/64 – 1934) – лингвист, академик с 1909.

31. Старицкая (урожд. Зарудная) Мария Ивановна (1829 – 1914).

32. В июле-августе 1914 В.И. Вернадский возглавлял радиевую экспедицию в Забайкалье.

33. Биографических сведений о Яковенко найти не удалось.

34. Старицкий Георгий Егорович (1867 – 1945?) – юрист, государственный деятель, с 1920 в эмиграции.

35. Старицкий Егор Павлович (1825 – 1899) – юрист, государственный деятель, сенатор с 1867, с 1890 – в отставке; Старицкая Мария Егоровна (1869 – 1942) – с середины 20-х гг. жила в Москве в семье Любошинских.

36. В августе – ноябре 1917 В.И. Вернадский занимал пост товарища (заместителя) министра народного просвещения во Временном правительстве. В июле – августе министром был С.Ф. Ольденбург, а затем проф. С.С. Салазкин.

37. События Гражданской войны разделили семью Г.Е. Старицкого: сам он оказался в эмиграции, в Болгарии, а его жена Елена Петровна в 1921 умерла от тифа в Новороссийске. Дети остались на попечении Вернадских и Любошинских. Павел (1906 – 1965) как «социально чуждый» образования получить не смог, жил в семье Любошинских в Москве, работал разнорабочим, после тяжелой производственной травмы жил на пенсию по инвалидности. Георгий (1910 – 1992) более 20 лет провел в тюрьмах и лагерях, на положении расконвоированного в 1944 – 1956 работал техником в Норильсклаге, затем фотографом в Москве. Благополучно сложилась жизнь только сестры Анны (1911 – 1981): при содействии В.И. Вернадского в начале 30-х гг. ей удалось выехать во Францию, где она стала художником всевропейской известности (в замужестве Орикс).

38. Печально забавный эвфемизм: в действительности В.И. Вернадскому как члену свергнутого Временного правительства чудом удалось выехать 19 ноября 1917 из Петрограда в Москву и сразу в Полтаву под угрозой немедленного ареста. И П.К. Казакова и А.Д. Шаховская прекрасно понимали, о чем можно писать, а о чем умалчивать.

39. В Полтаве безвыездно жил троюродный брат В.И. Вернадского знаменитый писатель В.Г. Короленко (1853 – 1921). Его дочь Софья Владимировна (1886 – 1957) – литератор, общественный деятель.

40. Возможно, это была одна из воинских частей Украинской народной республики (т.е. Директории во главе с С.В. Петлюрой).

41. В.И. Вернадский принял предложение своего старого друга проф. Н.П. Василенко переехать в Киев с целью организации Украинской академии наук (при гетманстве П.П. Скоропадского), 27.XI. 1918 он был избран первым президентом созданной академии.

42. Вероятно, здесь ошибка: судя по дневнику В.И. Вернадского в июне 1918, после приезда Натальи Егоровны из Полтавы, они остановились у педагога Марии Карповны Павловской – двоюродной сестры отца Натальи Егоровны. Елена Петровна Старицкая (жена Г.Е. Старицкого жила в Полтаве – см. примеч. 37).

43. Добровольский Константин Эрастович (1867 – 1944) – медик-гигиенист, профессор Университета Св. Владимира в Киеве

44. Кун Владимир Владимирович – отставной инженер (в 1913). Биографических сведений о нем, равно как и родственных связей Кунов и Старицких найти, пока, не удалось.

45. П.К. Казакова, естественно, не могла написать о том, что в разгар красного террора в июле-августе 1919 Владимир Иванович с Ниной (Наталья Егоровна осталась в Киеве) в течение трех недель скрывался на биостанции Староселье на Днепре (100 км к северу от Киева). Они возвратились лишь когда Киев был взят Добровольческой армией Деникина. Далее, если судить по дневнику В.И. Вернадского, 23 ноября они (Вл. Ив., Нат. Ег., Нина. Прасковья Кир.) вместе выехали из Киева, но Вл. Ив. вынужден был ехать далее с группой профессоров в Харьков и Ростов-на-Дону с целью отстоять Украинскую академию при Деникинском правлении, а женщины отправились в Полтаву. Однако, уже 3 декабря, оставив в Полтаве заболевшую Прасковью Кирилловну на попечение родственников, они выехали в Крым (вместе с женой и детьми Г.Е. Старицкого).

46. В.И. Вернадский воссоединился с семьей (в Крым к этому времени сумел попасть из Перми сын Георгий с женой) в январе 1920 на пароходе из Новороссийска вместе с сотнями людей, бежавших от наступавшей на Кубани Красной армии.

47. Хорошко Василий Константинович (1881 – 1949) – врач-невропатолог, профессор одной из московских клиник.

48. В действительности, после кратковременного ареста (14–15.VII. 1921) В.И. Вернадский с помощью друзей-академиков срочно покинул Петроград (шли аресты по «делу Петроградской боевой организации», возглавлявшейся учеником В.И. Вернадского В.Г. Таганцевым) и до конца августа вместе с дочерью жил и работал на биостанции около Мурманска.

49. В.И. Вернадский работал в лаборатории М. Склодовской-Кюри в Радиовом институте по минералогии и геохимии минералов урана.

50. Успенский Федор Иванович (1845 – 1928) – историк, археолог, академик Петербургской АН с 1900.

51. Немедленно по возвращению В.И. Вернадского был организован Отдел живого вещества при Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС) в помещении Государственного радиового института. 1.Х.1928 Отдел был реорганизован в Биогеохимическую лабораторию (Биогел) АН СССР, которую Вернадский возглавлял до конца жизни.

52. Комиссия по метеоритам была организована в 1933, ее бессменным ученым секретарем был знаменитый исследователь Тунгусского падения Леонид Алексеевич Кулик (1883 – 1942), погиб на фронте Великой Отечественной войны.

53. См. примеч. 7.

54. Возможно, Кауфман Любовь Эммануиловна (1870 – 1942) – химик, сотрудница Государственного радиового института, умерла в блокаду Ленинграда; Оболянинов Лев Александрович (1861 - ?) – друг В.И. Вернадского со студенческих лет; Ушинский Николай Григорьевич (1864 – 1934) – микробиолог, профессор Азербайджанского университета в Баку.

55. Чистович Федор Яковлевич (1870 – 1942) – медик. Профессор Военно-медицинской академии, умер в блокаду Ленинграда.

56. См. примеч. 5.

57. Старицкий Павел Егорович (1862 – 1942) – инженер-технолог.

58. Чехов Николай Владимирович (1865 – 1947) – педагог, профессор, академик Академии педагогических наук РСФСР.

59. Зелинский Николай Дмитриевич (1861 – 1953) – химик, академик АН СССР с 1929.

60. Виноградов Алесандр Павлович (1895 – 19750 – геохимик, преемник В.И. Вернадского в Биогел, академик АН СССР (1953).

61. Андреева (урожд. Юрковская) Мария Федоровна (1868 – 1953) – актриса, общественный деятель, с 1931 – директор Дома ученых в Москве.

62. Берг Лев Семенович (1876 – 1950) – географ, академик АН СССР с 1946; Мандельштам Леонид Исаакович (1879 – 1944) – физик, академик АН СССР с 1929.

63. Ильинская Екатерина Владимировна (1882 – 1962?) – сестра жены Георгия Вернадского, учительница музыки. С 1940 жила вместе с Вернадскими в Москве.

64. Здесь речь идет о третьей жене А.Е. Ферсмана Екатерине Матвеевне (урожд. Ильницкая) (1903 – 1980). Она была по профессии химиком, неофициальным референтом своего мужа.

65. Вологдин Александр Григорьевич (1896 – 1971) – палентолог, член-корреспондент АН СССР (1939), сосед Вернадского по дому в Дурновском переулке.

66. Н. и С. Фокины конечно не были внучками В.И. Вернадского: их мать Мария Марковна Фокина (урожд. Любошинская) была племянницей Натальи Егоровны Вернадской; Фокина Наталья Анатольевна (р. 1927) – кинематографист, профессор Всероссийского государственного института кинематографии (ВГИК); Завриева (урожд. Фокина) Софья Анатольевна (р. 1928) – филолог.

Г.В. Вернадский

ПИСЬМА И.И. МОЧАЛОВУ

11 марта 1964 г.

Многоуважаемый Инар Иванович,

31 января я уведомил Вас о получении Вашего письма от 14 декабря.

Сегодня пишу по существу Вашего письма.

Для того, чтобы выбрать для Вас из писем моего отца ко мне те места, которые представляют интерес для Вашей монографии «Вопросы философии науки в творчестве В.И. Вернадского» мне нужно предварительно перечитать все эти письма, на что в данный момент у меня нет времени. Я и вне зависимости от Вашего письма давно собираюсь перечитать письма отца, но когда смогу этим заняться не знаю.

Из других материалов об отце у меня есть машинопись его статьи «По поводу критических замечаний академика Деборина» (июнь 1932 г.). Я не знаю, была ли эта статья напечатана. Если не была и если она Вам нужна, я готов был бы прислать Вам фотокопию.

Кроме того, у меня есть копия черновой машинописи отца (1942 г.) «Воспоминания. I. Первый год Украинской академии наук (1918 – 1919); II. Послесловие (1921 – 1926 гг.)». Мне говорили, что эти воспоминания были напечатаны в одном из изданий Академии наук Украинской ССР в 1944 или 1945 г., но я этого издания в библиотеке Yale University не нашел. Если Вы его не сможете достать, я мог бы прислать Вам копию машинописи.

Работы моего отца «Мысли натуралиста об организации славянской науки» (1942 г.) у меня нет, и я о ней не слышал. Статью А.Д. Шаховской «Из переписки В.И. Вернадского с иностранными учеными» (чехами и поляками) Вы, вероятно, знаете («Воспоминания о В.И. Вернадском». Академия наук. Геологический институт. Очерки по истории геологических знаний. Выпуск 11, Москва. 1963, стр. 56 – 62).

С интересом прочел Вашу статью в «Вопросах философии», 1963, № 5 (журнал этот получается в Yale Library).

С искренним уважением и приветом Г. Вернадский.

15 апреля 1964 г.

Многоуважаемый Инар Иванович,

Получил Ваше письмо от 23 марта с приложениями: оттиск Вашей статьи в «Вопросах философии», 1963, № 5 и машинопись плана вашей книги «В.И. Вернадский как философ». Спасибо!

Что касается писем моего отца ко мне, то как я Вам писал в прошлом своем письме (от 11 марта), я не знаю когда я смогу ими заняться, т.е. перечитать их и сделать выписки мест, касающихся философии.

Вы спрашиваете, как я отнесся бы к Вашему предложению приехать дней на десять и поработать над этими письмами. Скажу прямо, что этот план для меня неприемлем. Повторяю, что я должен предварительно сам перечитать письма и сделать из них выписки – только эти выписки я и согласен был бы предоставить в Ваше распоряжение. Но в

ближайшее время, как я и писал уже Вам, я не могу этим заняться. Дело в том, что из-за болезни и разных неотложных дел, я и так уже запоздал с писанием (по-английски) V тома моей «Истории России» (XVI - XVII века) и сейчас должен на эту работу направить все свои усилия. Закончить же писание этого труда я смогу не раньше как через год.

С сестрой моей я говорил, она в данное время не хочет опубликовать письма отца к ней хотя бы только в выдержках. С искренним уважением Г. Вернадский.

P.S. Только что написал это письмо как пришло Ваше письмо от 9 апреля. Вы пишете, что Вы в Москве и вернетесь в Казань в мае, но адрес даете казанский. Поэтому посылаю это письмо в Казань.

14 декабря 1970 г.

Дорогой Инар Иванович,

Спасибо за Ваше письмо от 10 октября (я получил его третьего дня).

Вашу замечательную книгу о моем отце «В.И. Вернадский – человек и мыслитель» я прочел с напряженным вниманием. Вы дали яркий его образ, показали глубину его духа, многогранность его интересов и интенсивность его научных исканий. Рад узнать, что Вы продолжаете работать над его творческим наследием и мечтаете когда-нибудь в будущем написать обобщающую книгу «В.И. Вернадский – жизнь, творчество, мировоззрение». Надеюсь, что Вы это сделаете. Хорошо, что Вы подчеркнули его отстаивание свободы мысли и творчества. На стр. 48 Вы предполагаете, что мой отец и В.Г. Короленко были знакомы друг с другом. Это так и есть. Не знаю встречались ли они в Москве или Петербурге, но во всяком случае виделись в Полтаве и в Шишаках Полтавской губернии на даче моего отца.

Теперь я хочу уточнить то, что Вы говорите об обстоятельствах выхода моего отца из Кадетской партии в Киеве летом 1919 года (Ваша стр. 152, примеч. 61). Вы ссылаетесь на «Дневниковые записи» моего отца и там, вероятно, об этом упоминается кратко. Подробней он об этом говорит в своих воспоминаниях 1943 года. Оригинал их хранится в Архиве Академии наук 1941 – 1943 гг. Воспоминания эти по-русски напечатаны не были. Я Вам пошлю на днях оттиск английского перевода. Напечатано было в Америке в 1969 году. Так вот, в этих воспоминаниях» отец пишет, что он вышел из кадетской партии сразу после того, как был избран президентом Украинской Академии наук. Отец считал, что президент Академии должен стоять вне политики. До этого дня отец принимал деятельное участие в заседаниях ЦК кадетской партии (который тогда заседал в Киеве) и вообще в кадетских совещаниях там. Об этом, между прочим, говорится в дневнике Милюкова (тоже бывшего в Киеве в это время. Новый журнал, 66. Нью-Йорк, 1961, стр. 173 – 203).

На той же странице 152 Вашей книги, в конце примечания 61-го Вы упоминаете (из Дневниковых записей), что в начале 1920-х годов отец был в Париже у А.В. Это, конечно, Александра Васильевна Гольштейн (Holstein), старый друг моих родителей (в молодости она была последовательница Михаила Бакунина). Рядом в комнате заседал ЦК кадетской

партии под председательством кн. П.Д. Долгорукова. Принимать участие в этом заседании отец решительно отказался.

Это было совершенно логично со стороны отца. Личные отношения со старыми друзьями он поддерживал, но, уйдя из кадетской партии в 1918 году и оставшись в России он уже не принимал никакого участия в политике.

Вы спрашиваете над чем я сейчас работаю, как мы здоровы, творческие планы.

Я очень постарел (мне 83 года), силы уже не прежние, но все же работаю с увлечением. В недавно вышедшей 100-й книге Нью-Йоркского «Нового журнала» помещены мои Воспоминания о годах моего ученья (гимназия, Московский университет, магистерские экзамены, приват-доцентура в Петербургском университете и защита диссертации там же). Для другого Нью-Йоркского русского издания я написал очерк истории науки в России (естествознание и исторические науки) в XVIII веке (будет напечатано, вероятно, только в начале 1972 года). Сейчас пишу Очерк русской историографии XIX века.

Сестра моя благодарит Вас за привет и со своей стороны шлет Вам привет (я видел ее вчера). Просила Вас передать, что Ваша книга ей очень понравилась. Сестра, как Вы верно знаете, доктор психиатр. У нее кабинет для приема больных, в небольшом городе миль за 30 от New Haven'a (около этого города она и живет). Таня помогает матери как секретарша (на дому, а не в кабинете).

Всего доброго. С душевным приветом Г. Вернадский.

30 апреля 1971 г.

Дорогой Инар Иванович,

Спасибо за Ваше письмо от 6 апреля и отписк автореферата Вашей докторской диссертации. Прочел с большим интересом.

Мне кажется хорошо, что Вы решили расчленить общую проблему «В.И. Вернадский² на ряд подпроблем и для начала выделить тему «Юность В.И. Вернадского». На стр. 24 автореферата Вашей диссертации Вы отметили роль «Братства» («Приютино»), дружеского кружка студентов Петербургского университета, в котором деятельное участие принимал мой отец. Этому «Братству» отец мой остался верен всю свою жизнь – дружеская связь не прерывалась. Таким образом, в меньшей степени, чем в юности, влияние «Братства» на духовную жизнь моего отца продолжалось всю его жизнь (отец вспоминает о «Братстве» в своих Воспоминаниях 1943 года). О Братстве («Приютине») я написал четыре статьи (Новый журнал, Нью-Йорк, книги 93, 95, 96 и 97, 1968 – 1969 гг.). У меня не осталось отписков, я закажу фотокопии (хехох) и когда получу пошлю Вам.

Отвечаю на Ваше письмо с опозданием, т.к. 17 марта у меня был сердечный припадок. Я пролежал в госпитале три с половиной недели, а потом моя сестра пригласила меня к себе на две недели, чтобы я отдохнул и набрался сил. Теперь возвращаюсь к нормальной жизни.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Г.В. ВЕРНАДСКОГО И В.С. НЕАПОЛИТАНСКОЙ

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

Москва, 16. 05. 1967 г.

Глубокоуважаемый Георгий Владимирович!

Сегодня я отправила книгу «Пути в незнаемое» и газету «Неделя», где напечатаны подготовленные писателем Александром Александровичем Лином и мною выдержки из писем и работ Владимира Ивановича Вернадского с высказываниями по вопросам искусства и литературы. Просим принять их как дань глубокого уважения к памяти Вашего замечательного отца.

Владимира Ивановича я видела всего 2-3 раза в 1944 году, когда поступила на работу в Биогел. Даже имела счастье быть ему представленной А.П. Виноградовым.

Позднее я познакомилась с Анной Дмитриевной Шаховской, и мы стали друзьями. После смерти Владимира Ивановича я помогала ей в работе по музею, по установке памятника на могиле Владимира Ивановича и по изданию его трудов. После того как Анна Дмитриевна вышла на пенсию до дня ее смерти я часто виделась с ней, так как морально считала себя ее преемницей в деле популяризации имени Владимира Ивановича и публикации его трудов.

В 1962 году я вышла на пенсию, а затем начала работать в Архиве Академии наук, ставя перед собой все те же задачи.

Понемногу у нас собираются воспоминания о Владимире Ивановиче, интересная его переписка (например, с недавно скончавшимся Б.Л. Личковым), которые мы наравне с рукописями научных работ Владимира Ивановича готовим к публикации.

Мы заинтересованы в каждом документе, в каждой строчке, которыми Вы могли бы с нами поделиться из Ваших семейных архивов.

Нас очень интересует судьба Нины Владимировны Толль и ее дочери Татьяны Николаевны, о которых с такой нежностью и любовью всегда писал Владимир Иванович. Не можете ли Вы сообщить что-либо о них?

От души желаю Вам успеха в Вашем большом полезном труде и всего, всего хорошего Вам и Вашей супруге.

Если Вы найдете возможным написать мне несколько строчек – буду Вам очень благодарна.

С глубоким уважением к Вам В. Неаполитанская

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

1 июля 1967 г.

Многоуважаемая В.С.

(знаю Ваши инициалы, но не знаю имени-отчества – при случае сообщите пожалуйста).

Очень благодарю Вас и А. Лина за книгу «Пути в неизвестное» с Вашей публикацией мыслей и замечаний В.И. Вернадского о литературе и искусстве (с надписью), а также за номер «Недели» от 19 – 25 февраля с публикацией нескольких писем В.И. Вернадского к Н.Е. Вернадской (получил на днях).

Все эти материалы очень интересны и значительны, а для меня конечно особенно дороги.

С искренним уважением и приветом Вам и А. Лину Г. Вернадский.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

7 июля 1967 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Наши письма разошлись. 1 июля я Вам написал и поблагодарил Вас (и А. Лина) за книгу «Пути в неизвестное» и номер «Недели» с Вашей публикацией материалов о моем отце, а третьего дня получил Ваше письмо от 16 мая – дошло позже книги.

Вы пишете, что видели моего отца в 1944 году, а позднее познакомились с Анной Дмитриевной Шаховской. Анна Дмитриевна – друг нашей (моей и моей жены Нины Владимировны, рожденной Ильинской) юности. Мы переписывались с ней до ее смерти и духовно она жива для нас. Благодаря этому и благодаря Вашей работе по увековечиванию памяти моего отца мы Вас чувствуем другом нашим.

Вы спрашиваете о моей сестре Нине Владимировне Толь и ее дочери (моей племяннице). Сестра моя психиатр, ее кабинет в городе Middletown (миль 30 от New Haven'a. Муж ее Николай Петрович археолог, в 1940-х годах участвовал в археологической экспедиции Yale University на Ближнем Востоке и некоторое время преподавал в Yale. Живут они недалеко от Middletown'a. Сестра моя и племянница изредка нас навещают.

Всего хорошего. Привет Александру Александровичу Лину.

Искренне Ваш Г. Вернадский.

Нина Влад. (моя жена) шлет Вам привет.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

Москва, 31 августа 1967 г.

Глубокоуважаемый Георгий Владимирович!

Я очень благодарна Вам за теплое письмо и выраженное в нем дружественное отношение ко мне в память покойной Анны Дмитриевны. Я любила ее и глубоко уважала как за ее собственные моральные качества, так и за тот великий труд, который она вложила в дело сохранения и приведения в порядок огромного наследия Владимира Ивановича, не

говоря уже о преданности ему, когда он был жив. Жизнь она прожила чистую и безупречную, вырастив и поставив на ноги двух племянников (Лизу и Николеньку) и умерла тихо, как бы просветленная, не испытывая физических страданий. В этот день я заходила к ней по делам издания «Избранных сочинений» Владимира Ивановича. Вот с тех пор я и чувствую себя в какой-то мере душеприказчицей Анны Дмитриевны. Мне хочется довести до конца начатое ею дело – подготовить к публикации рукописи Вашего отца и те из его работ, которые уже стали библиографической редкостью. Для этого я пошла работать в Архив Академии наук, где хранятся эти материалы. Помимо рукописей научных работ, есть интересная переписка Владимира Ивановича, например, с Б.Л. Личковым, охватывающая время с 1918 по 1944 гг., где обсуждаются многие научные проблемы. Разобраться во всем, подготовить к печати, отредактировать дело, конечно, сложное и кропотливое, но задача настолько прекрасная, что если удастся хоть немного продвинуться вперед, я и то буду счастлива.

Я рада была узнать, что Нина Владимировна Толль «в пределах досягаемости». Я была бы счастлива, если бы Вы сообщили мне ее адрес, чтобы я и А.А. Лин смогли и ей послать нашу публикацию. А.А. Благодарит за привет и шлет лучшие пожелания.

Желаю всего, всего хорошего Вам и Нине Владимировне.

С глубоким уважением к Вам обоим В. Неаполитанская

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

5 ноября 1967 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Давно собирался Вам написать в ответ на Ваше письмо от 31 августа, да вот только сегодня собрался.

Последние месяцы навалилось на меня очень много срочной и напряженной научной работы, да и чувствовал себя неважно. И сейчас простудился, зубы болят, глотаю пенициллиновые таблетки.

Спасибо что написали мне об Анне Шаховской (в дополнение к тому, что раньше писали). В свое время я послал моей сестре фото снимок Вашей и А.А. Лина публикации в «Путях в незнаемое», сестре это было очень интересно. Я думаю и всю книгу ей бы было интересно получить. Она просила Вам передать, что если бы Вы хотели ей написать или послать книгу – послали бы через меня. Можно написать на конверте Dr. Nina Toll, c/o George Vernadsky – и мой адрес. Я перешлю ей. Сестра моя была очень больна – воспаление желчного пузыря. В начале сентября ей его вырезали, операция прошла благополучно. Теперь она уже ездит в свой office на прием больных (я, кажется, писал уже Вам раньше, что она психиатр), но пока еще на меньшее число часов работы, чем раньше.

Всего хорошего. Ваш Г. Вернадский

Нина Владимировна шлет Вам сердечный привет.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

12 декабря 1967 г.

Глубокоуважаемый Георгий Владимирович!

Очень благодарна Вам за сведения о Нине Владимировне и любезное разрешение написать ей по Вашему адресу. С радостью этим воспользуюсь. Одновременно с письмом Вам, я пишу и Нине Владимировне, а также отправляю бандероли с некоторыми публикациями, посвященными Владимиру Ивановичу, в которых я принимала участие. Это «Пути в незнаемое», «Воспоминания о В.И. Вернадском», «Научный вклад В.И. Вернадского в развитие геологии и геохимии» оттиск из журнала «Природа», брошюра «Кабинет-музей В.И. Вернадского» - А.Д. Шаховской, которая вышла в свет уже после смерти автора. Три последние работы я посылаю отдельно Вам и Нине Владимировне. Что касается «Воспоминаний», то у меня создалось впечатление, что их Вам послала племянница Екатерины Владимировны Ильинской Н.А. Левицкая. Если же я ошиблась, и у Вас нет этой книги, я с удовольствием вышлю Вам один из своих «заветных» экземпляров, которые я берегу. Купить книгу уже невозможно. Но Вам пошлю ее с радостью, только напишите – есть она у Вас, или нет.

В октябре я ездила в Ленинград отчасти по делам Архива, отчасти чтобы побывать в любимых мною местах этого замечательного города.

В один из дней со своим шестилетним внуком я поехала в Александрово-Невскую лавру. Когда мы туда приехали, мемориальная часть оказалась закрытой, и мы пошли бродить вокруг храма. Неожиданно «открыли» вход на старое Никольское кладбище, которое привлекло своей романтической запущенностью. Я уже собралась в обратный путь, как вдруг мой Леня потащил меня к довольно высокому холму, на котором стояли два памятника и просил прочитать, что там написано. На мраморных постаментах значилось:

Анна Петровна Вернадская Иван Васильевич Вернадский

род. I.XI.1836 г. 1821 – 1884

ум. 7.XI.1898 г.

Сбоку памятника Анны Петровны надпись:

Екатерина Ивановна Короленко. 8.I.1864 – 27.VII.1910.

Это могилы Ваших дедушки и бабушки.

Постояли мы там склонив головы, и я подумала о их далеких внуках и их сыне – Вашем отце.

Рада сказать Вам, что к могиле Владимира Ивановича на Новодевичьем кладбище в Москве «народная толпа не зарастает». Часто я нахожу там следы чьего-то посещения – цветы, ветки ели, зелень.

Прошла ли Ваша простуда?

Всего хорошего Вам и Нине Владимировне. Сердечный ей от меня привет.

Ваша В. Неаполитанская.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

31 декабря 1967 г.

С Новым Годом!

Дорогая Валентина Сергеевна,

Спасибо за Ваше письмо от 12 декабря. Одновременно получил и письмо Ваше моей сестре. Сразу переслал ей.

Посланные Вами публикации придут верно, еще не так скоро. «Воспоминания о В.И. Вернадском» у меня есть, так что не посылайте.

Очень интересно Вы пишете о Вашей поездке в Ленинград – о том как Ваш внук Леня обратил Ваше внимание на памятники на могилах моих деда и бабушки на старом кладбище и значит около памятника бабушки похоронена и моя тетька Екатерина Ивановна Короленко.

Всего светлого. Душевно Ваш Г. Вернадский.

Нина Владимировна шлет привет.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

(без даты, открытка Season's Greetings)

С Новым Годом!

Дорогая Валентина Сергеевна,

Шлем Вам сердечный привет и пожелания здоровья, сил и бодрости в 1968 г.

Ваши Георгий и Нина Вернадские.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

10 марта 1968 г.

Глубокоуважаемый Георгий Владимирович!

Сегодня я посылаю большое письмо Нине Владимировне, где по ее просьбе пишу об Анне Дмитриевне и одной из школьных подруг Нины Владимировны по Алферовской гимназии В.Н. Побединской. Не могу одновременно не доставить себе удовольствие написать Вам, чтобы послать и лучшие пожелания Вам и Нине Владимировне, Вашей супруге.

Меня очень беспокоил вопрос – дошли ли до Вас посланные мною бандеролью книги и брошюры. Однако, я выяснила, что отправку их из Москвы задержали в канцелярии Архива в связи с перегрузкой предновогодней работой. Думаю, что теперь Вы, наверно уже все получили.

У нас чувствуется весна. Ослепительное солнце светит днем и с крыш идет капель, образуя хрустальные сталактиты.

Приближается день рождения Владимира Ивановича, когда на Новодевичьем кладбище неожиданно встречаются многие его почитатели, помнящие эту дату.

Как здоровье Нины Владимировны и Ваше? Как подвигается Ваш монументальный труд?

Желаю Вам всего, всего хорошего. Ваша В. Неаполитанская.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

16 марта 1968 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Сердечное спасибо за Ваше письмо от 10 марта, написанное почти что в день рождения моего отца.

Все посланные Вами книги и брошюры я получил уже с месяц тому назад, очень Вам благодарен за их присылку. Простите, что уведомляю Вас с их получением с таким опозданием. Все последнее время напряженно работал над окончательной проверкой машинописи моей книги по истории России XVI – XVII вв. Теперь уже немного осталось всяких справок.

У нас стояла лютая зима – сырой мороз и ветер, который я плохо переношу. Старались без надобности не выходить, сидели больше дома, а для здоровья нам обоим надо побольше ходить. Сегодня уже стало теплее и чувствуется приближение весны.

Всего хорошего. Сердечный привет от Нины Владимировны и меня.

Душевно Ваш Г. Вернадский.

Одновременно с Вашим письмом ко мне, пришло письмо для моей сестры. Пересылаю его ей.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

4 июля 1968 г.

Дорогие Нина Владимировна и Георгий Владимирович!

Шлю Вам сердечный весенний привет. Как Вы оба себя чувствуете? Как подвигается труд Георгия Владимировича? У нас начало июня холодное. Никак не дождемся тепла и солнца, которое я, несмотря на возраст, люблю как в юные годы.

Буду рада, если как-нибудь найдете «окошечко времени», чтобы сообщить мне о себе. Всего хорошего. Ваша В. Неаполитанская.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

25 июня 1968 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Спасибо за Ваш весенний привет, который я получил недели две тому назад. У нас началась обычная здесь летом влажная жара – угнетающая, но бывают и более прохладные дни. Сегодня очень душно. Свою книгу по русской истории эпохи Московского царства я наконец закончил, чувствую большое облегчение. Теперь я взялся за писание статьи о братстве «Приютино» 1880-х – 1890-х годов. В нем деятельное участие принимали и мой отец и отец Анны Дмитриевны. Два года тому назад я написал об этом братстве предварительный краткий очерк (по-английски) (Сборник *Orbis Pictus* в честь 70-летия проф. Д.И. Чижевского – издан был в Мюнхене в 1966 г.). По выходе этого сборника я послал один оттиск моей статьи в Кабинет-музей имени моего отца, а другой в Архив Академии наук СССР. Теперь я пишу о «Приютине»

более подробно по-русски. В связи с этим я перечитал очень интересные воспоминания моего отца, написанные им в 1943 г. Озаглавлены они «Из воспоминаний. Первый год Украинской Академии наук. 1918 – 1919». Собственно об Украинской академии там говорится только в конце. Отец прислал мне в 1944 г. копию машинописи этой его статьи. Подлинник должен храниться в Архиве Академии наук СССР. У меня еще осталось несколько оттисков моей краткой английской статьи в Orbis Pictus, на днях пошлю один оттиск лично Вам.

Мы оба с Ниной слабеем и стареем, но все еще держимся. Нина по утрам обыкновенно плохо себя чувствует, голова кружится, но потом подбадривается.

Оба мы шлем Вам сердечный привет и пожелания всего хорошего.
Ваш Г. Вернадский.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

10 августа 1968 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

Большое Вам спасибо за оттиск Вашей работы о «Приютине». Я прочла его с большим интересом и вниманием. Мне всегда казалось, что «Братство» в жизни Ваших родителей сыграло громадную роль. Оно сплотило целую группу замечательных людей, было в какой-то мере их совестью.

Работу Владимира Ивановича «Из воспоминаний. Первый год Украинской Академии наук. 1918 – 1919» я знаю. Подлинник ее хранится в Архиве. Я сняла с него копию для книги «В.И. Вернадский. Хронология жизни и творчества», подобную книге Вересаева «Пушкин и жизнь». Основой для этой работы послужит замечательная картотека жизни Владимира Ивановича, составленная Анной Дмитриевной (1230 карточек). Я пополняю их выписками из работ и статей Владимира Ивановича, из писем и публикаций. Мне хочется, чтобы из этого подбора проступил живой Владимир Иванович со всей его многогранностью, полный человечности и патриотизма. Я отдаю себе отчет, что может быть эта работа окажется мне не под силу. Но, во всяком случае, собранный мной материал может послужить для дальнейшего сбора материалов и разработки кому-то другому, более талантливому, способному и молодому.

Я поздравляю Вас с окончанием Вашего большого труда. Как хорошо, что Вы собираетесь сразу же взяться за другую работу. Узнаю в Вас сына Владимира Ивановича.

Желаю всего хорошего Вам и Нине Владимировне. Как ее здоровье? В последнем письме Вы писали, что трудно переносите Вы оба жару и духоту.

Буду благодарна Вам, если в свободную минутку вспомните обо мне.

Сердечный привет Нине Владимировне. Ваша В. Неаполитанская.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

27 августа 1968 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Большое спасибо за Ваше письмо от 10 августа. Это замечательно, что Вы работаете над книгой «В.И. Вернадский. Хронология жизни и творчества». Приветствую Вашу работу и всей душой желаю Вам успеха.

У нас за последнее время погода стала милостивей – уже вот неделя как нет страшной влажной жары. Стало легче дышать.

В прошлый четверг одна моя родственница, живущая около Нью-Йорка, приезжала к нам на своем автомобиле и свозила нас к моей сестре. Очень радостно было повидаться.

Сердечный привет Вам от меня и Нины Владимировны.

Всего светлого. Душевно Ваш Г. Вернадский.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

23 января 1969 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Прилагаю отгиск моей статьи о Братстве «Приютино», в котором принимал такое деятельное участие мой отец.

С наилучшими пожеланиями и сердечным приветом от меня и Нины Владимировны. Ваш Г. Вернадский.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

14 февраля 1969 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

Благодарю Вас за отгиск Вашей статьи о «Приютине». Тронута тем, что Вы нашли возможным в библиографии упомянуть и мою скромную работу. Идеи и настроения приютинцев мне очень понятны и близки. Порадовалась узнав, что Наталья Егоровна была одним из инициаторов организации «Братства». Я так много хорошего слышала о Вашей матушке от всех, кто ее знал лично, так много хорошего читала о ней в различных воспоминаниях, что мне захотелось, сделав все, что я могу по рукописям и материалам Владимира Ивановича написать работу, посвященную жизни Натальи Егоровны. Думаю, что это так и останется мечтой, неосуществившейся из-за краткости оставшихся лет.

Сегодня отправляю Вам журнал «Наука и религия», где опубликованы отрывки из работы Владимира Ивановича «Научная мысль как планетное явление», подготовкой которой к печати я сейчас занимаюсь одновременно с другими работами.

Шлю Вам и Нине Владимировне сердечный привет. Хотелось бы знать, как Вы оба сейчас себя чувствуете? Как поживает Нина Владимировна (Ваша сестра) с семейством? Я посылаю одновременно коротенькое письмо ей.

Всего, всего Вам хорошего. Ваша В. Неаполитанская.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

1 марта 1969 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Спасибо за Ваше письмо от 14 февраля, оно дошло до меня вчера, также как и Ваше письмо моей сестре (я сегодня перешлю его ей). Буду поджидать книжку журнала «Наука и религия», где опубликованы отрывки из работы моего отца.

Всей душой сочувствую Вашему намерению написать работу, посвященную жизни моей матери. Хорошо было бы, если бы Вы смогли в скором времени начать писать хоть понемножку, между другими делами.

В 1936 г. моя мать по моей просьбе начала писать свои воспоминания, пересылала их по мере написания. Она успела описать свое детство и юность. Сколько помню, я послал ей машинопись того, что она написала. Если так (может быть и не так, что-нибудь могло помешать мне это сделать), то эта машинопись должна храниться в Архиве Академии наук. Если же ее нет, я пришлю Вам машинопись, напишите, пожалуйста, нужно ли.

У нас в этом году была суровая зима, сильные морозы с ветром (и сейчас еще холодно), а в начале февраля была снежная буря и навалило столько снега, что дня три невозможно было выйти на улицу.

Оба мы уже постарели, но пока все-таки держимся.

Нина Владимировна плохо себя чувствует по утрам, слабость и головокружения, но к середине дня приободряется.

Сестру мою с семейством в снежную бурю занесло снегом еще хуже, чем нас. Сестра и муж болели гриппом, но совсем поправились. Сейчас Танечка заболела, ее положили в госпиталь на испытание, но надеются, что ничего серьезного и что на днях ей можно будет вернуться домой.

Сердечный привет Вам от Нины Владимировны и меня.

Желаем всего хорошего. Душевно Ваш Г. Вернадский.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

14 марта 1969 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Жду от Вас ответа – есть ли в Вашем распоряжении в Архиве Академии наук копия записки моей матери 1936 г. Если нет, я Вам pošлю фотокопию.

Пока что посылаю Вам фотокопии страниц 124 – 130 книги Сатиной «Образование женщин в дореволюционной России». Там, на страницах 126 и 127 говорится о моих родителях. Фотокопию добавочных страниц я посылаю, чтобы этот эпизод был понятней.

Всего хорошего. Душевно Ваш Г.Вернадский.

Нина шлет привет.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому
3 апреля 1969 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

После прочтения присланных Вами страниц из публикации Сатиной, у меня еще более укрепилось желание подготовить работу о Наталье Егоровне. До сих пор мне казалось, что она была тихой помощницей, женой и другом Вашего замечательного отца, который как бы довлел над всем образом их жизни. И вдруг, открылась новая страница – Наталья Егоровна активно влияла на Владимира Ивановича, умела убедить его, когда это требовалось в его неправоте. Это же просто замечательно!

Да, Георгий Владимирович, я попробую взяться за эту работу и буду готовить ее исподволь, параллельно с подготовкой к печати трудов Владимира Ивановича. На 1975 – 1975 г. я планирую закончить подбор материалов для «Хронологии», о которой я Вам писала. Но, одновременно, я буду подбирать материал и о Наталье Егоровне при Ваших добрых советах, если Вы позволите.

Сегодня я просмотрела описи дел, относящихся к Наталье Егоровне. Однако, среди них упоминаемых Вами воспоминаний нет. В «Хронологии», составлявшейся Владимиром Ивановичем много есть записей, сделанных рукой Натальи Егоровны. Есть ли среди них записи 1936 года пока мне установить не удалось.

Я только что вернулась из 10-ти дневной поездки в Ленинград и мне приходится выполнять некоторые обязательные работы. В течение недели я выясню все более подробно. Поэтому я думаю, чтобы Вам не затрудняться, не посылайте мне имеющиеся у Вас фотокопии, пока я не напишу Вам, нашла я их или нет.

Из Ленинграда я вернулась как всегда под громадным впечатлением от этого красивого города. Но что самое замечательное – во всех музеях идут большие реставрационные работы. Многие загородные дворцы восстанавливаются так, как они были задуманы их создателями. Восстанавливается Лицей в том виде, в каком он был во времена Пушкина. Таким образом, все эти места как бы заново рождаются под талантливыми руками своих возродителей.

Скоро Праздник, с которым я сердечно поздравляю Вас и Нину Владимировну. Чувствуется ли у Вас весна? У нас еще холодно и мало солнца.

Сердечный привет Вам обоим от меня. Ваша В. Неаполитанская.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

19 апреля 1969 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Спасибо за Ваше письмо от 5^{1*} апреля и привет к весеннему празднику.

¹Так в оригинале. Письмо В.С. Неаполитанской в оригинале датировано 3.IV.1969 г.

Нина Владимировна и я шлем Вам наш привет и пожелания здоровья и всего светлого. Рад узнать, что фотокопия из книги Сатиной до Вас дошла и укрепила Вас в намерении подготовить работу о моей матери. Сегодня утром я послал Вам заказным авиа фотокопию записок моей матери 1936 года и оттиск моей краткой статьи о развитии науки в России 1700 – 1917, в которой я конечно упоминаю о моем отце. Теперь я обращаюсь к Вам с просьбой – сделать для меня справку об одной детали в жизни моего отца (и сообщить мне). Лев Гумилевский в биографии моего отца (2-е издание, стр. 79) говорит, что летом 1906 года после выпуска Первой Государственной Думы, отец мой поехал в Выборг и подписал «Выборгское воззвание» (протест против роспуска). Я это лето жил в Германии (был один семестр студентом Фрейбургского университета). Я переписывался с родителями и конечно мне они об этом писали, но эти письма у меня не сохранились. Конечно, когда я вернулся в Москву, об этом должны были говорить, но у меня все это как-то выпало из памяти и нет полной уверенности, что отец действительно был тогда в Выборге и подписал воззвание, а для меня очень существенно точно это знать. Вероятно, отец об этом записал в той «Хронологии» его жизни, о которой Вы упоминаете в Вашем письме. Если же нет, то, возможно, что об этом упомянуто в его переписке с друзьями.

Еще раз желаю Вам всего хорошего. Душевно Ваш Г. Вернадский.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

19 апреля 1969 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

Просмотрев материалы Архива Владимира Ивановича, в которых могли бы быть воспоминания Вашей матушки. Я их пока нигде не обнаружила. Поэтому, действительно, придется просить Вас прислать машинопись, о которой Вы писали. Мне настолько захотелось осуществить задуманную работу, что я решила написать кое-кому, кто лично знал Наталью Егоровну, с просьбой прислать воспоминания о ней. Сегодня пишу А.М. Фокину. Есть еще несколько лиц в Москве. В Архиве также хранится часть материалов, непосредственно относящихся к Наталье Егоровне (не говоря уже о ее замечательной переписке с Владимиром Ивановичем).

У нас, наконец, наступили теплые дни. Греет солнышко, набухают почки, просохли лужи. Весна всегда радует и согревает сердце.

Всего хорошего Нине Владимировне и Вам. Как Вы оба себя чувствуете?

Искренне Ваша В. Неаполитанская.

P.S. Могу ли я надеяться получить продолжение Вашей работы о «Приютине»?

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

5 мая 1969 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Спасибо за Ваше письмо от 19 апреля. Как раз в этот день я Вам послал фотокопию записку моей матери, приложил еще оттиск моей английской статьи о развитии науки в России 1700 – 1917. Надеюсь, что Вы уже получили все это. Конечно, пошлю Вам продолжение «Приютина», когда оно выйдет (вероятно, у же в сентябре). Я только что написал и окончание, надеюсь, что оно будет напечатано в декабре.

Теперь хочу спросить Вас вот о чем.

В Вашей интересной статье «Из высказываний В.И. Вернадского» (Сборник воспоминаний о В.И. Вернадском», стр. 89) Вы говорите, что за три месяца до смерти В.И. сделал замечательную запись о предстоящем росте мирового значения русской науки и русского языка. Между тем академик А.П. Виноградов в своей статье «Научное наследие В.И.Вернадского» (Сборник «Химия земной коры», т. I, Москва, 1963, стр. 12) приводит ту же запись (в несколько иной фразировке), но датирует ее 1941 годом. Что это значит – что мой отец сделал ту же запись дважды (так его поразила эта его мысль) или что в статье Виноградова опечатка в дате (в конце книги есть список опечаток, но эта не указана).

Всего хорошего. Душевно Ваш Г. Вернадский.

Нина Владимировна шлет привет.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

12 июня 1969 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

Простите за долгое молчание. Вывезла на дачу своих двух внуков и прожила там с ними дольше, чем предполагала.

Прежде всего, благодарю Вас за воспоминания Натальи Егоровны. Они очень интересны и живо написаны. Жаль, что за слишком короткий срок. В дополнение к ним Мария и Наталья Марковны Любощинские обещали передать мне воспоминания Анны Егоровны, а А.М. Фокин собирается осенью прислать свои воспоминания о Вашей матушке, о которой он пишет и говорит с большим уважением и любовью. Как видите, поддержанная Вами идея понемногу обрастает материалом.

Теперь хочу ответить на два Ваших вопроса.

1. Л.И. Гумилевский для книги «В.И. Вернадский», изданной в серии «Жизнь замечательных людей», пользовался, главным образом, картотекой Анны Дмитриевны, хранящейся в Музее. Вот дословная выдержка из карточки, относящейся к «Выборгскому воззванию». «7 июля распущена 1-я государственная Дума, среди членной которой у Владимира Ивановича было много друзей. Когда после роспуска Думы, они поехали в Выборг, чтобы сформулировать свои решения, Владимир Иванович также поехал. Он был в Выборге 9 – 10. Присутствовал при

составлении «Выборгского воззвания». После подписания его, Владимиру Ивановичу было поручено отвезти его в Санкт-Петербург и передать С.Ф. Ольденбургу, что он и сделал. Приехал в Санкт-Петербург 10-го августа. Воззвание казалось ему неудачным» (Архив АН, ф. 518, оп. Хронология 1906. С. 1, 53).

2. В своей работе «Из высказываний В.И. Вернадского» я так не пользовалась картотекой Анны Дмитриевны. Как Вы вероятно помните, в первый год войны все мысли, возмущение и гнев Владимира Ивановича были направлены на вероломство немцев и их подлое нападение на нашу страну, что и отразилось в письмах и дневниках. Тогда еще рано было говорить о том, что будет по окончании войны. А в 1914 году, когда неизбежное поражение немцев было не за горами, Владимир Иванович начал думать о результатах войны, и в дневнике записал свою знаменитую фразу: «Сейчас по окончании войны, моральное значение в мировой среде русских ученых должно сильно подняться, так как их роль в достижениях войны огромно, и мы должны считаться с огромным ростом русской науки в ближайшем будущем. Мировое значение русской науки и русского языка в мировой науке будет очень велико, ранее небывалое» («Дневник 21.IX.1944 г.).

Если бы она где-то была записана у Владимира Ивановича раньше, Анна Дмитриевна обязательно бы внесла ее в картотеку.

Есть еще одно выступление Владимира Ивановича, следов которого я к сожалению нигде не могу найти. В 1941 году по предложению ВОКС (Общество по культурной связи с заграницей) Ваш батюшка выступил по радио с обращением к английским ученым, которое Анна Дмитриевна в своих записях озаглавила «Объединенными усилиями покончим с гитлеризмом». Не знаете ли Вы что-нибудь по поводу этого обращения? Хотелось мне найти его текст.

Сестры Любищинские просили меня передать Вам и Нине Владимировне большой привет и лучшие пожелания.

Как здоровье Ваше и Нины Владимировны? Наступило ли у Вас лето? У нас погода неважная. Холодно, много дождей.

Будьте оба здоровы, желаю Вам всего, всего хорошего.

Ваша В. Неаполитанская.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

21 июня 1969 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Спасибо за Ваше письмо от 12 июня и Вашу выписку из картотеки (которую составляла Анна Дмитриевна), относящуюся к «Выборгскому воззванию» 1906 года. Теперь для меня ясно, что хотя отец мой присутствовал при составлении «Выборгского воззвания», он его не подписал, но взялся ознакомить с ним ученые круги, для чего передал С.Ф. Ольденбургу. Подписали воззвание только члены Государственной Думы

(те 180 человек, которые там присутствовали). Ведь Государственный Совет (т.е. выборные его члены) не был распущен, а был только перерыв его сессии. Отец продолжал оставаться членом по избранию от Академии наук и университетов (избран был в начале 1906 года), переизбран в 1911. Спасибо и за подтверждение того, что отец мой записал в своем дневнике о своей уверенности о росте мирового значения русской науки и языка в сентябре 1944 года.

Что касается обращения моего отца по радио к английским ученым в 1941 г. по предложению ВОКС'а, я об этом в свое время слышал (может быть даже отец мне писал об этом). Я думаю, что тогда об этом было сообщение в советской печати (в одной из газет или в отчетах ВОКС'а). Как хорошо, что А.М. Фокин собирается прислать Вам свои воспоминания о моей матери и что сестры Любошинские обещали передать Вам воспоминания Анны Егоровны. Спасибо им за привет, Нина Владимировна и я шлем им наш сердечный привет и пожелания всего хорошего.

У нас лето уже наступило и пока еще нет тяжелой влажной жары, которая бывает в июле и августе, сейчас как раз хорошо.

Нина Владимировна очень ослабела и плохо себя чувствует. Доктор прописал ей какие-то очень сильные витамины – надеюсь, что поможет.

Всего светлого. Душевно Ваш Г. Вернадский.

Нина Владимировна шлет привет.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

16 августа 1969 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

Недавно вернулась из интересной поездки – экскурсии по гоголевским местам. Были мы в Полтаве, Миргороде, Сорочинцах. Проезжая мимо Шишаков, через удивительный по мягкой красоте Псел, вспоминала о том, что все это любимые и родные места семьи Вернадских. В Полтаве, в Краеведческом музее радовалась, что в отделе освоения края висит портрет Владимира Ивановича в связи с его работами в Кременчугском уезде. Местные научные сотрудники тепло и хорошо отнеслись ко мне, узнав, что я работаю над архивами Владимира Ивановича. Полтава удивительно красивый, утопающий в зелени город, где старинные здания хорошо сочетаются с современными.

В Сорочинцах прекрасный музей Гоголя, устроенный на месте того дома, где он родился, с массой интересных экспонатов. Видели мы и место знаменитой Сорочинской ярмарки, которая по традиции устраивается здесь каждый год с 28-го по 31-е августа. Раскидываются палатки, на возах, запряженных волами, приезжают гоголевские персонажи (Хивря, Параска, парубки и т.п.) и разыгрываются небольшие сценки.

В Миргороде сохранилась достопримечательная «лужа», из которой устроен тенистый пруд на территории местного санатория.

Поездка была удивительно интересной.

Перед отъездом я опять заходила к Марии Марковне, и она передала мне часть воспоминаний Анны Егоровны, ознакомиться с которыми я еще не успела. Написаны они довольно неразборчиво. Придется над ними посидеть.

Всего доброго Вам и Нине Владимировне. Как Вы оба сейчас себя чувствуете?

Ваша В. Неаполитанская.

P.S. Сейчас получила присланную Вами работу Владимира Ивановича «The first year of the Ukrainian Academy of Science (1918 – 1919)». Как я рада видеть ее опубликованной, хотя бы и на английском языке. С удовольствием перечитываю. Большое спасибо за такой подарок.

У нас наконец-то наступили жаркие дни. Так обидно, что лето подходит к концу, а мы его почти не видели. А как у Вас? Как Ваши творческие успехи?

Еще раз всего доброго. В.Н.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

30 августа 1969 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Спасибо за Ваше письмо от 16 августа. Вот какую Вы совершили интересную поездку по Гоголевским местам! Полтава, Миргород, Сорочинцы – все мне знакомые места – и мимо Шишаков Вы проезжали! В Полтаве я в детстве и юности подолгу жила. Рад узнать, что там, в Краеведческом музее висит портрет моего отца.

Рад, что Вы получили Воспоминания моего отца (по-английски). Там на стр. 30 надо исправить один мой недосмотр. Философа-гегельянца звали не Д.А. Бакунин, а П.А. Бакунин. В моей копии машинописи Воспоминаний моего отца сказано А.А. Бакунин, в рукописи отца в Архиве Академии наук, вероятно, правильно (отец мой вероятно лично знал Павла Александровича Бакунина) или он описался.

У нас все продолжается мучительно влажная жара (был перерыв небольшой на несколько дней), надеюсь, что скоро станет уже прохладней.

Всего хорошего. Душевно Ваш. Г. Вернадский.

Нина Владимировна шлет сердечный привет.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

Москва, 14 октября 1969 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

Очень благодарна Вам за письмо от 30.VIII и бандероль с продолжением работы о «Приютине». Читаю ее с большим и теплым чувством. Вы справедливо говорите в ней о Егоре Павловиче. В воспоминаниях Анны Егоровны встречаются страницы (правда очень скудные), говорящие о Егоре Павловиче и его личном знакомстве с Великим Князем

Николаем Михайловичем. Владимир Иванович, по-видимому, очень любил и уважал своего тестя, и, очевидно, взаимно. В одном из писем (или дневников) Вашего отца мне запомнилась одна фраза Егора Павловича, обращенная к Наталье Егоровне: «И где ты его нашла такого Старицкого!». Их взаимоотношения могли бы послужить темой исследования, также как и всплывающие из архивных документов встречи Ваших родителей с Л.Н. Толстым. Я помню, что Ваш отец записал в «Хронологии» за 1934 г., что как-то после визита Владимира Ивановича и Д.И. Шаховского к писателю, на другой день Л.Н.Толстой пришел в Ваш дом, очевидно, чтобы «доспорить» с Владимиром Ивановичем. Подробностей этого посещения нигде найти не могу, даже в Музее Л.Н. Толстого. Не известно ли Вам что-нибудь по этому поводу?

Как здоровье и самочувствие Ваше и Нины Владимировны? Легче и дышится после летней жары?

Шлю Вам обоим лучшие пожелания. Ваша В. Неаполитанская.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

27 октября 1969 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Спасибо за Ваше письмо от 14 октября.

Вы спрашиваете, знаю ли я что-нибудь по поводу того, что как записал мой отец в своей хронологии за 1934 г. (по воспоминаниям моей матери), Лев Николаевич Толстой однажды сам зашел к моему отцу. То, что отец записал по воспоминаниям моей матери может быть значит, что отца в это время не было дома. Тогда это может относиться ко времени голода 1891 – 1892 годов, когда мне было лишь 5 лет. Толстой позвонил, мать ему открыла дверь, он вошел в переднюю и поговорил с моей матерью. Тут я, мальчишка, высунулся к ним. Мать сказала мне: «Смотри, Гуля – это великий русский писатель. Толстой погладил меня по голове. Я, конечно, сейчас же забыл, все это мне потом рассказали, когда я был уже в более сознательном возрасте.

У нас здесь сейчас стоит чудная осенняя погода, так что легче стало дышать. Ночью даже почти морозно, но в доме тепло.

Всего хорошего. Душевно Ваш. Г. Вернадский.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

27 ноября 1969 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

Благодарю Вас за полученное мною продолжение Вашей работы о «Приютине». Читаю его с большим интересом.

На днях была с внуком в Музее революции и с удовольствием установила, что в зале, относящемся к 1929 – 1930 гг. стоит мраморный бюст Владимира Ивановича работы З.М. Виленского, того самого скульптора, который выполнил памятник для Новодевичьего кладбища.

Это уже 4-я работа Виленского над образом Владимира Ивановича. После памятника на Новодевичьем он сделал бюст для Музея землеведения Московского университета и другой для станции метро «Проспект Вернадского». Я вспомнила, как вместе с Анной Дмитриевной мы ездили к Виленскому с нашим заказом. Его мы выбрали, потому что сочли его лучшим портретистом.

Явились мы к Виленскому домой без всяких рекомендаций, вооружившись только фотографиями Владимира Ивановича. «Я очень занят крупными правительственными заказами и ничего нового сейчас взять не могу», - сказал нам Зиновий Моисеевич. Тогда я вынула пачку фотографий. Вы только посмотрите, Зиновий Моисеевич! Скульптор взял фотографии. При взгляде на них глаза его засветились. «Какое замечательное лицо, - сказал он. - Я возьму этот заказ!». Выполнил он памятник великолепно.

Знаете ли Вы, Георгий Владимирович, что есть решение Украинской академии наук поставить перед зданием Президиума Академии бюст ее первого президента – В.И. Вернадского?

Заканчивая свое письмо, хочу спросить есть ли у Вас последняя работа Владимира Ивановича, вышедшая в 1965 г. «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения»? Если нет, я с удовольствием пришло.

Желаю Вам и Нине Владимировне здоровья и сил душевных, а Вам дальнейшей плодотворной творческой работы.

Ваша В. Неаполитанская.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

14 декабря 1969 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Спасибо за Ваше письмо от 27 ноября и за книжку журнала «Природа» № 9, 1969 с интересной статьей Тер-Оганесова «В.И. Вернадский и география».

Фотография памятника на могиле моего отца работы Виленского у меня есть. Рад узнать о трех других бюстах моего отца работы Виленского. Очень хорошо Вы описываете как Вы первый раз пришли к Виленскому вместе с Анной Дмитриевной, и он сначала сказал, что у него нет времени сделать бюст моего отца, но когда Вы показали ему пачку фотографий, он сказал: «Какое замечательное лицо! Я возьму этот заказ!». Рад узнать, что в Киеве будет установлен памятник моему отцу перед зданием Президиума Украинской академии наук.

Замечательная книга моего отца «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения», которую он называл «главной книгой моей жизни» у меня есть.

Всего хорошего. С душевным приветом Г. Вернадский.

Нина Владимировна шлет Вам привет. Здоровье ее плохо последнее время.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

27 декабря 1969 г.

Дорогие Георгий Владимирович и Нина Владимировна!

Сердечно поздравляю Вас с наступающим Новым Годом. Желаю Вам в Новом Году быть здоровыми и счастливыми. Георгию Владимировичу – больших творческих радостей.

У нас, наконец, установилась настоящая русская зима с сильными морозами. Мои внучата радуются снегу, санкам, лыжам и предстоящим школьным каникулам. 6-го января пойду с ними на Новодевичье кладбище с зимними ветками и цветами для могилы Владимира Ивановича.

Еще раз всего, всего Вам хорошего. Ваша В. Неаполитанская.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

12 января 1970 г.

С Новым Годом

Дорога Валентина Сергеевна,

Спасибо за Ваше Новогоднее письмо от 29 декабря и привет, и мы шлем Вам сердечный привет и пожелания всего светлого.

У нас праздники вышли невеселые, так как Нина Владимировна все плохо себя чувствует – слабость и уныние. Доктор прописал ей новую комбинацию всяких лекарств и сделал два укрепляющих впрыскивания. Пока что не очень помогло, но без этого конечно было бы еще хуже. Я пока держусь.

У нас морозы, снег, ветер, по улицам трудно ходить. Нина Владимировна не может гулять, а ей это необходимо для здоровья. Надеюсь, как-нибудь выпадет неделя потеплее или хотя бы день или два. Пока что доктор посоветовал Нине ходить по коридору в конце квартиры.

Еще раз всего хорошего. С душевным приветом от нас обоих.

Г. Вернадский.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

2 апреля 1970 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

Простите что так долго не писала Вам и только сейчас благодарю Вас за присланное мне окончание Вашей работы о «Приютине». Она очень интересна и из нее я узнала кое-что новое о Владимире Ивановиче.

Меня очень огорчило сообщение о нездоровье Нины Владимировны. Как сейчас Вы оба себя чувствуете? Вливает ли весенний воздух новые силы?

Я только что вернулась из санатория. В конце января вся моя семья переболела тяжелой формой гриппа, от которого только теперь все немного оправились. Я длительное время отсутствовала в Архиве, в связи с чем и задержалось мое письмо к Вам.

Итак, еще раз большое спасибо за «Приютино». Желаю Вам обоим быть здоровыми, а Вам дальнейших творческих успехов.

Хотелось бы мне знать как себя чувствует Нина Владимировна, Ваша сестра. Здоровы ли они все? Передайте ей, если увидите, мой большой сердечный привет. Ваша В. Неаполитанская.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

20 апреля 1970 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Спасибо за Ваше письмо от 4 апреля. Надеюсь, что Вы теперь совсем оправились от последствий гриппа. Здесь тоже много болеют.

У меня горе – Нина Владимировна заболела психически и с середины февраля находится в штатном госпитале для нервных и душевных болезней (миль за тридцать от New Haven'a). Хорошо, что около города, где госпиталь, живет моя сестра врач-психиатр, а в самом городе у нее кабинет для приема больных. Сестра навещает Нину несколько раз в неделю и звонит мне по телефону о том, в каком состоянии Нина. Я езжу навещать Нину раз в две недели. Последние две недели Нина гораздо лучше и сестра моя надеется, что скоро ее можно будет выписать из госпиталя и перевезти в санаторий (там же поблизости).

Сестра с семейством здоровы и благополучны. Украинское издание трудов моего отца я еще не получил.

Всего хорошего. Душевно Ваш Г. Вернадский.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

8 мая 1970 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

Меня очень огорчило сообщение о болезни Нины Владимировны, и я глубоко сочувствую Вашему горю и беспокойству. Буду надеяться, что когда мое письмо до Вас дойдет, Нина Владимировна будет уже в санатории. Все эти месяцы после Нового года я часто вспоминала Нину Владимировну и Вас и мне казалось, что кто-то из Вас болен. Поэтому, когда я получила Ваше письмо, я вскрывала его уже с беспокойством. Вероятно, это потому, что в новогоднем письме Вы уже сообщали о нездоровье Нины Владимировны. Как хорошо, что другая Нина Владимировна могла ее навещать и очевидно действительно помогла. Это великое счастье! Передайте ей, пожалуйста, мой сердечный привет.

Одновременно с этим письмом я посылаю Вам 2 экземпляра от тиска из журнала «Вісник Академії наук Української РСР», № 1, 1970 со статьей «Академік В.І. Вернадський, Україна». Второй экземпляр для Нины Владимировны. Ей может быть будет приятно прочитать статью о Владимировне Ивановиче на любимом ею украинском языке.

Всего Вам хорошего. Ваша В. Неаполитанская.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

18 мая 1970 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Сегодня получил от Вас 2 оттиска статьи Сорбея (по-украински) из Вісника Академії Наук Української РСР, а дней десять тому назад украинское издание избранных трудов моего отца. Большое спасибо! Завтра пошлю моей сестре предназначавшийся для нее оттиск. Сестра моя и семья ее здоровы и благополучны. К сожалению, не могу того же сказать о Нине Владимировне. Ее перевезли из госпиталя в санаторий – это хорошо, в госпитале она очень томила. Санаторий очень хороший, там будет внимательный уход за Ниной и кормить будут лучше, чем в госпитале. Но Нина пока еще не совсем понимает, где она очутилась. Надеюсь, что понемножку привыкнет. Но грустно мне то, что Нью-Хэйвенский наш доктор (который давно нас обоих лечит) сказал мне: не ободряйтесь себя надеждой, Нина к Вам в Нью-Хэйвен никогда уже не сможет вернуться, ей надо привыкнуть к пребыванию в санатории, другого выхода нет.

Так что, вот какое положение. Всего хорошего. Ваш Г. Вернадский.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

5 июня 1970 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

Как печально, что врачи предрекают Нине Владимировне пожизненное нахождение в санатории, вдали от Вас. А что думает по этому поводу Нина Владимировна – Ваша сестра? Неужели и она присоединяется к этому мнению? Я знаю, что врачи иногда ошибаются, и мне хочется верить, что так и будет с Ниной Владимировной. Я сейчас проверяю машинопись воспоминаний Анны Егоровны о ее детстве, где иногда упоминается очень тепло и любовно Ваша мама. Этих воспоминаниях описывается случай с Вашей бабушкой со стороны Натальи Егоровны. У нее родился сын, и она тяжело болела, настолько, что пригласила на консультацию (дело было в Тифлисе) крупного профессора. Считая, что больная не знает немецкого языка, профессор разговаривал с лечащим врачом по-немецки, и они оба решили, что дни ее сочтены. Но Ваша бабушка все поняла и очень возмутилась – как это такое, что она умрет! И решила обязательно поправиться. Очевидно, психологически это на нее так подействовало, что она действительно стала быстро поправляться. Случай этот, конечно, далекий от болезни Нины Владимировны, но, во всяком случае, подобных врачебных ошибок за свою жизнь я знаю много. Так хочется верить, что и Нина Владимировна, в конце концов, скоро вернется к Вам. Дай Бог!

Очень рада, что посланные мною книги и оттиск статьи о Владимире Ивановиче до Вас дошли, и, может быть, Вас в какой-то мере порадовали.

Желаю Вам всего, всего хорошего.

Буду благодарна, если напишите мне о дальнейшем состоянии Нины Владимировны и о Вашем здоровье и творческих планах.

Ваша В. Неаполитанская.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

17 июня 1970 г.

Дорогая Валентина Сергеевна!

Спасибо за Ваше письмо от 5 июня.

Посланные Вами мне книги и оттиски статьи о моем отце я, конечно, рад был получить. Все касающееся моего отца мне дорого. Оттиск биографии моего отца по-украински в общем толковый, только досадная ошибка в имени моей матери (она названа Катериной Егоровной). Случай с моей бабушкой, который описывает Анна Егоровна в воспоминаниях о своем детстве, мне не был известен. Он показывает, как врачи могут ошибиться и как много значит воля самого больного для его выздоровления.

У моей Нины до сих пор в ее болезни такой воли не было. Сестра моя согласна с доктором, что Нине предстоит пожизненное пребывание в санатории. До сих пор там Нина унывала. На днях сестра была у Нины и нашла ее в очень хорошем состоянии – живые глаза, говорила, что всем в санатории она довольна, что с ней там все мило и что ее вкусно кормят. Боюсь еще надеяться, что это не временное улучшение и вообще поворот к лучшему.

Я поеду навестить Нину в конце июня. Мое здоровье не плохо, держусь.

Всего хорошего. Душевно Ваш. Г. Вернадский.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

19 июня 1970 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

22 июня я уезжаю со своим внуком на один месяц в Крым. Следовательно, за это время ничего не буду знать о Вас и Нине Владимировне, что меня очень огорчит. Как Вы оба себя чувствуете? Есть ли хоть что-нибудь утешительное в состоянии Нины Владимировны? Я вернусь в Москву 22 – 25 июля и буду очень рада и благодарна, если к этому времени Вы сможете написать хоть несколько строк.

Радуюсь Вам сообщить, что на днях вышла из печати очень хорошая небольшая книга И.И. Мочалова «В.И. Вернадский человек и мыслитель». Я уже приготовила 2 экземпляра для Вас и Нины Владимировны Толль, но жду приезда в Москву автора, который хочет сам ее надписать. Ему это доставит большое удовольствие. Книга уже почти распродана, почему я запасла ее для всех друзей.

Желаю Вам всего, всего хорошего. Ваша В. Неаполитанская.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

18 июля 1970 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Спасибо за Ваше письмо от 19 июня. Теперь Вы верно уже скоро возвращаетесь в Москву. Надеюсь, что Ваша поездка с внуком в Крым вышла удачно и что Вы оба хорошо отдохнули.

Два экземпляра новой книги И.И. Мочалова о моем отце, которые Вы собирались послать мне перед отъездом из Москвы (для меня и моей сестры) я еще не получил. Уведомлю Вас как только получу. Сообщите мне, пожалуйста, его адрес – у меня есть, но старый, я не знаю, действителен ли он еще.

О Нине Владимировне, к сожалению, не могу сообщить ничего утешительного. Она в санатории (клинике), там очень приличная обстановка, за Ниной внимательный уход, ее хорошо кормят, но улучшения в ее состоянии нет. Сестра моя навещает ее раз или два в неделю – одну неделю Нина лучше, другую хуже (мутное сознание). Мне разрешают навещать Нину раз в месяц. Последние два раза что я ее видел, она была совсем беспомощная и апатичная, еле узнала меня.

Поеду к ней опять в воскресенье 2 августа.

Всего доброго. Ваш Г. Вернадский.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

2 августа 1970 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

Вернулась из Крыма и получила от Вас 2 письма от 17.VI и 18.VII. Большое спасибо за них и за сведения о Нине Владимировне. Сегодня Вы ее навещаете и мне так хочется узнать от Вас, что здоровье и состояние ее улучшилось. Так хочется в это верить!

Радуюсь, что Вы пишете свои воспоминания. Это очень нужно и очень ценно. Да мне кажется, что и Вам интересно вновь пережить прошедшие годы.

Книгу Мочалова «В.И. Вернадский – человек и мыслитель» (2 экз.) вышлю Вам завтра. Все ждала Инара Ивановича, чтобы он сам их написал, но боюсь, что в Москву он приедет не раньше сентября и ждать уже больше не хочется. Когда он будет в Москве, я уточню его адрес и Вам сообщу.

В Крыму мы с Леночкой очень хорошо отдохнули. Жили в Коктебеле, а экскурсировали по всему южному побережью от Алушты до Алупки. Были в Феодосии в музеях Айвазовского и Ал. Грина, в Ливадийском дворце, в Алупкинском дворце Воронцова и т.д. В Коктебеле несколько раз заходили в музей «Дом Поэта» М.А. Волошина. Жена Волошина Мария Степановна (ей сейчас 83 года) сказала мне, что насколько она помнит, между 1907 и 1912 годами в доме Волошина бывал Владимир Иванович. Я обещала поискать в записях Владимира Ивановича, нет ли упоминаний об этом визите.

Вернулись мы в Москву полные интересных впечатлений и просолившиеся морской водой.

Всего хорошего дорогой Георгий Владимирович. Желаю Вам здоровья, бодрости, интересной работы и хороших известий о Нине Владимировне.

Ваша В. Неаполитанская.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

13 августа 1970 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Получил два экземпляра книги И.И. Мочалова о моем отце. Большое спасибо. Замечательная книга. Один экземпляр послал моей сестре. Сообщите мне, пожалуйста, адрес автора. Мне хочется ему написать.

На днях мои американские друзья возили меня к Нине в клинику (санаторий), где она находится. Последние раза, что я ее видел, она была апатична и в голове у нее все путалось. Этот раз она была в таком хорошем состоянии духа и сознания как никогда еще за время ее болезни. Прямо чудо. Физически правда слабая, но веселая, всем довольная, легко переходила с русского на английский язык (со мной по-русски, с друзьями американцами по-английски). Потом мы поехали к моей сестре, радостно было ее и ее семейство видеть. Но сестра предупреждает меня, чтобы я не радовался слишком, что это минута просветления, а потом опять может быть поворот к худшему.

Всего доброго. Душевно Ваш Г. Вернадский.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

22 августа 1970 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Прилагаю оттиск моей статьи о географе А.Н. Краснове, я упоминаю в ней и о моем отце.

Спасибо за Ваше письмо от 2 августа, рад узнать, что Вы с внуком так хорошо съездили в Крым и отдохнули там.

Наши письма разминулись. Я Вам написал 13 августа, поблагодарил за присылку двух экземпляров книги Мочалова о моем отце и сообщил, что видел Нину Владимировну, и что ей было гораздо лучше. Поеду к ней опять недели через две.

Всего доброго. Душевно Ваш Г. Вернадский.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

30 октября 1970 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

Получила Ваше письмо от 13.VIII и другое, с приложением Вашей работы о А.Н. Краснове. Очень благодарна Вам за то и другое. С интересом прочла Вашу статью. Как всегда в ней есть для меня много нового, чего я не знала из других работ. Встают судьбы людей во всей их многогранности.

Очень порадовалась тому, что в августе Нина Владимировна встретила Вас и Ваших друзей радостно и была весела и оживлена. В сентябре Вы, вероятно, снова были у нее, и я очень жду Вашего письма об этой поездке. Я неисправимая оптимистка и верю во все хорошее. А мне так хочется, чтобы вопреки мнению врачей Нина Владимировна поправилась и вернулась домой.

В сентябре я не писала Вам потому, что снова вынуждена была поехать со своей внучкой 10-летней Аленушкой на 24 дня в детский сердечный санаторий в Анапу. Девочка моя там хорошо окрепла и сейчас по возвращении ее взяли в подмосковную школу-санаторий.

Перед отъездом я отправила Вам журнал «Химия и жизнь», где опубликована замечательная статья Владимира Ивановича «Автотрофность человечества».

Желаю Вам всего, всего хорошего. Ваша В. Неаполитанская.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

19 ноября 1970 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Спасибо за Ваше письмо от 3 октября. На днях получил от Вас № 8 журнала «Химия и жизнь» (1970) со статьей моего отца «Автотрофность человечества». Замечательная статья, какие глубокие проникновенные мысли!

На днях наши друзья возили меня к Нине. Она была не в таком оживленном состоянии как в августе, но все-таки в хорошем. Была очень рада видеть и меня и друзей. Но говорила и понимала только по-русски (друзья эти наши американцы). В августе же она свободно разговаривала и по-русски и по-английски и легко переходила с одного языка на другой. От Нины мы поехали к моей сестре. Там нас угостили ужином. Сестра и семейство ее здоровы и благополучны.

Всего доброго. Душевно Ваш Г. Вернадский.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

1 января 1971 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

Сердечно поздравляю Вас с Новым Годом! Желаю Вам крепкого здоровья, душевной бодрости и всего самого хорошего, что еще может нам дать жизнь. Хочется также много хорошего пожелать в отношении здоровья бедной Нины Владимировны. Каждый раз, получая ваше письмо, я ищу, что же Вы пишете о ней и Вашей очередной поездке. Если можно, передайте ей мои лучшие новогодние пожелания и сердечный привет.

Я очень рада, что Вам доставила удовольствие публикация в журнале «Химия и жизнь». Туда же я передала еще одну статью Владимира Ивановича «Памяти К.М. Бэра», где Владимир Иванович излагает интересные и глубокие мысли о значении русского искусства и литературы.

Хочу еще Вам сообщить, что в журнале «Soviet life», выходящем в США, в номере за апрель будет опубликован материал, посвященный первым шагам в космосе, в частности, о русских ученых, которые в своих работах предвосхитили начало космической эры и среди них – о Владимире Ивановиче. Если у Вас будет возможность достать этот журнал, я думаю, что Вам эта публикация также доставила бы удовольствие.

Всего хорошего. Ваша В. Неаполитанская.

(Вложено краткое поздравление на имя Нины Владимировны Толль).

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

10 января 1971 г.

С Новым Годом,

дорогая Валентина Сергеевна,

Спасибо за Ваше письмо от 1 января. И я шлю Вам привет и пожелания здоровья и всего светлого. Ваш Новогодний привет моей сестре я переслал ей.

Положение Нины все такое же, ей то лучше, то хуже. Надежды, что она выздоровеет нет. Сестра моя видела ее на днях. Она обрадовалась, но затем у нее все начало путаться в голове. Меня друзья повезут к ней через две недели.

С интересом жду статью моего отца «Памяти К.М. Бэра». На днях пошло Вам фотокопию (хехох) моих Воспоминаний о годах моего учения (гимназия, Московский университет, Петербургский университет). Там я говорю и о моих родителях

У нас стоят лютые, сырые морозы с ветром. Было две снежных метели. Доктор сказал мне сидеть дома, но все-таки часто приходится выходить, у меня дыхание захватывает. Надеюсь, что к концу февраля уж погода сделается более милостивой.

Всего доброго. Душевно Ваш. Г. Вернадский.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

1 февраля 1971 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

Очень обрадовалась получив Ваше письмо и обещание прислать мне Ваши воспоминания. Обрадовалась потому, что общаясь с Вами и близко знакомясь в Архиве со всем, что относится к Вашей семье, я невольно вспоминаю тот интерес и внимание, которые высказывал Владимир Иванович к семьям, где талант и научное творчество как бы передавались из поколения в поколение (например, семья Беккерелей, Дарвинов и др.). Я думаю, что к этой же плеяде талантливых семейств следует отнести и семью Вернадских. Вспоминается Ваш прадед Василий Иванович «штаб-лекарь», участник Альпийского похода Суворова, получивший из рук Наполеона орден Почетного Легиона за гуманное отношение к раненым пленным солдатам. Не был ли он первым рус-

ским, получившим этот орден? Ваш дед Иван Васильевич – блестящий профессор, издатель журнала «Экономист». Рядом с ним – чудесная женщина, его первая жена Мария Николаевна Шигаева, портрет которой висит в кабинете Владимира Ивановича рядом с портретом Ивана Васильевича. Сам Владимир Иванович (гений, организаторский талант и большая горячая душа которого еще не до конца раскрыты перед его соотечественниками). Рядом с ним я всегда вижу Наталью Егоровну, женщину глубокого ума, большой культуры и действенной любви к людям, редкую жену и друга Вашего отца, умную и любящую мать. Наконец, Вы и Ваша сестра Нина Владимировна. Вы знаете все это, конечно, гораздо глубже и полнее, чем я. Но поверьте, одно лишь соприкосновение с историей Вашей семьи дает очень много. С тех пор, как я стала «заниматься Вернадским», моя голова полна новых мыслей, образов, знаний, сердце открыто для добрых чувств и стремления сделать что-то хорошее и нужное. Я настолько ярко представляю себе Вас всех по тем фотографиям, которыми я располагаю, что мне и в голову не приходило, что Вы то меня совсем не знаете. Я нашла старую фотографию (17-летней давности) - скульптор Виленский и я у памятника Владимира Ивановича. Посылаю ее Вам.

Как Вы съездили к Нине Владимировне? Когда собираетесь еще? Как себя чувствуете?

Всего, всего Вам хорошего. Ваша В. Неаполитанская.

Г.В. Вернадский - В.С. Неаполитанской

12 февраля 1971 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Спасибо за Ваше письмо от 1 февраля с приложением замечательной фотографии – Вы и скульптор Виленский у памятника моего отца. Так рад Вас увидеть хоть на фотографии.

Очень Вы интересно пишете о высказываниях моего отца о семьях, в которых научное творчество как бы передается из поколения в поколение.

У Нины доктора обнаружили какое-то осложнение в кишках. Ее перевезли в больницу на исследование, не решили еще нужно ли делать ей операцию или обойдется без операции. Пока она в больнице мне не позволяют к ней ездить, чтобы ее не волновать. Сестра моя видит ее раза два в неделю. Сколько дней Нину продержат в больнице еще неизвестно. Надеюсь, что обойдется без операции.

Я чувствую себя неплохо. Здесь стояли ужасные холода с ветром, я старался без крайней необходимости не выходить на улицу. Но последние дни уже тепло, надеюсь, что морозы пройдут скоро совсем.

Всего доброго. Душевно Ваш Г. Вернадский.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

10 марта 1971 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

Несколько дней назад получила Ваше письмо от 12 февраля, а за неделю до него «Воспоминания». Большое спасибо за все. «Воспоминания» читала с большим интересом. Много для меня новых лиц и событий. Вы несколько раз упоминаете М.В. Шик, а я иногда вижу с его дочерью Елизаветой Михайловной (приемной дочерью Анны Дмитриевны). Она с 132-летним сыном Павликом живет все в той же комнате, где я в последний раз видела Анну Дмитриевну. По просьбе Елизаветы Михайловны я дала ей прочитать Ваши «Воспоминания».

Я очень рада, что иногда открываю для Вас новые странички из высказываний Владимира Ивановича. Вы так давно с ним расстались, что большой и важный период жизни Вашего отца прошел вне поля Вашего зрения. Между тем это было время огромного расцвета творческой мысли Владимира Ивановича.

В Архиве хранится много рукописей Владимира Ивановича, начатых и незавершенных. Все они даже в таком виде представляют громадный интерес. Я и мои товарищи по работе приводим их в порядок и понемногу готовим для издания. Надеемся, что в конце концов, нам удастся опубликовать несколько томов этого замечательного наследия. Тогда и я буду считать, что моя жизнь не прошла даром.

Сейчас в Москве находится Инар Иванович Мочалов, и мы с ним много говорим о его будущей большой книге, посвященной жизни и творчеству Владимира Ивановича. Я знакомяю его с материалами о Наталье Егоровне и семье Старицких. Из них видно, как близок к ним по духу был Владимир Иванович, как необыкновенно женственна, умна, духовно глубока и прекрасна была Наталья Егоровна. Понимаешь слова Владимира Ивановича: «Прожили вместе 56 лет душа в душу и мысль в мысль». Все это теперь войдет в монументальный труд Инара Ивановича. Пока же он готовится к защите докторской диссертации, которая состоится весной этого года в стенах Государственного педагогического института, в том самом здании, где когда-то были Высшие Женские Курсы, на которых преподавал Владимир Иванович.

Недавно мне позвонила Екатерина Матвеевна Ферсман (жена Александра Евгеньевича). Она тепло вспоминала о встречах с Вашей сестрой Ниной Владимировной в Праге. Екатерина Матвеевна просила меня передать Вам с супругой и Нине Владимировне с семьей ее сердечный привет. Делаю это с удовольствием, потому что глубоко уважаю Екатерину Матвеевну за неустанную деятельность по увековечению памяти Александра Евгеньевича.

Как здоровье Нины Владимировны? Выписали ли ее из больницы? Где она сейчас?

Шлю Вам обоим сердечный дружеский привет.

Ваша В. Неаполитанская.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

11 апреля 1971 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Спасибо за Ваше письмо от 10 марта. Отзываются на него с таким опозданием, так как 17 марта у меня случился сердечный приступ. Меня перевезли в госпиталь, всячески исследовали и энергично лечили.

Сейчас пишу из дома моей сестры. Сестра пригласила меня к себе на две недели, чтобы я отдохнул и набрался сил. Мне здесь очень хорошо. Через десять дней вернусь в New Haven.

Всего хорошего. Душевно Ваш Г. Вернадский.

Сестра просит передать Вам ее сердечный привет.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

29 апреля 1971 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

Очень беспокоилась долго не получая от Вас писем. Оказывается, вы действительно были больны, да еще так тяжело. Как теперь Вы себя чувствуете?

У меня тоже 2 недели назад произошел неприятный случай. Поднималась с колен от нижних полок буфета и ударилась переносицей о незакрытую верхнюю его дверцу. На месте ушиба вскочила большая шишка со ссадиной и кровоподтеком, который сейчас проходит все цвета радуги. Кость к счастью целая и все понемногу приходит в норму. Благодаря этому происшествию сижу дома и занимаюсь просмотром и подготовкой к печати переписки Владимира Ивановича с Б.Л. Личковым, которая обнимает период с 1918 по 1944 гг. Переписка помимо всего прочего интересна тем, что в ней много полемики по разным геологическим вопросам. Причем, как говорит мой муж (а он геолог-тектонист), эта полемика с точки зрения современных воззрений годится для хрестоматии по геологии как классический пример того, что в конечном счете в спорах оказывается прав Владимир Иванович.

3 мая И.И. Мочалов защищает докторскую диссертацию по теме «Естественно-научные и философские основы мировоззрения В.И. Вернадского». Один из оппонентов ученик и сотрудник Владимира Ивановича проф. В.И. Баранов. Может быть, Вы его даже знали? После защиты напишу Вам и расскажу о ней.

Пришлось ли Вам после болезни побывать у Нины Владимировны? Как она?

Ваша В. Неаполитанская.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

13 мая 1971 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

Простите, что пишу с некоторым опозданием обещанное Вам письмо с описанием защиты докторской диссертации И.И. Мочалова. Защи-

та прошла очень хорошо при большой наполненной аудитории. Инар Иванович сделал прекрасный доклад, глубоко и тонко дав анализ развития творческой мысли и мировоззрения Владимира Ивановича. Оппоненты (их было три) дали высокую оценку проделанной работе. Было зачитано несколько официальных отзывов от 3 – 4 научных учреждений, поддерживающих диссертанта и содержательный отзыв академика А.Л. Яншина, в конце которого было сказано, что издательство «Наука» поручает Инару Ивановичу написать научную биографию Владимира Ивановича на 22 печ. листа. В заключительном слове Инар Иванович тепло поблагодарил всех, кто помогал ему в работе, в том числе и профессора Йельского университета Г.В. Вернадского за ценные сведения о Владимире Ивановиче. Результат голосования блестящий: 14 голосов «за» при 16 голосах.

Вот краткий рассказ о дне 3 мая.

Как здоровье Ваше, дорогой Георгий Владимирович? Были ли Вы за это время у Нины Владимировны? Как она?

Всего, всего Вам хорошего. Ваша В. Неаполитанская.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

14 мая 1971 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Спасибо за Ваше письмо от 29 апреля. Вот неприятный случай с Вами произошел, что Вы ударили себе переносицу. Надеюсь, что теперь боль прошла. Я постепенно крепну и вернулся к нормальной жизни (более или менее). Завтра поеду опять к сестре на десять дней, чтобы отдохнуть и набраться сил.

Всего доброго. Душевно Ваш Г. Вернадский.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

31 мая 1971 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Большое спасибо за Ваше письмо от 13 мая с описанием защиты докторской диссертации Инара Ивановича Мочалова. Рад узнать, что защита прошла очень интересно и успешно и что издательство академии наук решило поручить Инару Ивановичу написать биографию моего отца. Радуюсь за успех Инара Ивановича и рад, что писание биографии моего отца попало в надежные руки «специалиста по Вернадскому».

Передайте, пожалуйста, Инару Ивановичу мое поздравление и сердечный привет.

Мое здоровье лучше, я вернулся к нормальной жизни, но должен следить за собой, чтобы не утомляться и все делать без спеха.

Я опять ездил отдохнуть к моей сестре, недавно только вернулся и опять поеду в середине июня.

Нина (моя жена) все в том же положении – то хуже, то лучше, выздороветь она не может.

Нина, моя сестра, навещает ее раз в неделю, а мне (ее в качестве врача психиатра) еще не позволяют ее видеть.

Всего доброго. Душевно Ваш Г. Вернадский.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

9 ноября 1971 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

Очень давно Вам не писала и также давно и от Вас не получала писем. Летом уезжала вместе с мужем в Среднюю Азию, где у него работали в разных местах геологические партии его сотрудников. Жили мы в палатках, в горах, проезжали Ферганскую долину по дороге, по которой в 1913 году Владимир Иванович ехал в немьслимой тарантайке на рудник Тюя-Муюн. Теперь здесь прекрасное шоссе и весь край в цвету. Были мы в Ташкенте, Самарканде и Бухаре. Восхищались изумительными памятниками архитектуры, радовались, что все сейчас реставрируется и обретает былую красоту как, например, древняя крепость Арк.

Теперь я снова в Москве и снова сижу в Архиве над рукописями Владимира Ивановича.

Вчера мне звонил А.В. Храбровицкий. Беспокоился, что давно не получал от Вас писем. Забеспокоилась и я. Здоровы ли Вы? Как здоровье и состояние бедной Нины Владимировны? Как поживают Нина Владимировна – Ваша сестра, Николай Петрович и Татьяна Николаевна?

Шлю Вам всем самые лучшие пожелания. Ваша В. Неаполитанская.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

19 ноября 1971 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Спасибо за Ваше письмо от 9 ноября. Вот как хорошо, что Вы прошлым летом удачно и интересно съездили в Среднюю Азию. Я в молодости бывал и в Крыму и на Северном Кавказе. Летом 1914 года соби-рался съездить в Среднюю Азию, но тут как раз началась война.

16 октября умерла Нина Владимировна (моя жена). Она долго болела и страдала, но смерть была тихой, она скончалась во сне. Тяжело было мне пережить. Понемногу вернулся к жизни. Хоронили Нину в Нью Хэвене. На похороны пришло много друзей.

В последней открытке от Храбровицкого (от 2 сентября) он мне сообщил, что писал мне 7 августа морской почтой. Я до сих пор еще не получил этого письма.

Сестра моя с семейством благополучны. Сестра для меня сейчас – особенно такая душевная поддержка.

Всего доброго. Душевно Ваш Г. Вернадский.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

Москва, 9 декабря 1971 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

Примите выражения моего глубокого сочувствия по поводу Вашего горя – кончины бедной Нины Владимировны. Это тяжелая, невосполнимая утрата, и я понимаю, что все слова утешения будут звучать бледно и не нужно. Но, может быть, сознание того, что за океанами на Вашей далекой Родине полна глубокой печали о Вашей потере душа моя, да и сердца всех Ваших друзей, кого я только смогла оповестить об этом горестном событии, несколько согреет Вас, даст Вам сознание того, что не так уж одинок человек на Земле, как ему кажется в момент утраты.

Такое же тяжелое горе, как Ваше теперь, я пережила очень давно в 1924 году, когда мне было 17 лет. Умер горячо любимый мой отец. Время все подлечило. Теперь в памяти остался только образ человека большой души, доброты и обаяния. Позднее к этому образу прибавился образ глубокоуважаемого мною Владимира Ивановича. Когда я их обоих вспоминаю, мне делается тепло и радостно. Вспоминаются слова: «Не говори с прискорбием – их нет, но с благодарностию – были!».

Какое счастье, что близко от Вас находится другая Нина Владимировна. Мне кажется, что у нее такое большое сердце, что тепла его хватит на всех, кто нуждается в поддержке, не говоря уже о Вас, ее единственном брате. Храни Вас всех Бог. Все мы понемножку идем к своему закату. Но до последних дней хочется сохранить веру в жизнь, в Человека, в то, что с нашей смертью еще не все прекрасное на Земле кончается.

Всего Вам хорошего. Ваша В. Неаполитанская.

Передайте мой привет и глубокое уважение Нине Владимировне.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

13 декабря 1971 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Сердечное спасибо за Ваше письмо от 2 декабря. Сочувствие друзей согревает душу.

Теперь всегда передо мной живой, светлый и ласковый образ Нины (моей жены). Такой, какой она была всю жизнь до ее болезни – такое счастье мне было выдано Судьбой!

Нина (сестра моя) – такая теперь крепкая опора для меня. Вы правы, что у нее большое сердце. Есть и друзья кругом, которые знали и любили Нину.

Надо жить и работать пока есть силы и пока голова работает. Продолжаю мои научные занятия и пишу (по-русски) Очерки по истории исторической науки в России в XIX и начале XX века.

Сестре моей я передал Ваш привет. Всего доброго.

Душевно Ваш Г. Вернадский.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

4 февраля 1972 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

Шлю Вам запоздалое поздравление с Новым Годом и пожеланием здоровья и творческих успехов в этом году.

Какую интересную тему Вы избрали для Вашей работы по истории исторической науки в России в XIX и начале XX века! Но я помню, что в прошлых письмах Вы сообщали мне о своем намерении писать также и Ваши воспоминания. Желаю Вам много здоровья и сил для осуществления этих прекрасных намерений.

Я только что вернулась из Ленинграда, где работала в Ленинградском отделении Архива, а в свободное время ходила по музеям и театрам. В Русском музее чудесная выставка старинных икон Новгородской школы. В Эрмитаже – выставка камней и скульптур ученика Родена – Бурделя. Мне нравится, что в наших музеях художественная жизнь, как говорится, «бьет ключом». Но особенно я люблю бывать в загородных дворцах-музеях. В этот раз ездила в Павловск. Там удивительная картинная галерея, собранная еще строителями дворца, включающая в себя полотна таких мастеров как Гвидо Рени, Карло Дольчи, Рубенс, Вагто и многих других. Дворец восстановлен таким, каким он был при Павле I. Во всех комнатах тикают разнообразные по стилям часы. Музей поражает еще больше, когда на помещенных там фотографиях видишь, какими были эти покои сразу после войны: обрушенные потолки и стены, грязь и мерзость запустения. Самоотверженный труд вложили в восстановление этих сокровищ архитектуры и живописи наши замечательные реставраторы.

Всего Вам хорошего, дорогой Георгий Владимирович.

Прошу передать мои новогодние поздравления и лучшие пожелания Нине Владимировне с семьей. Ваша В. Неаполитанская.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

19 февраля 1972 г.

С Новым Годом!

Дорогая Валентина Сергеевна,

Спасибо за Ваше новогоднее письмо от 4 февраля. И я шлю Вам привет и пожелания здоровья и всего хорошего.

Вы очень интересно описываете Ваши посещения музеев в Ленингаде и окрестностях. Вот хорошо, что в них художественная жизнь «бьет ключом» как Вы пишете.

У нас зима все не может кончиться, февраль оказался не лучше января. Сегодня за ночь выпало много снега, а сейчас поднялся страшный ветер – прямо буря.

Всего хорошего. Душевно Ваш Г. Вернадский.

Я передал по телефону моей сестре Ваше новогоднее поздравление, она просит передать Вам от нее привет и наилучшие пожелания.

В.С. Неаполитанская – Г.В. Вернадскому

5 августа 1972 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

Давно уже получила от Вас оттиск Вашей работы «Очерки по истории науки в России в 1725 – 1920 гг.», а поблагодарить Вас собралась только теперь. Прошу Вас простить меня и принять мою запоздалую сердечную благодарность. Последние 2 – 3 месяца много времени я занималась внуками, которые живут на даче в Подмоскowie, кроме того осуществился наш переезд на новую квартиру. Пришлось много повозиться с устройством, так как у нас довольно большая библиотека по геологии и по искусству. Теперь устроились так, как мечтали, очевидно уже до конца дней. Сообщаю свой новый адрес. Письма мне можно писать или по прежнему на Архив, или же ко мне домой: 119048 Москва Кооперативная улица, дом 3, корпус 4, квартира 7.

Дорогой Георгий Владимирович, одновременно с этим письмом я посылаю письмо для Нины Владимировны. Может быть, она будет добра, и напишет мне несколько строчек о Вашем здоровье.

Всего Вам хорошего. Ваша В. Неаполитанская.

Г.В. Вернадский – В.С. Неаполитанской

17 августа 1972 г.

Дорогая Валентина Сергеевна,

Получил сегодня Ваше письмо от 5 августа и письмо моей сестре (перешлю завтра), уже уложил в конверт. Она мне каждый день звонит по телефону.

От А.В. Храбровицкого получил вчера письмо, сегодня написал ему.

У меня все благополучно, за исключением неприятности с зубами. Дантист, сделав рентгеновские снимки, вырвал четыре оставшихся у меня зуба, так что сейчас могу питаться только жидкой пищей. Завтра я к нему должен идти на проверку, а потом надеюсь, мне сделают новые челюсти и тогда я опять заживу нормально.

Воображаю, сколько у Вас было хлопот с переездом на новую квартиру и устройству там, но зато когда устроитесь, верно, будет очень хорошо.

Всего доброго. Сердечный привет. Душевно Ваш Г. Вернадский.

Примечание В.С. Чеснокова

Привожу отрывок из книги С.А. Сатиной «Образование женщин в дореволюционной России». Нью-Йорк. 1966. 152 с.

Г.В. Вернадский в письме В.С. Неаполитанской от 14 марта 1969 г. ссылается на то место в книге, где говорится о влиянии Натальи Егоровны на Владимира Ивановича при разрешении спора между слушательницами Высших женских курсов и преподавателями. Жена В.И. Вернадского убедила своего мужа встать на сторону курсисток.

Вот что пишет С.А. Сатина:

«Московские Высшие Женские Курсы (М.В.Ж.К.) были открыты 17 сентября 1900 года ... Лекции по кристаллографии и минералогии читались на 2-м курсе. Они были очень содержательны и интересны. Их читал В.И. Вернадский, а практические занятия вела его ассистентка Ревуцкая. Мы были знакомы с профессором Вернадским и Ревуцкой уже по Коллективным Урокам, и я с увлечением занялась опять определением кристаллов ...

С. 119. Мы любили и уважали наших профессоров и преподавателей. Курсистки ценили их серьезное отношение и стремление дать нам все, что было возможно при данных условиях в только что открытом учебном заведении... К сожалению совершенно иначе обстояли взаимные отношения между директором и учащимися ...

С. 124. Мы избегали насколько возможно устройства общекурсовых сходок обоих факультетов. Они были очень редки, но все же иногда неизбежны. Одна такая сходка привела к большому скандалу. Произошло это весной второго года существования Курсов. Группа студенток послала от имени слушательниц М.В.Ж.К. поздравительную телеграмму (кажется Вольно-Экономическому Обществу)...

С. 125. Инициаторши приветствия посланного от имени курсисток забыли, или не знали, что посылка телеграммы от имени учащихся учебного заведения нарушала строгие правила Министерства Народного Просвещения. Учащимся в высших школах России коллективные выступления не разрешались. В.И. Герье, узнав об этой телеграмме, пробрал пославших ее, имея на то основание. Но когда одна из курсисток, возражая ему, сослалась на то, что мы не дети, что и мы, учащиеся, хотим присоединить свой голос... директор перебил ее и, взяв рукой за подбородок, спросил: «цыпочка, да сколько Вам лет?». Она ударила его по руке, отстраняя ее от своего лица. Поднялся настоящий скандал... Через несколько дней на Курсах разнесся слух, что обе наши делегатки были исключены... Мы требовали возвращения исключенных, если они были действительно исключены... Курсистки нашего сплоченного 2-го курса естественного отделения после краткого обсуждения решили единогласно, что никому из нас на Курсах оставаться нельзя...

С. 126 - 127. На той же сходке было еще решено, что до подачи заявления о нашем уходе три представительницы нашего 2-го курса должны немедленно обойти профессоров физико-математического факультета и постараться убедить их, что М.В.Ж.К. нуждаются в их активном участии в управлении Курсами...

Обошли всех профессоров... К концу второго дня наших визитов к профессорам нам оставалось повидать только одного из них – минералога В.И. Вернадского. Это последнее свидание с профессором продолжалось необычайно долго. Мы пришли к нему, как раз, когда его позвали к обеду. Конечно, мы хотели ретироваться, но он настоял на том, чтобы мы ему сказали, в чем дело. Выслушав нас, он начал убеждать нас, что мы не правы, что управление Курсами постепенно наладится само собой, что с этим делом спешить не следует, что «тише едешь дальше будешь» и т.д. Мы стояли на своем, приводя ему для этого разные доказательства, настаивая на необходимости участия Совета Профессоров в ведении дел этой школы, пока не будет поздно. Спор наш продолжался более двух часов. Зная, что мы помешали профессору обедать, мы раза три пытались уйти, но Вернадский нас не отпускал, настаивая на том, что надо договориться до конца. При нашем уходе каждая сторона осталась при своем мнении. Ушли мы, извинившись перед ним, что отняли у него столько времени, и очень огорченные.

На другой день после нашего посещения В.И. Вернадского, я пошла на Курсы, чтобы проститься с его ассистенткой, с которой мы были очень дружны, и совершенно неожиданно встретила там с Вернадским. Увидев меня, он отозвал меня в сторону и просил меня передать нашему курсу следующее: после нашего ухода, он весь вечер проспорил с женой. Она была на нашей стороне и в конце концов убедила его, что он неправ в нашем с ним споре, когда настаивал на том, что преподавателям в настоящее время не следует вмешиваться в дела Курсов. Он теперь считает, что профессорам нельзя ограничиваться одним преподаванием и обещает нам созвать на этих днях частное совещание профессоров нашего факультета, чтобы обсудить с ними положение дел на Курсах. В добавление он очень просил меня передать всему нашему курсу свое искреннее и большое сожаление, что мы уходим с Курсов.

Обещание свое В.И. Вернадский сдержал. Совещание профессоров состоялось через два дня. Как мы узнали потом все собравшиеся преподаватели, обсудив дело, несмотря на очень поздний час, отправились с деканом во главе на квартиру директора и добились от него согласия и обещания созвать Совет Профессоров...

Все это дело окончилось неожиданно следующим образом: после пасхальных каникул в Канцелярии Курсов был вывешен огромных размеров плакат, подписанный Попечителем Московского Учебного Округа. В нем было заявлено, что, принимая во внимание благоразумное поведение большинства учащихся М.В.Ж.К., исключенным двум слушательницам разрешается поступить обратно на Курсы, а заявлениям беспокойного меньшинства учащихся о выходе с Курсов не дано хода. Поэтому подавшие их могут продолжить свои занятия.

Как я узнала только теперь и что мне особенно приятно сообщить здесь, В.И. Герье не исключил тогда наших двух представительниц. Он «посоветовал» их родителям взять их с Курсов. Такой «добровольный» уход не наносил ущерба их будущей деятельности».

Валентина Сергеевна Неаполитанская (1907 – 1998)

В.С. Неаполитанская родилась в феврале 1907 г. в Сергиевом Посаде. Ее отец кандидат богословия С.И. Фрязинов учился в духовном училище, в 1902 г. окончил Духовную академию при Троице-Сергиевой Лавре.

В.С. Неаполитанская закончила Институт коммунального строительства и в 1935 г. поступила бухгалтером-экономистом в СОПС АН СССР. Этот Совет находился в одном здании с Биогеохимической лабораторией В.И. Вернадского. Она решила познакомиться с его трудами, и в 1944 г. приняла предложение занять должность главного бухгалтера Биогеохимической лаборатории. Как нового сотрудника ее принял для беседы В.И. Вернадский. В.И. Вернадский скончался 6 января 1945 г. В распоряжении Президиума АН СССР от 24.9.1945 г. № 504 было записано: «Признать целесообразным организацию Кабинета-музея Владимира Ивановича Вернадского в новостроящемся здании Лаборатории геохимических проблем». К 80-летию В.И. Вернадского Биогел переименовали в Лабораторию геохимических проблем. В 1947 г. она была преобразована в Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского. 20 мая 1953 г. состоялось открытие Мемориального Кабинета-музея Владимира Ивановича Вернадского в ГЕОХИ им. В.И. Вернадского АН СССР. Первым хранителем Кабинета-музея стала А.Д. Шаховская – личный секретарь В.И. Вернадского,

В.С. Неаполитанская стала ей помогать.

С 1962 г. Валентина Сергеевна погружается в исследование неопубликованных рукописей В.И. Вернадского в Архиве АН СССР, участвует в издании его трудов. В 1965 г. выходит в свет «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения». Затем – «Размышления натуралиста» (в двух книгах): «Пространство и время в живой и неживой природе» (1975) и «Научная мысль как планетное явление» (1977), «Живое вещество» (1978), в 1979 – 1980 гг. – «Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым» (в 2-х томах), «Труды Биогеохимической лаборатории», т. 16. (1980). В серии «Человек. События. Время» издательство «Планета» в 1988 г. выпустило в свет фотоальбом «В.И. Вернадский», составителем его была В.С. Неаполитанская. В этих и многих других изданиях она расшифровывала рукописи, сверяла их с прижизненными редакциями, выполняла другую трудоемкую и кропотливую работу. Последней подготовленной ею работой стал альбом «Вернадский глазами художников», увидевший свет в 1998 г. В 1975 г. В.С. Неаполитанская вернулась в Кабинет-музей В.И. Вернадского для работы на общественных началах, она в одном лице хранитель, исследователь, публикатор и пропагандист научного наследия академика В.И. Вернадского. Много людей побывало на ее вдохновенных экскурсиях в Кабинете-музее В.И. Вернадского.

Она переписывалась с сыном и дочерью В.И. Вернадского (Г.В. Вернадским и Н.В. Вернадской).

В.С. Неаполитанская была человеком редкого ума, отзывчивым, деликатным, преданным своим идеалам ученым.

С.Г. Пушкарёв

ПАМЯТИ УШЕДШИХ. Г.В. ВЕРНАДСКИЙ¹

(Новый Журнал. Кн. 113. Нью-Йорк. 1973. С. 266 – 270)

12 июня скончался выдающийся русско-американский ученый Г.В. Вернадский, бывший поистине патриархом русской историографии в США.

Г.В. Вернадский родился 20 августа 1887 года в Петербурге, но свои детские и юношеские годы он провел в Москве, где жили его родители (отец его Владимир Иванович Вернадский был профессором Московского университета, впоследствии академиком, известным ученым в области минералогии и биохимии).

Весной 1905 г. Г. Вернадский окончил московскую 5-ю гимназию и осенью этого года поступил на историко-филологический факультет Московского ун-та, но в бурную осень 1905 года занятий в университете фактически не было, и Г.В. уехал в Германию, где слушал лекции в Берлинском и Фрейбургском университетах. Осенью 1906 г. он возвратился в Россию, в Московский университет, который окончил в 1910 году. Его ученая карьера началась в С.-Петербургском ун-те. В 1911 г. Вернадские переехали в Петербург.

В 1913 г. Г.В. выдержал магистерские экзамены и получил звание приват-доцента по кафедре русской истории, после чего читал лекции и вел «семинарии» на историко-филологическом факультете и одновременно готовил свою магистерскую диссертацию: «Русское масонство в царствование Екатерины 2». Она была опубликована весной 1917 года, а в октябре этого года, после публичной защиты диссертации, Г.В. получил степень магистра русской истории.

Пройдя, таким образом, через два столичных университета, Г.В. Вернадский воспользовался лекциями, советами и руководством самых выдающихся русских историков того времени – и «московской школы», во главе с В.О. Ключевским, и «петербургской школы», во главе с С.Ф. Платоновым.

Бурная и жестокая эпоха революции и гражданской войны заставила Г.В. Вернадского и его жену Нину Владимировну, верную спутницу его жизни (скончавшуюся в октябре 1971 г.), покинуть столицу и передвинуться к «перифериям». В 1918 – 1920 гг. Г.В. был профессором русской истории сначала в ново-открытом университете в Перми, а потом в Таврическом университете в Симферополе. В сентябре 1920 г. Г.В., оставаясь профессором университета, занял, по назначению ген. Врангеля, должность начальника отдела печати.

---

¹*Этот некролог Г.В. Вернадского был напечатан С.Г. Пушкарёвым сразу после кончины Г.В. в «Новом Русском Слове». РЕД.*

После «крымской эвакуации», в ноябре 1920 года, Вернадские около года прожили в Афинах, где Г.В. усиленно занимался изучением источников и литературы по истории Византии, а в начале 1922 года они переехали в Прагу, где, по приглашению чешского правительства, собралось много русских профессоров, преподавателей и студентов. В Праге Г.В. был профессором истории русского права на русском юридическом факультете. Здесь он подготовил и издал «Очерк истории права русского государства XVIII – XIX вв.» (1924), затем – специальное исследование о составленном Новосильцевым, по поручению Александра I, проекте конституции для России: «Государственная уставная грамота Российской Империи 1820 года» (1925); вскоре это исследование было издано по-французски.

В Праге Г.В. близко сошелся с знаменитым археологом и историком византийского и древне-русского искусства Н.П. Кондаковым и после его смерти (в 1925 г.) принимал деятельное участие в работе так называемого «Кондаковского института».

В пражский период своей жизни Г.В. Вернадский общался с основоположниками так называемого «евразийского» движения; он не принимал никакого участия в извилистой политике евразийских «вождей», но ему были близки их историко-философские взгляды, сводившиеся, вкратце, к тому, что Россия-Евразия не «самая отсталая страна Европы», долженствующая имитировать «передовые страны Западной Европы, но есть мир своеобразной и самобытной культуры, конечно, воспринимающий влияния и с Востока и с Запада.

Ряд книг Г.В. Вернадского, вышедших в «евразийском книгоиздательстве», содержит обзор истории «России-Евразии», ее политического и культурного развития. Таковы: «Начертание русской истории» (1927); «Опыты истории Евразии с половины VI века до настоящего времени» (1934); «Звенья русской культуры», ч. 1 (до половины XV в.); здесь автор выясняет влияния Византии и Востока в различных областях древне-русской жизни.

Летом 1927 года Г.В. Вернадский был приглашен Ейльским университетом на должность научного сотрудника по русской истории; в августе 1927 года Вернадские приехали в США и поселились в Нью Хэйвене, где и прожили до конца своей жизни.

Приехав в США, Г.В. погрузился в научную работу. В значительной степени благодаря его инициативе, трудам и заботам, библиотека Ейльского университета обогатилась множеством книг по русской истории и заняла в этом отношении одно из первых мест среди университетских библиотек США.

В 1946 г. Г.В. был назначен профессором русской истории Ейльского университета; в 1956 г. он формально оставил этот пост по предельному возрасту, но не порвал ни личных, ни научных, ни деловых связей с университетом (большинство книг, написанных им в США, вышло в издании Ейльского ун-та).

Как профессор Г.В. привлекал к себе студентов, серьезно интересующихся русской историей, не только своей исключительной эрудицией, но и столь же исключительной отзывчивостью и готовностью помочь советами и указаниями по всем вопросам, с которыми к нему обращались.

В американский период своей жизни Г.В. Вернадский подготовил и издал ряд ценных книг по русской истории.

Уже в 1929 г. вышел в свет его учебник («История России»), (привожу заглавия в русском переводе), который получил широкое распространение в университетах США, был переведен на несколько иностранных языков и потребовал несколько повторных изданий. Весьма ценная книга «Политическая и дипломатическая истории России» вышла в 1936 г. В эти же годы вышло несколько монографий: «Ленин, красный диктатор» (1931); «Русская революция, 1917 - 1932» (1932); «Богдан, гетман Украины» (1941). В 1947 г. в книге «Средневековые русские законы» Г.В. дал английский перевод древних памятников русского права «Русской Правды» и Новгородской и Псковской судебных грамот. – В 1959 г. вышла книга Г.В. «Начало Руси».

И учебники, и монографии Г.В. Вернадского снабжены библиографическими и предметными указателями и могут служить надежными и удобными пособиями для тех, кто серьезно интересуется русской историей.

Находясь формально «в отставке», профессор Г.В. Вернадский неутомимо продолжал свою научную работу в области русской истории, буквально до последнего дня жизни.

Его главный научный труд – это 5-ти томная история России с древнейших времен до конца XVII века. В 1-ом томе «Древняя Русь» (1943) он описывает исторические судьбы Русской равнины от древнейших времен до конца IX века, основываясь на источниках славянских, византийских, латинских и восточных; 2-ой том, «Киевская Русь» (1948) описывает политическую, социально-экономическую и культурную жизнь русской земли в X-XIII вв.; в 3-м томе, «Монголы и Россия» (1953) автор излагает историю монголо-тагарского периода (XIII-XV вв.), когда Россия формально стала провинцией великой Монгольской империи; в 4-ом томе, «Россия на заре нового времени» (1959), заключается история Московского и Литовско-Русского государств в XV-XVI вв.; 5-ый том, «Московское царство», 1547 – 1682» (в 2-х частях, 1969), заключает эту серию. – В своей «монументальной» «Истории России» Г.В. Вернадский излагает не только политическую и социально-экономическую историю, но и историю духовной культуры каждой эпохи, снабжая каждый том подробной библиографией.

Кроме названных книг Г.В. опубликовал в разных научных журналах множество статей по русской истории на русском, французском и немецком языках. – За последние годы в «Новом Журнале» была на-

печатана серия статей Г.В., в которых он излагал свои воспоминания и описывал общественную и духовную жизнь эпохи, а в «Записках Русской Академической Группы в США» печатался его весьма ценный труд: «очерки по истории науки в России», труд нгад которым Г.В. работал до последнего дня своей жизни и который, к сожалению, остался незаконченным.

В течение последнего десятилетия Г.В. посвятил немало времени и труда (как «старший редактор» работе по подготовке группой русско-американских историков (включая автора этих строк) 3-х томного собрания источников русской истории в английском переводе (изданного Ейльским издательством в 1972 г.); а перед тем он, как внимательный редактор и друг, усердно помогал составителю «Словаря русских исторических терминов» (С.Г. Пушкареву) в подготовке этого «трудоемкого» издания (изд. в 1970 г.).

В 1959 г. Колумбийский университет избрал Г.В. почетным доктором гуманитарных наук, а в 1964 г. вышел сборник статей по русской истории, который посвятили Г.В. Вернадскому его ученики. В предисловии к сборнику они высоко – и справедливо – оценивают роль и заслуги своего учителя на поприще разработки и преподавания науки русской истории в США. Благодаря исключительно широкой и глубокой эрудиции Г.В. Вернадского в области русской истории и его всегдашней готовности помочь указаниями и советами тем, кто занимается этим предметом, его дом в Нью Хэйвене стал, по выражению его учеников «Меккой для всех изучающих русскую историю».

*

Мне трудно описать всю духовную красоту и силу ушедшего от нас Георгия Владимировича Вернадского. Он был верным сыном православной церкви, имел твердые моральные принципы и определенные политические убеждения (в России он примыкал к либерально-демократической «кадетской» партии, но не принимал участия в текущей политической борьбе), и в то же время он отличался широкой терпимостью к инакомыслящим и снисходительностью к человеческим слабостям и ошибкам. За долгое-долгое время нашей дружбы (начавшейся в Праге в 1922 году) я не помню, чтобы из уст или из под пера его вышло какое-нибудь резкое или бранное слово по чьему-нибудь адресу, хотя он, конечно, с полным осуждением относился и к политическому тоталитаризму и к человеческой подлости. Сдержанный, спокойный и приветливый в личных отношениях, он всегда готов был помочь всем, чем мог, всякому, кто нуждался в его помощи. «Святая душа» сказал о нем протоиерей Павел Златковский в надгробном слове, и в данном случае это была не церковная риторика, а сущая правда.

ПАМЯТИ ПЕТРА НИКОЛАЕВИЧА ПАЛЕЯ

С Петром Николаевичем Палеем я впервые столкнулась в 1945 году. После смерти Владимира Ивановича Вернадского (6 января 1945) Петр Николаевич возглавил бригаду сотрудников Института, которой было поручено описать домашний кабинет Владимира Ивановича для устройства музея. Петр Николаевич бегал по комнате с рулеткой, вымерял, записывал, рисовал ... Все это и записи и рисунки до сих пор хранятся в Кабинете-музее. Когда было построено здание нашего института, тот же Петр Николаевич в 1953 году также деятельно руководил устройством музея. Сам брался за молоток, вбивал гвозди. Вешал картины, изредка обращаясь к окружающим: «Братцы, помогите мне немощко». До последних дней Петр Николаевич забегал в музей, справляясь, не надо ли что-нибудь помочь. Вместе с Петром Николаевичем и Анной Дмитриевной Шаховской мы ездили к художнику Елецкому, когда он рисовал портрет Вернадского, который сейчас висит в конференц-зале, вместе ездили к скульптору Виленскому, когда он работал над памятником Вернадскому на Новодевичьем кладбище.

Была и еще одна точка нашего соприкосновения. В том же 1945 году наш институт шефствовал над одним из госпиталей для раненых воинов. Всей душой желая доставить травмированным войной людям радость, мы изошрялись в выдумках и, наконец, в конце 1945 года решили к новому году поставить спектакль. Выбрали веселый отрывок из «Свадьбы Фигаро» Бомарше, когда ревнивец граф Альмавива ищет в комнате своей жены Розины проказливого пажу Керубино. Ставили сначала в коридоре института, разделив его на две части занавеской, а затем на всяких «пяточках» в палатах госпиталя, где только можно было выкроить место. Костюмы и атрибуты доморощенные. Помню сцену: в кресле, покрытом скатертью, в полуобморочном состоянии красавица Розина (С.В. Ренц!), за ширмой, которая символизировала дверь в чулан, перепуганные Керубино – Неаполитанская и шаловливая служанка Сюзанна – Донцова. На сцену выбегает разъяренная Альмавива – Палей и, размахивая геологическим молотком, кричит: «Я убью его! Я убью его, этого несносного паж!»». Затем, увидев, что на столе не лежит нужного ключа от двери, Петр Николаевич шипит, уже от своего лица забывчивой Ренц: «Вы опять забыли про ключ!»).

Таково было начало нашего драмкружка, деятельным членом которого был Петр Николаевич Палей. Прибегал на репетиции в своей неизменной черной тубичечке: «Братцы, давайте скорее, а то у меня там работа!», а время всегда бывало уже позднее! Играли мы «Женитьбу» Гоголя, где Петр Николаевич был одним из женихов – Анучиным. Больше всего я запомнила его в Чеховских водевилях – рассказах: дьячком, которому рвали зуб и замечательным «злоумышленником». Как сейчас

вижу – за столом на сцене сидит один из наших механиков, игравший следователя, а перед ним маленькая, беспомощная фигурка в дырявом полушубке, беспомощно перебирающая голыми ногами по деревянному полу сцены, и быстрым говорком объясняющая, почему и для чего он отвинтил железнодорожные гайки. Это был Петр Николаевич.

Доктор наук, профессор, руководитель одной из ведущих лабораторий нашего института, Петр Николаевич был очень скромн и прост и, когда он появлялся на наших репетициях и говорил: «давайте, братцы, поскорее, а то меня работа ждет!», на душе становилось тепло и весело. Это был настоящий человек и прекрасный товарищ и неизменный член нашего дружного драмколлектива.

13. 10.1980.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АКАДЕМИКЕ ВЕРНАДСКОМ ВЛАДИМИРЕ ИВАНОВИЧЕ

В 20-х годах нашего столетия академик В. И. Вернадский, после своего возвращения в Петроград из Симферополя, часто выезжал за границу. Командировки по странам Европы перемежались пребыванием на родине, и в это время он читал лекции по геохимии и биогеохимии в малом конференц-зале АН СССР. На эти лекции собирались многие представители научных учреждений. И здесь, вероятно, и началось его знакомство и дружеское научное общение с профессором В.С. Садиковым, моим отцом – общение, которое несомненно помогало отцу в то время пережить тяжелое горе, потерю сына (1922 г.). Как известно, Садиков Владимир Сергеевич, посвятил свою научную деятельность изучению структуры белковых веществ, а эта область исследований интересовала Владимира Ивановича еще с 1888 г., когда он писал жене Наталье Егоровне 20 апреля из-за границы: «Работу по строению белковых веществ (в связи с генезисом жизни) я хочу – рано ли, поздно ли – начать» (цит. по кн. И.И. Мочалов «Владимир Иванович Вернадский». 1982. С. 84).

Начиная с 1921 г. В.С. Садиков в сотрудничестве с В.И. Вернадским занимался проблемой живого вещества, проводил эксперименты по исследованию элементарного состава организмов (с участием М. Шигельского, Р. Гутнера, Е. Головчинского) сначала при Минералогическом музее АН СССР, затем в Геологическом отделе Государственного Радиевого института. Далее В.С. Садиков 1928 г. принимал участие в организации Биогеохимической лаборатории АН СССР (Биогел), где до 1934 г. состоял заведующим отделом специальных методов исследования. Биогел был размещен в здании Государственного Радиевого института, который занимал 4-х этажный флигель бывшего Императорского Александровского Лицея (Кировский пер., д. 21, угол ул. Рентгена).

Этот «преподавательский флигель» (в нем располагались квартиры преподавателей Лицея) был переоборудован в лабораторные помещения. На 4-ом этаже, в той ее части, которая выходила окнами и на Кировский пер. и на ул. Рентгена (б. Лицейская) в квартире из 7-ми комнат, сохранивших паркетные полы, были установлены вытяжные шкафы и лабораторные столы. Это помещение было лишь временным пристанищем Биогела.

В 1929 г. Владимир Иванович писал отцу: «... для нас самое главное подготовить новое помещение, которое ставило бы нас в независимое положение. Все же надо рассчитывать на будущее, на что-то прочное и постоянное. Может быть в будущем устроимся за городом и сейчас мне кажется лучше иметь сад или площадь земли, достаточную для опытов ...» (письмо В.С. Садикову от 9 октября 1929 г.).

Осенью 1927 г. по окончании химического отделения физико-математического факультета ЛГУ я поступила научным сотрудником в

Отдел изучения живого вещества КЕПС, который в 1928 г. был выделен в самостоятельную Биогеохимическую лабораторию (Биогел) при АН СССР со штатом в 10 человек, потом расширенным. Первыми сотрудниками Биогела были ученики проф. В.С. Садикова: Г.Г. Бергман, К.Г. Кунашева, Е.В. Кубовец, М.А. Нарышкина, Ш.Е. Каминская, Д.П. Малюга, тогда уже кандидат биологических наук. Вскоре к ним присоединились И.В. Старик (сотрудник ГРИ по совместительству), Н.К. Воскресенская, Л.Н. Подкопаев, Л.Э. Кауфман, М. Белая, А.П. Виноградов, Х.Г. Томашевская-Виноградова, Б.К. Бруновский, А.М. Симорин и М.А. Савицкая, которая составляла картотеку по химическому составу живых организмов по инициативе и под непосредственным руководством В.И. Вернадского.

Группа сотрудников, в которую включилась и я вместе с проф. В.С. Садиковым, начала выполнять химические анализы растительного организма семейства Lemnaceae (ряска) для выяснения вопроса, является ли химический элементарный состав видовым признаком.

В 1931 г. эти исследования были закончены и их результаты появились в печати. В 1932 г. был создан Отдел специальных методов исследования под руководством В.С. Садикова, в котором в должности старшего научного сотрудника я начала работать по проблеме нахождения и возможной концентрации тяжелой воды в растительных организмах. Были поставлены опыты по выделению воды из растений при низкой температуре, под вакуумом, имея в виду ее накопление для дальнейших исследований на содержание в ней дейтерия.

В связи с переездом Биогела в Москву в начале 1934 г. эта работа была остановлена, я была отчислена из штата Биогела, так как не хотела переезжать в Москву, также как и профессор В.С. Садиков, мой отец. До самого отъезда Вернадских в Москву (июнь 1935 г.) я работала секретарем-референтом Владимира Ивановича, выполняя его поручения по выписке из литературных источников, подбирая по его указанию необходимые материалы в библиотеках (БАН, Геолком). Работа начиналась точно в 1-е ч. утра в квартире Вернадских в кабинете Владимира Ивановича, как правило, 2 раза в неделю. Владимир Иванович просматривал сделанные литературные выписки, распределял их, давал задание на ближайшие дни; тут же составлялись выписки из просмотренной им самим литературы.

Однажды утром в кабинет вошла Серафима Васильевна Павлова (супруга академика И.П. Павлова) в сопровождении Натальи Егоровны. Владимир Иванович отошел от письменного стола для беседы с вошедшими. Серафима Васильевна говорила о болезни Ивана Петровича, которая как будто благополучно миновала. Живя рядом на одной площадке лестницы (в академическом доме, 7 линия В.О.) Иван Петрович и Владимир Иванович имели обыкновение встречаться и беседовать дома у Павловых. Владимир Иванович выразил радость по поводу выздоровления Ивана Петровича, он сразу сказал: «Я понимаю Вашу

тревогу в связи с заболеванием Ивана Петровича. Преклонный возраст дает основание для любых опасений...». Наталья Егоровна и Серафима Васильевна вскоре ушли. Это посещение свидетельствовало о духовной близости двух великих ученых – Ивана Петровича Павлова и Владимира Ивановича Вернадского, работавших казалось бы в мало совместимых, далеких областях (физиология и биогеохимия), но нашедших общий язык взаимопонимания и взаимообогащения в беседах. Визит Серафимы Васильевны был, по-видимому, приглашением возобновить встречи, прерванные болезнью Ивана Петровича.

Совместная творческая научная работа моего отца и Владимира Ивановича не прекращалась и после переезда Вернадских в Москву. Будучи в Карлсбаде в 1935 г. Владимир Иванович просит отца не задерживать его статью: «...и так она, попадая во время моих зарубежных пребываний, не попала во время, - писал он, - ... я хочу очень, чтобы Ваша статья была помещена в наших трудах. Во-первых, потому что мне не хотелось бы, чтобы прервалась связь Ваша с моей лабораторией, бывшая в течение ряда лет; с другой – потому, что я считаю Вашу мысль о геохимии «химических соединений», комплекса элементов – правильной и чреватой будущим. Развитие, например, истории гемоглобина в земной коре должно играть большую роль. Никто эту мысль, сколько знаю, в таком широком масштабе не высказывал. Предшественники идеи, конечно, есть как всякой идеи, но в общем желательнее обратиться на это явление внимание ... Как Наталья Владимировна?» (письмо от 9 октября 1935 г.).

В 1936 г. готовился к печати IV том трудов Биогела. В связи с этим Владимир Иванович писал моему отцу: «Статьи Садикова В.С. и Щукарева (Харьковского) встретили формальные возражения со стороны химической группы, которая просматривает наши издания. Относительно Щукаревской я не буду возражать, если она появится в изданиях группы, но не у нас. Но о Вашей я не согласен. Я хочу, чтобы она была помещена у нас, так как Вы столько времени связаны с нашей биогеохимической лабораторией! К сожалению, когда я узнал об этом, не было ни одного заседания комиссии редакционной группы, но я надеюсь, что мне удастся ее напечатать в IV же томе – если нет, то в V, который идет в июле» (письмо от 20 мая 1936 г.). Статья Садикова В.С. «О миграции органических соединений в биосфере» появилась в Трудах Биогела. Т. V. 1939. С. 239 – 244.

В письме от 10 июня 1940 г. к В.С. Садикову В.И. Вернадский благодарит за присылку тезисов и поздравляет с кандидатством меня, свою недавнюю сотрудницу: «Теперь надо приниматься не откладывая за докторскую», - пишет он и незамедлительно посылает мне письмо: «Дорогая Н.В.! Очень благодарен за присылку Вашей работы. Очень рад, что Вы начали Ваш самостоятельный научный путь и пойдете по нему. Очень жалею, что обстоятельства не дали Вам возможности работать в нашей лаборатории, но думаю, что у вас работать лучше. Содержание Вашей работы я знал, рассказывал Ваш отец. Я посылаю свои оттиски

Вам обоим вместе. С оттисками у нас, как во всем, дефицит. Следующий свой выпуск, который из-за бумаги выйдет месяца через два («О правизне и левизне») пошлю Вам для В.С. и для Вас. Предлагают печатать сейчас на плохой бумаге, а если выждать – можно на хорошей. Мой сердечный привет Вашим родителям. Ваш В. Вернадский. Очень хотел бы, чтобы Вы прочли II выпуск «Проблем»» (письмо от 18 июля 1940 г.).

После переезда Вернадских в Москву при наездах в столицу отец неизменно посещал Владимира Ивановича на их квартире в Дурновском переулке. Во время совместного летнего отдыха в Узком, куда отец при содействии В.И. получил путевку в 1940 г., они проводили долгие беседы во время прогулок.

В 1941 г. перед войной мы с отцом посетили Вернадских, это была наша последняя встреча в его доме в Дурновском переулке. Последнее письмо от В.И. мы получили из Борового в 1942 г. от 16 февраля: «Дорогой Владимир Сергеевич, недавно от д-ра Строганова, который сюда приехал, узнал, что Вы остались в Ленинграде. Мы живем здесь с 23 июля. Здесь очень хорошо. Чудесная местность, интересная в научном отношении, горная гранитная степь с островными лесами: сосна и береза. Я здесь работаю так же как работал в Москве, с А.Д. Шаховской над книгой «Химическая структура биосферы и ее окружение». Первую часть вчера закончил, дальше идти не могу без библиотек. Никак не ожидал, что могу это сделать. Вторая часть в значительной степени написана. Очень много для самого выясняется. Очень буду рад, если черкнете о себе и Ваших. Над чем работает Наталья Владимировна и Вы? Должно быть очень много пережили – перенесли. Как у Вас сейчас? Всего хорошего. Сердечный привет Вашим. В. Вернадский».

14 августа 1942 г. в Шеланге под Казанью скоропостижно скончался профессор Садиков Владимир Сергеевич, которого связывали с В.И. Вернадским более 20 лет совместной работы по проблемам биогеохимии. Образ В.И. Вернадского, великого ученого и патриота, который был не только учителем, но и другом своих сотрудников, который всегда был готов помочь в трудных обстоятельствах, оказать поддержку материальную и моральную, образ его незабвенен для каждого, кто имел честь встречаться с ним и работать. 1 ноября 1983 г.

(Из личного архива В.С. Неаполитанской, передано В.П. Волкову в 1997 г.).

Справка об авторе

Садикова Наталья Владимировна (1902 - ?) – химик, окончила ЛГУ (1927), в 1928 – 1934 гг. – сотрудник Биогел АН СССР, занималась химическим анализом живого вещества. Дочь В.С. Садикова. Выполняла обязанности референта В.И. Вернадского до июня 1935 г. (переезд Биогел АН СССР в Москву). С 1935 г. – ассистент ЛГУ, работала вместе с отцом в его лаборатории, в 1940 г. защитила кандидатскую диссертацию, затем вела преподавательскую работу в ЛГУ. Скончалась в конце 80-х гг., дату смерти выяснить не удалось.

О ЖИЗНИ И ВЗГЛЯДАХ В.К. ГЕЙНСА (В. ФРЕЯ)

Владимир Константинович Гейнс родился в России в 1839 г. Его брат Александр в 1880-х годах был губернатором в г. Казани. Отец – из дворян Эстляндской губернии, мать – по происхождению гречанка. Дед и отец были военные. Следуя семейной традиции Владимир получил первоначальное образование в Брест-Литовском кадетском корпусе, отсюда перешел в существовавшее в 50-х годах XIX в. в Санкт-Петербурге военное учебное заведение «Дворянский Полк». За выдающиеся математические способности преподаватели прозвали его «маленьким Архимедом». Научную карьеру он предпочел военной службе, учился в Артиллерийской академии и Академии Генерального штаба на геодезическом отделении. По окончании учебы его прикомандировали к Пулковской обсерватории, где он занимался под руководством академика В.Я. Струве. В качестве специалиста по геодезии Гейнс был назначен представителем России в Международной комиссии, изучавшей вопрос о точном измерении дуги меридиана.

Перед ним открывалось блестящее будущее, но ни оно, ни материальные выгоды его не соблазнили. К этому времени он вступил в тайное общество «Земля и воля», образованное кружком Н.Г. Чернышевского и Н.А. Серно-Соловьевича. Общение с революционерами привело Гейнса в ужас, в его душе возникали невыносимые противоречия, он подумывал о самоубийстве. Для нравственного возрождения, полагал Гейнс, нужна новая религия.

В Америке

Его интересовали идеи социального переустройства общества Герцена, Чернышевского, Фурье, Оуэна и др. Знакомясь с литературой, Гейнс прочитал книгу В.Г. Диксона «Новая Америка» в предисловии к которой написано: «На востоке и на западе, на севере и на юге я встретил новые идеи, новые стремления, новые методы, одним словом Новую Америку. Люди, насадившие эти свободные штаты и совершившие тем величайшее дело Англии в течение всей ее истории, были побуждаемы двумя великими чувствами: широкой любовью к свободе и глубоким религиозным сознанием». В России Америку считали великой социальной лабораторией всех идей и стремлений, волновавших мир. Гейнс решил покинуть Россию и вступить в одну из коммун Северной Америки, стремившихся возродить человечество к новой жизни.

Осенью 1865 г. он познакомился с Марией Евстафьевной Славинской, которая оказалась с ним одних взглядов и за сочувствие к низшим классам была прозвана *крестьянкой*. В январе 1866 г. Гейнс женился на ней, а в 1868 г. взял отпуск и отправился в Америку, принял американское подданство, изменил имя и фамилию, назвавшись Вильямом Фреем. Для изучения языка они остались в Нью-Йорке, денег не было, стали искать работу.

В 1871 г. Фрей с женой поселился на юге Канзаса, отдал в общину последние 100 долларов. Из-за незнания языка, обычаев и условий страны, отсутствию житейской практики, они претерпевали нужду, голод, лишения. В общине он познакомился с доктором Бригсом, который посвятил его в вегетарианство. Община вскоре распалась, было решено основать новую общину. В нее вошло много русских и американцев, но она также распалась из-за разногласий, так как американцы хотели придать общине *коммерческий характер*. Фрей с семьей соотечественниками отделился и основал другую общину.

Постепенно он постиг, что, преследуя только материальные цели, нельзя создать прочного общества, необходимого для нравственного возрождения человека. «Материальную прибыль поставили выше духовного развития. Благодаря этому, - писал Оскар Уайльд, - человек стал думать, что главное – это *иметь*, и упустил из виду, что главное – это *быть*. Истинное совершенство человека заключается не в том, что он имеет, а в том, что он собой представляет» (16. С. 316).

В учении О. Конта, в его «религии человечества» (моральных основах позитивизма), Фрей нашел «истину», отныне «он становится ее апостолом». В то время на севере Канзаса жил молодой русский эмигрант, писатель-народник Г.А. Мачтет, автор стихотворения «Замучен тяжелой неволей», которое стало революционной песней. Он написал письмо Фрею и после положительного ответа приехал к нему. Мачтет так описывает эту встречу: «Приветливо, радостно встретила меня небольшого роста, смуглая с черными как смоль волосами, с умным, энергичным и добрым лицом женщина, близко прижимаясь к которой и не то пугливо, не то удивленно выпучив умные черные глазки, стояла девочка, дочь их Белла. Вскоре пришел и Фрей, вышедший было на минутку кликнуть остальных к обеду. Фрей, коренастый, крепко сложенный мужчина, с умным и красивым лицом, встретил меня, как и жена. Посыпались вопросы с обеих сторон» (6. С. 344).

Община состояла из Фрея с женой и ребенком и двух спиритов (Бригс и Трюмон). Фрей был секретарем, его жена – казначеем, Бригс «президентом», Трюмон - распорядителем работ. Обедали очень скромно. «Человек ест для того, чтобы жить, а не живет для того, чтобы есть». Это был афоризм общинников. Они нападали на «всякого мясоеда, кофе- и чае-пийцу, потребителя соли, масла и т.д.

Фрей был образованнее и развитее других. Но, умнее и самостоятельнее всех была Мэри Фрей, - женщина очень не дюжинного ума. Такой «общиной» она тяготилась, - многое твердо и ясно отрицала в ней, - но терпела по неволе, держа себя с необычайным тактом. Несомненно, что только благодаря ее присутствию в общине, - там еще и мог уживаться хоть кое-как посторонний человек, - не их «толка».

У общины были двоякого рода собрания: ежедневные вечером, где делалось распределение работ на следующий день, и еженедельные – по субботам, где обсуждались все необходимые задания для будущей недели. Кроме этих собраний, по воскресениям бывали еще, неизвестные в Европе собрания для «взаимного критицизма». Члены общины – братья по духу. Любовь, помощь друг другу были основой их взаимных отношений. Только в день критицизма разрешалось в общем присутствии всех членов спокойно, «по-братски» делать замечания. Эти критицизмы создавали такую путаницу дрызг, что и сказать трудно, отмечает Мачтет.

В шесть утра все обыкновенно вставали и принимались каждый за свою работу, выполняемую в течение недели, после чего эту работу выполнял другой и т.д. Соседи фермеры удивлялись полному презрению общинников к удобствам, к роскоши, выражавшемуся в нежелании общины участвовать в спекуляциях и разных коммерческих предприятиях.

Я жил и работал в общине 8 месяцев, заключает свои впечатления Мачтет.

Став последователем позитивизма, Фрей не разделял всех взглядов Конта. Фрей не отказался от вегетарианства, тогда как Конт считал необходимым употребление мясной пищи. Не совпадали их взгляды и на собственность. Конт считал, что собственность в интересах общества должна сохранять индивидуальный характер. Фрей же считал, что собственность должна быть коллективной, только в тогда будет наилучший порядок.

Фрей несколько переработал учение Конта, внося в него веру в коммунистические общины и требование крайней простоты и умеренности личной жизни. Ярким примером такого склада были А.К. Маликов и Н.В. Чайковский. В 70-х годах XIX в. кружок Маликова был предтечей учения Л.Н. Толстого в учении о непротивлении злу силой и о борьбе с ним исключительно христианскими мерами. Маликову запретили пропаганду своих идей в России. До поездки в Америку Чайковский организовал кружок, членами которого, среди прочих, были П.А. Кропоткин и Н.А. Морозов.

Чайковский переписывался с Фреем, который звал его присоединиться к коммуне. Осенью 1875 г. Маликов, Чайковский и еще несколько человек прибыли в Нью-Йорк. Они хотели на деле осуществить возможность совместной трудовой братской жизни. Однако, жизнь в коммуне их разочаровала, и в 1877 г. они вернулись в Европу.

Главная задача, считал Фрей, состоит в усовершенствовании личности. В общине он читал лекции о позитивизме, выполнял любую черную работу, проповедовал необходимость вегетарианства. В основном община рубила лес для соседней железной дороги. В ней было около 50 русских и американцев обоего пола. Члены общины занимались также нравственным самовоспитанием. В одно из воскресений каждого ме-

сяца все с энтузиазмом и песнями (кроме нескольких американцев) работали в пользу бедных, в этой работе участвовали и женщины и дети.

Семья Фрея личным примером исполняла великую доктрину Конта «жить для других», не как тяжкое бремя, но с выражением энтузиазма. Фрей постоянно вспоминал о России, для которой он ничего не успел сделать. У него появились признаки болезни сердца как следствие ревматизма, постигшего его в юности.

Возвращение в Европу

В 1884 г. Фрей с семьей прибыл в Лондон, вступил в Общество позитивистов, имевшее целью просвещать общественное мнение и указывать правительству на необходимость той или иной меры. Этический идеал Фрея оказался близким учению, к которому в начале 1880-х гг. пришел Толстой. Фрей познакомился с религиозно-нравственными сочинениями Толстого, и 24 августа 1885 г. написал ему небольшое письмо, выражая желание лично познакомиться с ним, а затем, 10 сентября послал ему большое письмо на 60 страницах с изложением своей религии. Толстой пригласил его и 7 октября 1885 г. Фрей приехал в Ясную Поляну, пробыл здесь пять дней. Толстой признавал, что в «религии человечества» есть созвучные ему мысли, но отказался ее принять.

После отъезда Фрея из Ясной Поляны Толстой писал 19 – 20 октября П.И. Бирюкову: «Поблагодарите Александру Михайловну Калмыкову за Фрея. Как мне кажется, она оценила его больше всех. Он пробыл здесь 4 дня, и мне жаль было и тогда и теперь всякий день жалко, что его нет. Во-первых, чистая, искренняя, серьезная натура, потом знаний не книжных, а жизненных, самых важных - о том, как людям жить с природой и между собой – бездна ... Он был в школе со мною на вечернем чтении, начал разговор с мужиками. Надо было видеть, как разинули они рты на его рассказы» (26. С. 265).

После поездки в Ясную Поляну Фрей отправился в Петербург, где пробыл несколько месяцев. Он сблизился с небольшим кружком студентов Петербургского университета, члены которого стремились к моральному совершенству и социальной справедливости. Их встрече способствовали близкие Толстому В.Г. Чертков и П.И. Бирюков. По окончании университета члены кружка решили купить маленькое имение (временный приют), чтобы собираться летом и согласовывать общественную деятельность. Отсюда имение было названо «Приютино», а члены его – «приютинцы». Фрей изложил им основные догматы религии человечества. «Обаятельная личность Фрея, его праведная жизнь, нравственная чистота принципов его этики, - писал Г.В. Вернадский, - произвели огромное впечатление среди его слушателей. Под впечатлением знакомства с Фреем было решено организовать более тесный кружок – Братство. В Братство вошли братья С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбург, князь Д.И. Шаховской, А.Н. Сиротинина (ставшая затем женой

Д.И. Шаховского, В.И. и Н.Е. Вернадские, И.М. и М.С. Гревс, А.А. Корнилов и другие. Это было объединение во имя нравственных начал. Д.И. Шаховской выразил сущность подхода к философии жизни в трех аксиомах: так жить нельзя; все мы ужасно плохи; без братства мы погибли. Исходя из этих аксиом Шаховской предложил правила жизни: работать как можно больше; потреблять (на себя) как можно меньше; на чужие нужды смотреть как на свои» (7. С. 159 – 160).

В 1890-х гг. и начале XX в. работа приютинцев шла по нескольким линиям: распространение народного образования, участие в земской деятельности и политическом движении, помощи голодающим (18. С. 202 – 215).

В конце каждого года приютинцы собирались на традиционную встречу. Они были прерваны лишь событиями 1918 – 1920 гг. Последняя встреча состоялась 30 декабря 1921 г. в квартире Вернадских через год после их возвращения из Крыма в Петроград. Собрались В.И. и Н.Е. Вернадские, С. Ф. Ольденбург, М.С. Гревс, Л.А. Оболянинов и как сочувствующие – шлиссельбуржцы И.Д. Лукашевич и Н.А. Морозов (19. С. 230).

Фрей вернулся в Лондон не совсем довольный своим путешествием. Осенью 1888 г. его здоровье заметно ухудшилось и 5 ноября (н. ст.) 1888 г. он умер в возрасте 49 лет. Его похоронили в Лондоне на кладбище Эдмонтон рядом с могилой Дж. Ст. Милля. В воскресенье (11 ноября, н. ст.) ближайший друг Фрея проф. Beesley сделал сообщение в заседании общества о его жизни и деятельности; оно было издано отдельной брошюрой (23).

«Богато одаренная, - говорит о нем профессор Beesley – нравственная натура заключала в себе необыкновенную решительность и редкую силу характера ... Самый поучительный урок, какой мы можем вынести из жизни Фрея – это преимущество примера над наставлением ... Мы можем себе представить, какой бы прогресс имела наша доктрина, если бы каждый с такой же твердостью и преданностью идее вел свою жизнь, как вел ее Фрей. Мы видели, что где бы ни появлялся этот человек, он постоянно побеждал сердца совершенством и прелестью своей натуры гораздо скорее, чем наставлением и словами» (Цит. по: 3. С. 25 - 27).

«Обращая по преимуществу внимание на развитие и усовершенствование личности, деятели, подобные Гейнсу, очень хорошо понимают, что в этом заключается главнейшее условие прочности и жизненности всякой общественной реформы, в этом же заключается весь прогресс человеческого общества. Изучая историю человечества мы видим, что его *прогресс заключается в постепенном увеличении господства человека над природой, в уменьшении господства человека над человеком и в распространении господства над людьми сферы нравственного идеала*» (3. С. 29).

А.С. Пушкин заметил, что «лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества» (10. С. 196).

Главная роль в прогрессе принадлежит моральному началу. Первый человек, который под влиянием симпатических чувств отказался от человеческого мяса и своим примером заставил других подражать себе, положил начало великому нравственному, а затем и общественному перевороту. Когда человек стал выходить из чисто животного состояния, в котором главную роль играют только желудочные инстинкты, самые энергичные по своему проявлению, он перестал быть *предметом потребления*. Пленников перестали есть, а стали обращать в рабов, чтобы использовать их труд. Это был великий прогресс в истории человечества, так как пленникам сохраняли жизнь, что послужило зачатком принципа уважения к человеческой жизни, а также было положено начало оседлой, трудовой жизни, которая составляет главное и существенное условие возможности развития общества. Переход от людоедства к рабству есть переход от чисто животного состояния к человеческому. Затем было уничтожено и рабство, замененное крепостничеством.

«Непрерывное улучшение нашей породы, - писал О. Конт, - является главной целью поступательного движения человечества» (2. С. 46). Н.А. Умов в статье «Недоразумения в понимании природы» (Научное слово, 1904, № 10) писал о том, что необходимо «сократить и искоренить звериные приемы истории и политической жизни», так как это составляет «высокую этическую задачу грядущих поколений», а Н.А. Бердяев называл войну «зоологической стадией в развитии человечества».

Фрейд являл собой всесторонне развитую в нравственном и умственном отношении личность, тип того общественного деятеля, который, поняв, что главное условие развития общества заключается в нравственном совершенствовании личности, прежде всего эту задачу постарался разрешить относительно самого себя. Своей жизнью он показал, что никакие невзгоды, никакие физические лишения не могут препятствовать нравственному усовершенствованию. Сердце Фрейда было достойно наполнено в особенности любовью, главным источником нравственного совершенства, главным условием благополучия личности. Любовь поддерживала его силы в борьбе с суровой действительностью, поддерживала его энтузиазм, который угас только с его жизнью. Она парализовала силу бедствий, силу физических мучений.

Любить и быть любимым – составляет во всех жизненных эпохах самый высший источник благополучия. «В сущности, все мы, в известный срок живущие на земле вместе и вместе испытывающие все земные радости и горести, - писал И.А. Бунин, - видящие одно и то же небо, любящие и ненавидящие в конце концов одинаковое и все поголовно

обреченные одной и той же казни, одному и тому же исчезновению с лица земли, должны были бы питать друг к другу величайшую нежность, чувство до слез умиляющей близости и просто кричать должны были бы от страха и боли, когда судьба разлучает нас» (9. С. 238).

Утром последнего дня своей жизни Фрей получил из России коллективное письмо, подписанное теми, которых он желал. Они писали, что его слово и его пример сильно подействовали на них, и что они убедились, что прогресс должен иметь моральный характер.

Отрывки из письма Фрея к гр. Толстому(4)

Я видел в ваших словах наиболее рельефное проявление той могучей потребности в духовной пище, которая должна была, наконец, проявиться в нашем обществе и которая не может быть заглушена ни сатурналиями разврата, ни бешеной погоней за почестями и богатством.

Разница между нами заключалась в том, что Вы, как глубокий психолог, решили вопрос с чисто личной точки зрения *«Что нужно для моего счастья?»*- спрашивали вы, а я решал вопрос: *каким путем возможно осуществить наилучшую жизнь для массы страждущих?* Я, понявши невозможность разрешить поставленный себе вопрос в России, бросил свое общественное положение, карьеру, друзей, родных и поехал в 1868 г. в Америку, чтобы самому пройти все степени тяжелого, черного труда. Я очутился в великой социальной лаборатории всех идей и стремлений, волнующих современный мир. Через 9-10 лет я нашел свой спасительный якорь в учении О. Конта.

Мы оба пришли к убеждению, что религия есть единственный ключ для решения вопросов жизни, как отдельного человека, так и общества. Мы оба пришли к учению альтруизма... Согласимся, что религиозное чувство вызывается тем сознанием ничтожества, одиночества и беспомощности, которые с незапамятных времен существовали и росли в душе человека, и постоянно побуждают его опираться на что-нибудь сильнее, могучее его.

С развитием науки мы все более поражаемся мощью природы в сравнении с нами, ничтожными пасынками мироздания. Сегодня в европейской цивилизации люди отрешились от старых религиозных форм, не создавши еще новых, и вместо того, чтобы в силу умственного превосходства быть во главе прогресса, все более падают нравственно, все глубже погрязают в болоте индивидуализма. Погоня за личным счастьем, богатством, почетом так ослепила их, что они не видят пропасти, к которой стремятся. Даже страшные признаки общественного разложения – всеобщее недовольство, нищета масс, рост самоубийств и т.п. – кажутся им результатом политических форм.

«Они не видят, что причина зла заключается не в формах жизни, а в них самих, в нравственной негодности людей, составляющих общество» (4. С. 5).

«Каждый за себя и пусть черт берет последнего!» - кричат в Америке (а думают везде) поклонники золотого тельца» (4. С. 5 - 6). «Каждый должен отстаивать себя в борьбе за существование» - говорят последователи Спенсера. Самый отчаянный негодяй и эгоист может подписаться под учением Спенсера и находит в законах природы оправдание самых гнусных поступков.

В конце 30-х годов О. Конт доказал в своей позитивной философии существование высшего общественного организма (человечества), в котором отдельные индивиды его атомы. Конт положил начало социологии. Оценивая духовную сторону человечества, *люди увидели в нем существо, стоящее неизмеримо выше самых гениальных индивидуумов, потому что оно обладает коллективным пониманием всех людей и сохраняет в себе весь гигантский опыт, накопленный жизнью миллиардов людей.*

Они увидели, что в человечестве сохраняется и растет все прекрасное, великое, доброе и истинное, когда-либо выработанное в прошлом. Взамен борьбы за существование оно вносит учение о нравственных обязательствах к ближнему. Только через человечество ясно познается, что все люди братья и что зло, нанесенное одному из них, вредно для всего человечества, вредно и тому лицу, которое наносит зло.

Разнузданный мир индивидуалистов отшатнулся от Конта. Приступая к изложению главных правил нравственности, вытекающих из научного представления о человечестве, я приму за основу формулу, в которой Конт сконцентрировал все учение позитивизма. Вот эта формула: *во имя человечества – любовь наш принцип; порядок – основание, а прогресс – цель нашей деятельности. Жить для других. Жить открыто»* (4. С. 9).

Как видите, *принцип любви* включает, между прочим, много из того, что собрано вами: не сердись, не противься злу, не вой. Мы не можем согласиться со всеми вашими крайними выводами, что такое согласие поведет нас к исключению самой любви. Конт говорил, что сильный относительно злого должен покровительствовать слабому ... Мы отрицаем выводы революционеров, когда они, исходя якобы из необходимости защиты, стремятся исправлять людей или прививать к ним свои мнения чисто внешними принуждениями – большинством голосов или революциями.

«Исправление людей происходит только под влиянием нравственной работы путем убеждения» (4. С. 10). Если сильный человек способен своим вмешательством приостановить совершение нравственного или физического насилия над слабым или беззащитным, то он обязан это сделать. В то же время мы признаем необходимость пассивного насилия, когда сильный человек становится между лицом, наносящим вред и слабым существом, чтобы защитить последнее. Защита слабого

составляет одну из священных обязанностей правительства. Думать, что посредством слова можно исправить людей, беспрепятственно практикующих зло, также наивно, как полагать, что словесные наставления и даже личный пример исправят ребенка, которому позволяют делать все дурное. Воспитание, как отдельного человека, так и общества должно начинаться чисто физическими стеснениями и препятствиями к совершению зла, и уж потом, по мере развития человека или общества, внешние принудительные средства должны постепенно уступать средствам, основанным на нравственных убеждениях.

Порядок – основание нашей деятельности. Порядок это стройность, гармония и единство, которые открываются нам коллективным умом человечества (наукой) и формулируются в виде абстрактных, обобщающих законов. Порядок – это подчинение законам природы, независимо от того, нравятся они нам или нет. Как бы велики ни были симпатии позитивиста к революции, он должен видеть в ней проявление болезни, которая и в общественном организме (как и в индивидуальном) является результатом чрезмерного развития одних органов за счет других. Позитивист смотрит на общество как на организм, он видит в сосредоточении капиталов, разделении на классы неизбежные роковые проявления органической жизни (так называемую дифференциацию органов и отправлений), которые не могут быть уничтожены никакими воздыханиями. Он видит, что вред, сопровождающий эти проявления, должен быть приписан не общественным формам, а людям, придающим им тот или иной характер. Во всех формах настоящего позитивист видит органическое наследие прошлого, которое не может быть уничтожено, но должно изменяться к лучшему путем нравственного улучшения людей, стоящих у дела.

Люди, развившись нравственно, не будут нуждаться во внешних принуждениях; люди, как капиталисты, так и рабочие поймут, что работа не есть проклятие, а святой долг, выполняемый без принуждения голода и тщеславия; что продукты производства не составляют безусловной собственности производителя, но предназначаются для наилучшего питания общественного организма; прекратится опасность нападений и война перестанет быть единственной школой для развития духа повиновения, геройства и самоотверженного служения долгу. Иначе говоря, когда воспитание этих качеств, столь необходимых для будущего развития человечества, перейдет от сферы военной деятельности к сфере созидательной (промышленной). Увеличивать число бесспорных истин и тем уменьшать умственную рознь людей – есть одно из назначений науки.

«Прогресс – цель нашей деятельности». Человечество – растущий организм, значит вместе с уважением к формам, перешедшим от прошлого, у нас невольно ассоциируется идея необходимости их изменения

в будущем. Содействовать прогрессу значит придать жизни индивида характер, наиболее удовлетворяющий требованиям всего организма, т.е. подчинить личную жизнь общим целям и стремлениям. Иначе жизнь отдельного человека будет находиться в дисгармонии с жизнью целого и послужит не помощником его поступательного движения, а только ее тормозом.

«Ускорить и усилить прогресс возможно будет только тогда, когда люди, до сих пор бессознательно участвующие в прогрессе улучшения, поймут сознательно, что первое и самое главное правило жизни каждого состоит в постоянном стремлении к нравственному усовершенствованию. Тогда вместо существующей в настоящее время строгости к другим, распушенности относительно самого себя, явится необходимость быть строгим к самому себе» (4. С. 19 - 20). Узнав на опыте всю трудность и медленность самоисправления, будете снисходительно смотреть на недостатки других.

«Жить для других». Позитивисты говорят, что на первом месте должно стоять служение человечеству. Само слово «жить» включает понятие о том, что человек должен наилучшим образом заботиться о себе; но подобно хорошему солдату, он должен поступать так для приобретения способности к лучшему выполнению своих обязанностей относительно целого и для приобретения высших качеств, могущих развить забвение личных побуждений.

«Жить открыто». Современные дельцы подобно ворами и мошенникам стыдятся и прячут свою частную жизнь от других. Жизнь каждого искреннего слуги человечества должна быть переведена из темных тайников индивидуализма в светлый, прозрачный дом позитивной нравственности и стать открытой для взоров каждого. Он должен открыть двери своего прозрачного дома для всех, которые могут быть ему полезны. Позитивисты учатся подчинять свои симпатии выводам науки и стремятся выработать нравственный кодекс для практической жизни.

«Во имя блага хороших людей, которые полны доверия к вам, я умоляю вас приостановить пропаганду своих религиозных воззрений» (С. 24). Учитель нравственности не может более игнорировать науку, иначе он принесет более вреда, чем пользы. Выводы социологии показывают, что общества должны проходить через известные стадии развития, независимо от того, нравится нам это или нет. Вы обязаны учить нас вечным законам нравственности, поддерживать нас, согревать наши сердца как великий художник.

Богатство в раздробленном виде теряет способность создать прочные рациональные улучшения к жизни; кроме того, переходит при этом часто от хорошего человека к дурным и которые будут злоупотреблять ими. Количественное отношение гадости, низости и эгоизма к общему числу людей одинаковы как между бедными, так и богатыми.

Вы говорите своим последователям: *бегите от общественных обязанностей, чтобы не загрязнить себя. Вы внушаете им какой-то ужас перед грязью, обыкновенно сопровождающей все жизненные процессы; вы делаете их слишком брезгливыми и, потому непригодными ни к какой практической деятельности* (4. С. 29). «Настоящая, неподдельная терпимость возможна только там, где безусловными истинами считаются бесспорные выводы науки и где по всем спорным вопросам никто не может присвоить себе монополию истины. Позитивизм не уничтожает врожденного стремления к счастью, но подчиняет его альтруизму и направляет на благо других.

Позитивистская доктрина говорит нам словами великого поэта: «Не походите на немой, подгоняемый скот. Будьте героями в кипящей вокруг вас битве «но при этом «учитесь не только *работать, но и ждать*» (из прекрасного стихотворения Лонгфелло: «Psalom of life». И если мы живем лучше, мыслим шире, стремимся к более высоким идеалам, то обязанные во всем человечеству в его прошлом, мы должны выразить свою благодарность в самоотверженном служении человечеству в его настоящем и будущем, независимо от того, кто пожнет плоды наших трудов.

Конт, созидавая в течение 30 лет лучший интеллектуальный монумент XIX в., делая свод умственному и нравственному прогрессу Европы со времени Бэкона, все-таки говорит в конце своей колоссальной работы, что позитивизм будет принят в начале не богатыми, не учеными и образованными людьми, а *женщинами и рабочими*.

В вас я вижу лучшего представителя той России, с которой я хочу говорить, и для которой я приехал сюда. Окажемся ли мы идущими по одной дороге, или сочтем за лучшее идти в нашей общей цели различными путями, вы всегда рассчитывайте на меня, как на глубоко преданного и почитающего вас брата в человечестве. «*Вильям Фрей*».

В дополнении к первому письму Толстому из Симферополя 15/3 ноября 1885 г. Фрей отмечал: «Только религия человечества может спасти современную интеллигенцию от засасывающего болота индивидуализма, только она может смягчить ожесточенные, но честные сердца ее лучших представителей, и направить их энергию от разрушительной сферы к сфере созидающей» (1. С. 293).

В третьем письме к Толстому из Санкт-Петербурга от 10 марта 1886 г. Фрей писал: «Личные интересы, как более ясные в нашем сознании, кажутся нам сильнее общественных, но на деле они гораздо слабее бессознательной, но могучей потребности служить обществу» (1. С. 302). В религии человечества Фрей показал спасение для нашей разлагающейся цивилизации.

Литература

1. *Фрей Вильям*. Дополнение к первому письму Л.Н. Толстому. Третье письмо к Л.Н. Толстому. Письма русским друзьям // Русские пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. Составил М. Гершензон. Том I. М., 1915. С. 276-362.
2. *Конт О*. Дух позитивной философии. СПб., 1910. 80 с.
3. *Рейнгардт Н.В.* Необыкновенная личность. Казань. 1889. 39 с.
4. *Рейнгардт Н.В.* Отрывки из письма Фрея к графу Толстому, Казань, 1889. 33 с.
5. *Мачтет Г.А.* Путевые картинки американской жизни. Повести и рассказы, Киев. 1902. 250 с.
6. *Мачтет Г.А.* По белу свету ... (Очерки американской жизни). М., 1899. 367 с.
7. *Вернадский Г.В.* Братство «Приютино» // Новый журнал. Нью-Йорк. Кн. 93. 1968. С. 147-171.
8. *Толстой Л.Н.* Религия и нравственность // *Л.Н. Толстой*. В чем моя вера. М., 1907. С. 359-392.
9. *Бунин И.А.* Собрание сочинений в шести томах. Том четвертый. М.: Худ. лит-ра. 1988. С. 238.
10. *Пушкин А.С.* Собр. соч. в десяти томах. Т. VI. М.: Правда. 1981. С. 196.
11. *Скорородова А.С.* «Русский» религиозный позитивист В. Фрей // Социс. Социологические исследования. № 9. 1997. С. 93-98.
12. *Кропоткин П.А.* Кружок чайковцев // П.А. Кропоткин. Записки революционера. 1924. С. 391-418.
13. *Фаресов А.И.* Семидесятники. Очерки умственных и политических движений в России. СПб., 1905. 332 с.
14. *Тенеромо И.Б.* Воспоминания о Л.Н. Толстом и его письма. СПб., 1905. 193 с.
15. *Пантелеев Л.Ф.* Из воспоминаний прошлого. Книга первая. СПб., 1905. 341 с.
16. *Оскар Уайльд*. Душа человека при социалистическом строе // *Оскар Уайльд*. Полное собрание сочинений. Т. I. Кн. 2. СПб., 1912.
17. *Баулер А.В.* Воспоминания о Драгоманове // Новый журнал. Нью-Йорк. Кн. 8. 1944. С. 321-333.
18. *Вернадский Г.В.* Братство «Приютино» // Новый журнал. Нью-Йорк. Кн. 95. 1969. С. 202-215.
19. *Вернадский Г.В.* Братство «Приютино» // Новый журнал. Нью-Йорк. Кн. 97. 1969. С. 218-237.
20. *Богучарский В.Я.* Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. 383 с.
21. *Чайковский Н.В.* Религиозные и общественные искания. Париж, 1929. С. 100-101.
22. *Диксон В.Г.* Новая Америка. СПб., 1867. 416 с.
23. *Beesley E.S.* The life and death of W. Frey. London: Reves and Turner. 1888.
24. *Кропоткин П.А.* Позитивная, т.е. положительная философия Конта // *П.А. Кропоткин*. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Правда. 1990. С. 260-264.
25. *Фрей В.* Письмо коммуниста. Приложение к «Письму коммуниста» // «Вперед!». Т. III. 1874. С. 120-145.
26. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Письма к В.Г. Черткову. 1883-1886. Т. 85. М.: Гос. изд-во «Худ. лит-ра», 1935. С. 141, 257-260, 265-266, 412.

НАШИ АВТОРЫ

Волков Владислав Павлович

доктор геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского

Гурвич Елена Моисеевна

кандидат геолого-минералогических наук, Дом научно-технического творчества молодежи Московского городского дворца детского (юношеского) творчества

Лавров Валерий Васильевич

кандидат филологических наук, доцент Таврического университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Украина)

Рудая Светлана Петровна

доктор исторических наук, профессор Института искусств художественного и дизайна им. Сальвадора Дали (Киев, Украина)

Чесноков Вячеслав Степанович

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Медведев А.К.</i> Письма В.И. Вернадскому. Профессор А.К. Медведев (некролог).....	3
Послужной список Василия Ивановича Вернадского.....	43
<i>С.П. Рудая.</i> Из ранней истории Украинской академии наук.....	45
<i>В.В. Лавров.</i> Найти не нужным и меня.....	48
Письмо В.И. Вернадского к Н. П. Василенко.....	57
<i>Г.В. Вернадский.</i> Исторические письма.....	59
<i>Н.Д. Полонская-Василенко.</i> Академик В.И. Вернадский (Воспоминания).....	72
Записки Наталии Егоровны Вернадской.....	87
<i>Н.В. Вернадская.</i> Лермонтов в русской музыке.....	105
Воспоминания Прасковьи Кирилловны Казаковой о семье Вернадских.....	126
<i>Г.В. Вернадский.</i> Письма И.И. Мочалову.....	143
Из переписки Г.В. Вернадского с В.С. Неаполитанской.....	146
<i>С.Г. Пушкарев.</i> Памяти ушедших. Г.В. Вернадский.....	182
<i>В.С. Неаполитанская.</i> Памяти Петра Николаевича Палея.....	186
<i>Н.В. Садикова.</i> Воспоминания об академике Владимире Ивановиче Вернадском.....	188
<i>В.С. Чесноков.</i> О жизни и взглядах В.К. Гейнса (В. Фрея).....	192
Наши авторы.....	204

Научное издание

БЮЛЛЕТЕНЬ

**Комиссии по разработке научного наследия
академика В.И. Вернадского**

№ 21

*Утверждено к печати
Комиссией по разработке научного наследия
академика В.И. Вернадского*

Редактор: *И.С. Рыбальская*
Технический редактор: *Е.В. Муравьева*
Компьютерная верстка: *Е.Д. Самолесов*

Подписано в печать 15.12.12   Формат 60x90^{1/16}
Бумага офсетная № 1   Заказ № б/н от 24.11. 12 г.
Усл. печ. л. 12,5   Уч.-изд. л. 12,9

Тираж 150 экз.

Издательско-полиграфический комплекс НИА-Природа,
Адрес: 142784, Московская обл., Ленинский р-н, г.п. Московский,
п/я 174 (для писем), Бизнес-парк “Румянцево”, Г-352
Тел./факс: 8(499) 550-00-45. E-mail: nia_priroda@mail.ru